Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

Харитонов Сергей Сергеевич

Система народнических взглядов И.Н. Харламова

Специальность 5.6.1

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
Петровичева Елена Михайловна

Владимир-2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1. Исторический портрет интеллигента-народника И.Н. Харламова 37

§ 1.1. Жизненный путь интеллигента-народника 37

§ 1.2. Творческий портрет И.Н. Харламова. Основы мировоззрения 71

Глава 2. Социально-экономические, общественно-политические и правовые вопросы пореформенной России в системе взглядов И.Н. Харламова 94

§ 2.1. Социально-экономические взгляды 94

§ 2.2. Общественно-политические взгляды 110

§ 2.3. Правовые взгляды 139

Глава 3. И.Н. Харламов о нравственно-религиозных особенностях самосознания представителей пореформенного российского общества 158

§ 3.1. Отражение нравственных ценностей представителей пореформенного российского общества в художественных очерках и критических статьях И.Н. Харламова 158

§ 3.2. И.Н. Харламов о религиозном элементе в народном самосознании: об идеологии старообрядчества и религиозного сектантства 185

Заключение 213

Источники и литература 220

Приложение. Статистика публикаций И.Н. Харламова 256

Введение

Актуальность темы исследования. История русского народничества – одна из ярких страниц отечественной истории, сочетающая в себе революционный порыв, готовность к самопожертвованию ради высоких идеалов и в то же время – дискуссии и сомнения по поводу путей дальнейшего развития страны. В понимании того, что представляло из себя народничество мы придерживаемся определения данного Г.Н. Мокшиным, согласно которому народничество представляет собой особый тип сознания или мышления, идеологию (доктрину) и движение демократической интеллигенции России пореформенного времени[1].

Вопросы социально-экономической и общественно-политической модернизации обсуждались на самых различных уровнях и площадках. Свой вклад в разработку идей и программ модернизации внесли и представители демократического направления общественной мысли – общественное движение народников. Поскольку они не имели непосредственного влияния на правящие круги, определявшие направления дальнейшего развития, более того, чаще всего расходились с ними во мнениях, их идеи и модели модернизации можно отнести к альтернативным.

Представители народнического лагеря не только будили интерес образованного общества к самобытной народной жизни, но и заставляли по-новому взглянуть на народ – как на значимый субъект общественных отношений. Под разными углами зрения ставили вопрос о миссии интеллигенции в общественной жизни: не только как учителя, просветителя народа, способного через самопожертвование добиваться улучшения крестьянского быта, но и как ученика, приобщающегося к основам народной нравственности, справедливого общественного устройства. Народники акцентировали внимание на проблеме свободы личности в государстве,

---

[1] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 36.

необходимости расширения гражданских свобод, определении роли государства в общественной жизни и многом другом. Все эти вопросы помогали в самоопределении и самой интеллигенции.

Следует признать, что проблемы, поднимавшиеся народниками в позапрошлом веке, по сей день не утратили своей актуальности. Перед российским обществом, пусть и под другим углом, по-прежнему стоят вопросы о роли интеллигенции в общественной жизни, взаимоотношений субъектов общественно-политического процесса, направлений и методов социально-экономических преобразований, религиозной идентичности, общественного самосознания и многие другие. Обращение к работам народников, конечно, не даст прямого ответа на эти «извечные» вопросы, однако, может представить историческую перспективу их решения.

Охватывая широкий спектр общественно-политических, социально-экономических и социокультурных вопросов, труды народников, основанные чаще всего на «живом» материале, представляют несомненный интерес как для историков, так и специалистов смежных областей – правоведов, социологов, политологов, культурологов, философов, социальных психологов, литературоведов, экономистов, обществоведов. Не менее интересны и биографии участников этого движения, личным примером доказывавших приверженность выдвигаемым ими лозунгам.

Несмотря на длительную традицию изучения истории народничества, проблема исследования биографий и работ рядовых его деятелей пока остаётся в числе перспективных задач, поскольку, не решив её, невозможно создать всесторонней картины народнического движения. Следует сказать, что в последнее время появляются работы, посвящённые народникам далеко не первой величины, например, С.А. Приклонскому, Л.Е. Оболенскому, С.Г. Ширяеву[2]. К числу неисследованных тем относится биография и

---

[2] *Кузнецова Н.Ю.* Общественно-политические воззрения народников на старообрядчество европейского Севера на примере работ С.А. Приклонского и А.С. Пругавина. Дисс. … к. и. н. Петрозаводск, 2019; *Пашков А.М.* С.А. Приклонский – забытый исследователь северного крестьянства // История и историография правого народничества. Сб. ст. Воронеж: Истоки, 2016. С. 217-233; *Ключникова Н.Л., Мокшин Г.Н.*

литературно-публицистическое наследие владимирца Ивана Николаевича Харламова – активного участника народнического движения. Изучение его взглядов позволяет посмотреть на упомянутые выше сферы жизни глазами рядового представителя легального народничества, увидеть не только их сложность и многообразие, но также их взаимосвязь и системность.

Объект, предмет, хронологические рамки исследования. *Объектом* данной диссертационной работы явилась история легального народнического движения в России второй половины XIX века, к которому принадлежал публицист, писатель, земский статистик Иван Николаевич Харламов.

Предмет исследования – система народнических взглядов Харламова.

Хронологические рамки исследования – 1854–1887 годы – определяются годами жизни Харламова.

Степень изученности темы. В диссертационном исследовании мы опирались на специальную историческую литературу, которая на основании хронологического принципа может быть подразделена на три группы – дореволюционную, советскую и постсоветскую.

Впервые к работам Харламова обратились *литературные критики и исследователи-современники*, знавшие его не только по публикациям, но и лично. В демократической периодике первой половины 1880-х годов можно встретить положительные отзывы на очерки Харламова «Протопоп Иван Неронов», «Странники», «Штундисты», «Без начала и без конца»[3].

Данными Харламова об изучении проблем крестьянства Вяземского уезда Смоленской губернии пользовались экономисты В.П. Воронцов (псевдоним «В.В.») и В.Н. Григорьев. Последний сделал ряд замечаний

Литературные воспоминания Л.Е. Оболенского как источник по истории народничества // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. Воронеж: Истоки, 2012. С. 115-124; *Дмитриева О.Н.* Степан Григорьевич Ширяев. Жизнь. Деятельность. Личность. (1857-1881). Дисс. … к. и. н. Саратов, 2008.

[3] *Аристархов [Введенский А.И.].* Литературные беседы // Русские ведомости. 1884. № 171 (22.06). С. 1-2; *его же.* Литературные беседы // Русские ведомости. 1885 № 344 (14.12). С. 2-3; *его же.* Очерки литературы // Русские ведомости. 1884. № 126 (08.05). С. 1-2; *его же.* Исторический листок. Фельетон «Русского курьера» // Русский курьер. 1881. № 70 (13.03). С. 1-2.

относительно определений, выдвигаемых Харламовым и методики подсчёта[4]. В.П. Воронцова интересовали материалы, касающиеся приговоров по переделу общинных земель[5]. При этом В.П. Воронцов не даёт оценки проведённому Харламовым исследованию. То же можно отнести и к Н.Н. Златовратскому: при создании своего романа «Устои» он использовал статистико-экономическую работу Харламова «Факты общинного владения»[6].

Внимание автора биобиблиографического очерка о Харламове А.В. Смирнова сосредоточено на биографической стороне, а также на библиографическом материале[7]. В связи с этим рассмотрению взглядов Харламова в очерке А.В. Смирнова отведено весьма скромное место. Исследователь подчёркивает стремление Харламова к объективному и всестороннему изучению объекта исследования, проявившемся в процессе написания художественных очерков: «Писатель-народник Иван Николаевич знает доподлинно быт народа, его свычаи и обычаи, правдиво рисует внешние формы его жизни, и в то же время его перо не обходит молчанием как светлые, так и тёмные стороны деревенской жизни; симпатии Харламова, несомненно, на стороне первых, но и вторые он не только подробно излагает без осуждения, но старается указать и ту почву, на которой эти тёмные стороны выросли и держатся»[8]. Относительно очерков Харламова, посвящённых вопросам церковного раскола, А.В. Смирнов замечает, что в этих «очень обстоятельных и глубокомысленных монографиях, проникнутых оригинальной идеей» Харламов иногда «очень тонко и подробно анализирует теоретическую сторону сектантских воззрений, раскрывая во многих случаях их несостоятельность», при этом, считает А.В. Смирнов, Харламов не всегда

---

[4] *Григорьев В.* Земско-статистические исследования по Смоленской губернии // Русская мысль. 1886. № 9. С. 1-11.
[5] *Воронцов В.П.* Крестьянская община // *Воронцов В.П.* Артель и община. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 1072 с. Его же. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве // Там же.
[6] *Златовратский Н.* Устои // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 158.
[7] *Смирнов А.В.* И.Н. Харламов // *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Вып. 1. Владимир, 1896. С. 144 – 159
[8] Там же. С. 149.

уделяет достаточно внимания но не всегда при этом уделяя достаточно внимания «культурно-историческому значению раскола-сектантства»[9]. Однако, на это утверждение можно возразить, что одна из статей Харламова носит название «Современное значение раскола». Следует также отметить, что А.В. Смирнов избегает прямых ссылок на работы Харламова и, по сути, не проводит их анализа, поскольку сам формат биобиблиографического очерка не предусматривал этого.

Довольно высокую оценку взглядам Харламова на проблему церковного раскола дал теоретик марксизма Г.В. Плеханов, уделив ей внимание в первом томе обобщающей работе «История русской общественной мысли», впервые опубликованном в 1914 году. Над ней исследователь работал в последние годы жизни. К очерку Харламова «Странники» Г.В. Плеханов обратился в части работы, посвящённой истории общественной мысли допетровской России.

Учёный с материалистических позиций рассматривал церковный раскол как выражение общественной мысли на бессознательном уровне[10]. В частности, Г.В. Плеханов разделял взгляды Харламова относительно отсутствия сознательного протеста среди раскольников в XVII веке – стратегией раскольников было пассивное сопротивление путём «спасения в прекрасную пустыню»[11]. Кроме этого, исследователь признавал существенную роль географического фактора в снижении общественной напряжённости, на которую указывал народник: обширность территории, по мнению Харламова, способствовала тому, что в общественном сознании не возникало «и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы с социальным злом, кроме колонизационного ухода»[12]. При этом философ утверждал, что Харламов, «не был знаком с материалистическим

---

[9] Смирнов А.В. Указ. соч. С. 155.
[10] Цит. по изд.: *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 335-336.
[11] *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 357-358.
[12] *Харламов И.Н.* Странники // Русская мысль. 1884. №4. С. 197.

объяснением истории»[13], что обусловило идеалистический характер его точки зрения. Последнее утверждение выглядит спорным, а категоричное отнесение Харламова к лагерю идеалистов, на наш взгляд, необоснованно упрощает его мировоззрение.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что круг представителей дореволюционной историографии, рассматривавший работы Харламова, весьма ограничен. Наибольший интерес с точки зрения анализа взглядов Харламова, безусловно, представляют замечания Г.В. Плеханова, выделившего некоторые существенные моменты в мировоззрении народника. При этом следует отметить, что работы Харламова и его взгляды не стали объектом отдельного изучения и научной оценки представителей дореволюционной историографии.

В *советской историографии* в отношении народничества в целом утвердилась ленинская точка зрения, основанная на классовых принципах марксизма. Народничество рассматривалось как мелкобуржуазная по своему характеру идеология, отличающаяся утопичностью. Постепенно оценки исторической роли народников смягчались, однако основа, заложенная ленинскими тезисами о «друзьях народа», в целом сохранялась.

В исследовании Б.П. Козьмина анализируется короткий период деятельности коллектива редакции журнала «Русское богатство», организованного на артельных началах под руководством Н.Н. Златовратского. Членом артели был и Харламов, о чём упоминает Б.П. Козьмин. По мнению учёного, «Русское богатство» было «органом «последовательных народников», ставивших себе в заслугу “преимущественное народолюбие”»[14]. Данная позиция журнала, как считает исследователь, неминуемо приводила к идеализации крестьянства беллетристами и публицистами. В качестве примера исследователь приводит очерк Харламова «Женщина в русской семье» (№№ 3 и 4 за 1880 год),

---

[13] *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 358.

[14] *Козьмин Б.П.* Русское богатство (1880-1881 гг.) // *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 430.

причисляя автора очерка к представителям «оптимистического народничества». Несмотря на ряд ярких имён талантливых писателей и публицистов, по мнению исследователя, издание не имело успеха, что выразилось в скромном количестве подписчиков – 700, поскольку «журнал этот, если брать его в целом, не выходил из рамок посредственности»[15]. В целом же, полагает Б.П. Козьмин, «к концу 70-х годов, накануне 1 марта, русское народничество вступило в полосу серьёзного идеологического кризиса», отразившегося, в том числе, и на артельном «Русском богатстве»[16].

Очерк Б.П. Козьмина лишь несколькими штрихами характеризует народническую позицию Харламова относительно крестьянства, однако совершенно не затрагивает гендерного вопроса – ключевой темы очерка. При этом очерк Б.П. Козьмина интересен тем, что подробно анализирует программную статью Н.Н. Златовратского «Народный вопрос в нашем обществе и литературе», опубликованную в «Русском богатстве» (№№ 3, 5 и 6 за 1880 год). Многие положения Н.Н. Златовратского разделял и Харламов, в частности мнение о диалогичности в отношениях с народом, гражданских свободах. Во-вторых, интерес представляют отклики различных печатных органов на эту статью Н.Н. Златовратского. Прежде всего – позиция редактора газеты «Страна» Л.А. Полонского, поскольку в «Стране» в это время работал Харламов. Таким образом, журнальная полемика позволяет оценить всю сложность общественных течений рубежа 1870 – 1880-х годов, в которые был вовлечён Харламов.

Анализ историографии советского периода свидетельствует, что из всего литературно-публицистического наследия Харламова исследователи (за исключением рассмотренного выше отзыва Б.П. Козьмина), прежде всего, обращались к его работам по религиозному сектантству, таким как «Идеализаторы раскола», «Странники», «Духоборцы». Данная область знания, как и все остальные сферы социальных наук, определялась

---

[15] *Козьмин Б.П.* Указ соч. С. 415.
[16] Там же. С. 448.

формационным подходом и принципами исторического материализма, в связи с чем история движений религиозного сектантства в советской историографии рассматривалась как составная часть крестьянских движений[17].

Советский политический деятель, историк В.Д. Бонч-Бруевич, известный своими работами по проблемам религиозного сектантства, в неопубликованной статье об очерке Харламова «Духоборцы» исходит из ленинских тезисов, согласно которым сектантство рассматривалось в качестве отрицательного примера классовой борьбы. Кроме того, народнические суждения определялись в тот период (1930–50-е годы) как «в корне неправильные»[18]. Указанные положения во многом предопределили подход учёного к анализируемому тексту. В.Д. Бонч-Бруевич подвергает критической оценке исследовательский метод Харламова, ставит под сомнение научную новизну очерка, оспаривает выдвигаемый Харламовым тезис о чисто религиозном содержании идеологии религиозных сектантов.

Однако, несмотря на критический тон статьи, В.Д. Бонч-Бруевич называет Харламова «серьёзным исследователем истории и жизни разнообразных сект и старообрядческих согласий»[19], а его работу хорошей и весьма полезной. Подобная противоречивость в оценке Харламова и его очерка, возможно, обусловлена кризисным характером периода 1930-1950-х годов в изучении народничества, когда создавалась статья В.Д. Бонч-Бруевича. Необходимо отметить, что проделанный В.Д. Бонч-Бруевичем анализ очерка Харламова «Духоборцы» ценен для исследователей творчества народника тем, что является единственной известной на сегодняшний день специальной работой, посвящённой Харламову как исследователю религиозного сектантства.

---

[17] *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIXв. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. С. 3.

[18] Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 41.

[19] Там же. Л. 49.

Известный советский исследователь религиозных сект А.И. Клибанов в труде «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.)» перечисляет очерки Харламова, посвящённые религиозным сектам («Странники», «Духоборцы», «Штундисты»), а также рецензию «Идеализаторы раскола». Есть в его работе и ссылка на упоминавшийся выше биобиблиографический очерк А.В. Смирнова. Он признаёт, что историографию религиозного сектантства «обогатили научными идеями публицисты и писатели, следовавшие лучшим традициям народничества»[20]. Большим научным достижением Харламова, по мнению А.И. Клибанова, следует считать «понимание неизбежности развития в сектантстве социальных противоречий»[21]. А.И. Клибанов подчёркивает интерес Харламова «к глубоким обобщениям исследуемых им явлений», признаёт за ним первенство в развенчании «идеализаторов», однако видит недостаток позиции народника в отсутствии глубины. Исследователь разделял мнение Г.В. Плеханова, что Харламов, упрекая в идеализме народнических исследователей И.И. Юзова и А.С. Пругавина, «сам склонялся в последнем счёте к идеалистической точке зрения»[22]. Оценивая работы Харламова с позиций марксизма, А.И. Клибанов упрекает его, как, впрочем, и всех народников, в непонимании «исторической ограниченности крестьянства, его неспособность собственными силами разорвать путы религиозных, патриархальных и иных предрассудков и возвыситься до научного понимания общественных отношений»[23].

Отечественный исследователь народнического движения В.И. Харламов (однофамилец И.Н. Харламова) в своём диссертационном исследовании рассматривает общественно-политические взгляды одного из идеологов правого народничества И.И. Каблица (Юзова). Он приводит аргументы критики И.Н. Харламова в адрес И.И. Каблица, высказанной в уже

---

[20] *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 23.
[21] Там же. С. 24.
[22] Там же. С. 25.
[23] Там же. С. 28.

упоминавшейся рецензии «Идеализаторы раскола»[24]. С подобной критикой, помимо И.Н. Харламова, выступили выразители разных общественных взглядов, например, Н.В. Шелгунов и И.С. Аксаков. К сожалению, в диссертации нет характеристики позиции И.Н. Харламова. Стоит добавить, что в списке литературы, кроме рецензии «Идеализаторы раскола», присутствует также статья «Наше знакомство с расколом», опубликованная И.Н. Харламовым в газете «Страна».

Специалист в области народных антицерковных движений XVII века В.С. Румянцева, анализируя работу «Идеализаторы раскола», относила Харламова к народническим исследователям раскола. Она отмечала, что Харламов не признаёт за расколом, даже в его первоначальной форме, какого-либо сопротивления государственным порядкам. Исследователь делает заключение, что статья носит «слишком полемический характер» и страдает тем же самым недостатком, что и остальные работы народнического направления – «применением рационалистических оценок к событиям другой эпохи». Таким образом, по мнению В.С. Румянцевой, народнические авторы (в том числе и Харламов) «не учитывали ни характера эпохи, ни эволюции этого своеобразного движения на протяжении двух столетий»[25].

В целом можно сказать, что советские исследователи отмечали в работах Харламова такие черты, как полемизм, отсутствие понимания исторического значения крестьянства и религиозных движений, обусловленные народнической идеологией. Специальных работ, посвящённых Харламову, за исключением неопубликованной статьи В.Д. Бонч-Бруевича, не обнаружено, целостного анализа взглядов Харламова советскими исследователями не проводилось.

Современная историография рассматривает народничество как многогранное явление. В постсоветский период заметно расширилось исследовательское поле в изучении народнической проблематики, введены в

---

[24] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 1980. С. 42-43.
[25] *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С.16.

научный оборот многочисленные источники. В этой связи следует, прежде всего, отметить обобщающие труды по народнической проблематике Г.Н. Мокшина[26], В.В. Блохина[27], В.В. Зверева[28], вышедшие в XXI веке. Вектор развития отечественного народниковедения во многом задаётся публикациями трудов, издаваемыми исследователями Воронежского государственного университета.

Работы Харламова, как и на предыдущих этапах, вызвали определённый интерес у исследователей религиозных сект. Так, кандидатская диссертация Л.Н. Дегтеренко посвящена вопросам формирования и эволюции религиозного течения духоборцев. Исследователь отмечает, что очерк Харламова, затронув проблему взаимоотношения духоборцев с властями, «содержит некоторые этнографические сведения, необходимые для описания семейно-бытовых традиций течения»[29]. Также Л.Н. Дегтеренко акцентирует внимание на выводе Харламова о связи духоборчества с особенностями мировоззрения крестьян, в среде которых возникло течение и низком уровне развития религиозного рационализма[30]. При этом исследователь, на наш взгляд, безосновательно относит Харламова к авторам-народникам, стремившимся отыскать в крестьянстве «антиправительственный дух», а также называет его в числе исследователей, видевших в мировоззрении духоборцев «чётко негативный настрой в отношении к государственной власти»[31]. Очевидно, что как раз на опровержение последнего тезиса и направлена работа Харламова «Идеализаторы раскола».

---

[26] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
[27] *Блохин В.В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века: Монография. М.: Современная экономика и право, 2009. 212 с.
[28] *Зверев В.В.* Русское народничество: Учеб. пособие. М., 2009. 286 с.
[29] *Дегтеренко Л.Н.* Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Дисс. … к. и. н. М., 2010. С. 9.
[30] Там же. С. 10.
[31] Там же. С. 9, 100.

Изучению секты странников посвящены исследования А.И. Мальцева и Е.Е. Дутчак. А.И. Мальцев обращает внимание на расхождение в оценках Харламова с народническими исследователями раскола по поводу степени сознательности крестьянского антикрепостнического движения вообще и согласия бегунов в частности. «Некоторые положения концепции И.Н. Харламова, – замечает исследователь, – думается, не потеряли значения и сегодня»[32].

Е.Е. Дутчак в своём кандидатском исследовании отмечает, что заслуга Харламова заключается в том, что он на примере страннического согласия «поставил вопрос о персоналистской интерпретации раскола, увидев в бегунстве и старообрядчестве в целом именно протест личности против личности»[33]. Перспективность подхода, предложенного Харламовым в конце XIX века, по мнению Е.Е. Дутчак, доказывают современные поиски исследовательских направлений в гуманитарных науках, «в которых проблеме личности в истории и её рефлексиям отводится всё большее и большее значение»[34].В докторской диссертации Е.Е. Дутчак, помимо перспективности исследовательской установки Харламова, «нацеленной на реконструкцию внутренней точки зрения участников исторического процесса», указывается на первенство Харламова в вопросе о персонализме бегунов, «как стержне их картины мира»[35].

Современный исследователь творчества писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка Л.С. Соболева даёт краткий обзор взглядов Харламова по вопросу церковного раскола[36]. Автор отмечает расхождение позиций Харламова и А.П. Щапова по вопросу влияния земства на зарождение и развитие старообрядческого движения. В то же время указывается на близость

---

[32] *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996 (Электронный ресурс: http://krotov.info/history/18/3/malzev_02.htm. Дата обращения – 05.10.2020).
[33] *Дутчак Е.Е.* Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX-XX вв.). Дисс… к. и. н. Томск, 1994 (Электронный ресурс: http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html.Дата обращения – 05.10.2020).
[34] Там же.
[35] *Её же.* Старообрядческие таёжные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXв.). Дисс. … д. и. н. Томск, 2008. С. 16.
[36] *Соболева Л.С.* Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского гос. ун-та. 2002. № 24. Вып. 5. С. 97-122.

взглядов Харламова и Н.И. Костомарова относительно влияния процесса развития народно-религиозной мысли на появление раскола. Л.С. Соболева разделяет точку зрения Харламова, считая, что учение об Антихристе составляет ядро идеологии старообрядцев.

Диссертационное исследование Б.Б. Сажина посвящено изучению народных религиозных движений в творчестве публициста-народника А.С. Пругавина. Ценность его заключается не только в анализе деятельности непосредственно А.С. Пругавина, но и в обзорном освещении народнической составляющей в изучении проблем раскола и сектантства.

Рассматривая работу «Идеализаторы раскола», Б.Б. Сажин отмечает, что Харламов подметил главные цели «раскольничьих» доктрин А.С. Пругавина и И.И. Каблица – «разрисовать раскол во что бы то ни стало, облачить его в оппозиционно-политическую хламиду, поставить сектанта в торжественную позу социального реформатора и протестанта – вот, что требуется». При этом исследователь возражает против того, что Харламов видел А.С. Пругавина «непосредственным переписчиком и учеником И.И. Каблица»[37]. Тем самым, интерес исследователей сектантства, как и их коллег в предыдущие периоды, ограничивается тремя очерками Харламова – работами, безусловно, важными, но не единственными. Вывод о взглядах народника по сектантской проблематике основывается в большинстве случаев на знакомстве с одним-двумя очерками.

В постсоветский период обрела популярность гендерная проблематика. Гендерный вопрос не занимает центрального положения в работах Харламова, однако ему посвящён значимый очерк – «Женщина в русской семье». В трудах современных учёных Г.В. Лаухиной и М.Г. Муравьёвой, занятых исследованием гендерных проблем, есть упоминание об этом очерке Харламова. В частности, Г.В. Лаухина отмечает, что Харламов справедливо

---

[37] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005. С. 148.

указывал на взаимосвязь женского крестьянского труда и прав женщины внутри семьи[38].

Таким образом, анализ историографии по теме исследования позволяет сделать следующие выводы. Немногочисленные дореволюционные, советские и современные исследователи уделяли внимание в основном крупным очеркам Харламова, посвящённым вопросам церковного раскола и религиозным сектам, отчасти – работе «Женщина в русской семье». Прочая публицистика, а также беллетристика Харламова до сих пор не входили в круг внимания специалистов исторического, филологического и других профилей. Исследователи конкретной религиозной секты, как правило, ограничиваются одним очерком с соответствующим названием, те же, кого интересует более широкий круг общественно-религиозных вопросов, обращаются к рецензии «Идеализаторы раскола». Наиболее критично Харламов оценен советскими исследователями, которые, хотя и отмечают его первенство в тех или иных выводах, в целом определяют его мировоззрение исходя из ленинской установки в оценке реформаторского народничества. Современные исследователи, не стеснённые жёсткими рамками идеологии, по большей части отмечают оригинальность мысли Харламова в локальных вопросах, не давая при этом обобщённых оценок.

Неопубликованная статья В.Д. Бонч-Бруевича 1951 года об очерке Харламова «Духоборцы» – единственное в отечественной историографии специальное исследование, посвящённое труду Харламова. Работ, связанных с изучением взглядов народника и, тем более, системы его взглядов до настоящего времени в отечественной историографии не проводилось. С одной стороны, это облегчает проблему обоснования новизны проведённого исследования, с другой стороны – затрудняет критический анализ мировоззрения Харламова.

---

[38] *Лаухина Г.В.* Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX в. – начало XXв.). Автореферат дисс. к. и. н. Тамбов, 2012. С. 5.

Цель, задачи исследования. *Цель* данной работы – реконструкция системы народнических взглядов Харламова. Процесс достижения поставленной цели связан с решением следующих исследовательских *задач*:

1. Проанализировать основные этапы жизненного пути Харламова, вехи его творческой биографии, основы мировоззрения, методологию литературно-публицистической деятельности и представить обусловленные ими черты Харламова-публициста, беллетриста и критика.
2. Определить социально-экономические взгляды Харламова.
3. Исследовать общественно-политические воззрения народника.
4. Изучить правовые и гендерные взгляды Харламова.
5. Установить отношение Харламова к народническому движению, а также место, занимаемое им в этом движении.
6. Выяснить, как отражены нравственные ценности представителей пореформенного российского общества в художественных очерках И.Н. Харламова.
7. Изучить взгляды Харламова на религиозный элемент в народном самосознании на материале его работ по вопросам старообрядчества и религиозного сектантства.

Методологическая основа исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составили *общенаучные методы*, такие как анализ, сравнение и синтез. Работа основана на принципах историзма, исторической объективности и системности.

В соответствии с *принципом историзма* система взглядов Харламова рассматривается в контексте определённого исторического периода, определённой культурно-научной парадигмы, во взаимной обусловленности конкретными событиями и процессами.

Принцип объективности подразумевает, что выводы и заключения, приведённые в исследовании, основаны на всём комплексе использованных источников путём их сопоставления и анализа с учётом их многомерности и противоречивости.

Персоналистский подход, реализованный в рамках новой биографической истории, концентрирует внимание на частном, уникальном в биографии Харламова, его восприятие и реагирование на происходящее, мотивы поведения, однако учитывается при этом и культурная обусловленность.

В работе применены *общеисторические* методы. *Сравнительно-исторический* метод позволил соотнести взгляды Харламова по тем или иным направлениям с аналогичными взглядами других представителей реформаторского народничества, а также представителей альтернативных течений. *Историко-генетический* метод даёт возможность изучения поэтапной реализации различных направлений деятельности и взглядов Харламова. *Социокультурный подход* позволяет рассмотреть взаимосвязь личности Харламова и современного ему общества, как системы ценностей и отношений, увидеть народника в качестве активного участника этого взаимодействия.

Особо хотелось бы выделить *системный подход,* который предполагает рассмотрение взглядов Харламова по тем или иным направлениям в качестве целостного комплекса взаимосвязанных элементов, т.е. системы, выявление многообразных внутренних связей и факторов влияния, сведение их в единую теоретическую картину[39].

Анализ источников. Источниковая база данного исследования представлена, в первую очередь, опубликованными работами, принадлежащими перу Харламова, а также историческими источниками – материалами личного происхождения и делопроизводственными документами. Ниже будут рассмотрены перечисленные группы источников.

Историографические источники

[39] Подробнее о системном подходе см.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н. Системный подход [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2010. – Электронный ресурс: http://iphras.ru/elib/2745.html. Дата обращения – 31.10.2022).

Опубликованные произведения Харламова (историографические источники) можно подразделить на две группы – научно-публицистические работы и беллетристику.

Научно-публицистические работы. Научно-публицистические очерки и газетная публицистика созданы Харламовым в период с 1878 по 1885 годы. Научные очерки посвящены истории церковного раскола, деятельности современных ему христианских сект, а также системе обычного права. В этой связи, прежде всего, следует назвать такие очерки, как «Протопоп Иван Неронов», «Странники», «Духоборцы», «Штундисты», «Женщина в русской семье». Сюда же можно отнести рецензию «Идеализаторы раскола». Все перечисленные тексты были опубликованы в «толстых» журналах в период с 1881 по 1885 годы. Их тематика отражает научный кругозор автора, спектр актуальных для него проблем, характеризует степень теоретической подготовки, методологию научного поиска, а также умение сочетать научный подход к проблеме и её социальную значимость.

Некоторые публикации Харламова (преимущественно рецензии) также тяготеют к научно-популярной литературе. К ним можно отнести такие работы, как «Помочь», «Факты общинного владения», рецензии на труды П.А. Соколовского «Очерк истории сельской общины на Севере России» и Д.А. Ровинского «Русские народные картинки», статьи Н.В. Калачова «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России» и П.Е. Березанского «Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии». Перечисленные работы менее значительны по объёму по сравнению с рассмотренными выше очерками и затрагивают более узкий круг вопросов.

Спектр тем газетной публицистики более широк. Для диссертационного исследования наиболее ценными оказались циклы статей по социально-экономическим вопросам («Вопросы кустарной промышленности», «Кустарная форма производства», «Изучение кустарной промышленности», «Организация крестьянских переселений», «Капиталист или кустарь?», «Земское дело»), а также по проблемам церковного раскола и

сектантства («Наше знакомство с расколом», «Причины появления раскола», «Разделение раскола на согласия», «Церковные идеалы и религиозные идеи раскола», «Современное значение раскола»), опубликованные в газете «Страна» в 1880-1882 годы в виде статей и рецензий. Среди отдельных публикаций следует упомянуть статьи по социально-экономическим вопросам – «Новые данные об общине» («Русский курьер»), по общественно-политическим вопросам – «К вопросу о положении духовенства», «Наблюдения над народной жизнью» («Страна»), по правовым вопросам – «Новые журналы и книги» («Древняя и новая Россия»).

Жанр работ обусловлен, прежде всего, характером издания (газета или толстый журнал, литературно-художественное или общественно-политическое издание). Различный объём и глубина освещения выбранной темы обуславливают неравномерность раскрытия взглядов по рассматриваемой проблематике. К примеру, отсутствие специальных публикаций по вопросам положения интеллигенции, препятствует всестороннему раскрытию взглядов Харламова на проблему взаимоотношений интеллигенции, общества и государства.

Беллетристические произведения создавались Харламовым на протяжении всего десятилетнего творческого пути, с 1875 по 1885 годы и печатались в общероссийских журналах и газетах. Объём их также различен, хотя, по сравнению с научно-публицистическими работами, в беллетристике Харламов придерживается «малого жанра» – очерка, рассказа. Лишь немногие из них достигают объёма в несколько десятков страниц, как, например, «Стенное писание», «На перепутье». Историку-исследователю ценность этих произведений видится в раскрытии процессов трансформации социальных отношений и этических ценностей крестьянского мира в пореформенный период. На наш взгляд, Харламов сделал сознательный выбор в пользу беллетристики для того, чтобы отразить всю сложность общественной материи, изнанку процессов, происходящих в социуме и выразить своё отношение к ним. Если в публицистике он прибегает к

историческому ракурсу, то беллетристика почти исключительно нацелена на «злобу дня». Ввиду этого сложно указать работы, в которых взгляды писателя выражены наиболее ярко. Скорее можно отметить в качестве исключения произведения, представляющие собой небольшие бытовые зарисовки, представляющие собой литературу для досуга (к примеру, очерк «Недоразумение»).

Все рассматриваемые публицистические и беллетристические тексты, как уже сказано выше, были опубликованы. Удалось найти лишь одну неопубликованную работу Харламова – корреспонденцию «Из Суздальского уезда», посвящённую хозяйственно-бытовым проблемам сельского населения. Текст хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Ф.Д. Нефёдова (Ф. 342)[40]. Писатель народнического направления Филипп Диомидович Нефёдов во второй половине 1870-х годов негласно редактировал «Ремесленную газету», с 1879 по 1881 годы являлся редактором газеты «Русский курьер». Направленная в 1879 году в редакцию «Ремесленной газеты» корреспонденция не была принята к печати, о чём свидетельствует резолюция «неудобна».

Из *периодики* 1870–1880-х годов наибольший интерес для данного исследования представляет литературная критика на произведения Харламова. В 1881 году в газете «Русский курьер» помещён отзыв на очерк Харламова «Протопоп Иван Неронов». Очерк характеризуется как «весьма основательный» и «прекрасный»[41]. В 1884-1885 годах «Русских ведомостях» в разделе литературной критики А.И. Введенским опубликованы статьи, в которых дана оценка автобиографическому очерку Харламова «Без начала и без конца», а также его работам «Странники» «Штундисты». Критические заметки весьма кратки и представляют собой лишь общие отзывы о названных произведениях. В очерке «Без начала и без конца» критик, при отсутствии «специального отражения общественной неудовлетворённости

[40] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 342 (Нефёдов Ф.Д.). Оп. 1. Ед. хр. 151.
[41] Исторический листок. Фельетон «Русского курьера» // Русский курьер. 1881. № 70 (13.03). С. 1-2.

русской», отмечает, что «жизнь глядит ясно и открыто в глаза читателю, но только с точки зрения личной жизни человека»[42]. Касаясь первой части очерка «Странники», А.И. Введенский находит «в высшей степени интересными» рассуждения Харламова о роли географического фактора в истории. «Странники» и «Штундисты», по его мнению, написаны с «глубоким вниманием к изучаемым вопросам», «знанием дела», «жаром убеждения»[43]. Отмечая очевидную благосклонность А.И. Введенского к работам Харламова, необходимо иметь в виду, что перед нами литературная критика, а не рецензия специалиста по отечественной истории или истории сект.

В диссертации проанализирован черновой автограф статьи В.Д. Бонч-Бруевича об очерке Харламова «Духоборцы», хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Статья В.Д. Бонч-Бруевича датируется 6 марта 1951 года. Её объём составляет 68 листов машинописного текста с авторскими пометами. Сведений о публикации данной статьи на настоящий момент не обнаружено[44].

Исторические источники

Среди использованных в диссертации источников следует выделить источники личного происхождения (эго-источники) и делопроизводственные материалы.

В источниках *личного происхождения* можно, в свою очередь, выделить две подгруппы: письма самого Харламова и переписку современников, а также документы, мемуары и некрологи.

Письма Харламова обнаружены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Они адресованы Ф.Д. Нефёдову и хранятся в его личном фонде (Ф. 342). Всего в названном фонде содержится

---

[42] Аристархов [Введенский А.И.]. Литературные беседы // Русские ведомости. 1884. № 171 (22.06). С. 1-2.
[43] Аристархов [Введенский А.И.]. Очерки литературы // Русские ведомости. 1884. № 126 (08.05). С. 1-2; его же. Литературные беседы // Русские ведомости. 1885 № 344 (14.12). С. 2-3.
[44] НИОР РГБ. Ф. 369.Карт. 72. Ед. хр. 25. Подробнее об оценке В.Д. Бонч-Бруевичем очерка Харламова см. раздел «Степень изученности темы».

8 писем, принадлежащих Харламову. Переписку можно ориентировочно датировать 1875 – 1880 годами, поскольку даты указаны не на всех документах. Обозначенный временной период связан с обучением Харламова в Санкт-Петербургском университете, началом его литературно-публицистической деятельности. Письма носят преимущественно деловой характер. В них Харламов сообщает о предполагаемых статьях или очерках, которые планирует направить в газеты, редактировавшиеся Ф.Д. Нефёдовым, о сфере своей деятельности и круге знакомств. Из переписки можно также почерпнуть сведения об образе жизни публициста, о его работе в редакции газеты «Страна», сотрудничестве с такими изданиями, как «Русское богатство», «Дело», «Древняя и новая Россия». Содержатся обрывочные сведения о сложном материальном положении Харламова в Петербурге, его субъективные суждения об общественной обстановке и характере петербуржцев.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в фонде редактора журнала «Русская мысль» В.А. Гольцева (Ф. 77) хранится письмо к нему Харламова по поводу издания очерка «Штундисты»[45]. Очерк был опубликован в журнале «Русская мысль» в №№ 10 и 11 за 1885 год, соответственно, письмо может быть ориентировочно датировано осенью 1885 года, когда у Харламова обнаружились первые признаки туберкулёза (это следует из содержания письма).

Среди *писем, не принадлежащих Харламову*, можно упомянуть четыре письма отца И.Н. Харламова священника Николая Александровича Харламова к детям и сестре жены, в которых, среди прочих, упоминается Иван Николаевич[46]. Письма датированы 1883-1884 годами. О роли Харламова в родительской семье можно судить по отзыву его младшего брата, академика живописи Николая Николаевича в письме к художнику В.В.

---

[45] НИОР РГБ. Ф. 77 (Бонч-Бруевич В.Д.). Оп. 1. Картон 8. Ед. хр. 40.

[46] Оригиналы писем хранятся в семейном архиве Гвоздецких, потомков младшей сестры И.Н Харламова Серафимы Николаевны.

Беляеву[47]. Упоминания о Харламове содержатся в письмах представителей семейства Златовратских – Николая Николаевича, а также его сестры Елены Николаевны, адресованных родителям. Письма датированы 1879 – 1880-ми годами[48]. В переписке Златовратских Харламов упоминается лишь вскользь, однако, сам факт его упоминания просто по имени – «Ваня» – характеризует степень близости Харламова к этой семье ещё до женитьбы на А.Н. Златовратской. Кроме того, письма Н.Н. Златовратского раскрывают процесс работы над журналом «Русское богатство», его представление об идеалах интеллигенции[49].

Проанализированы письма И.С. Тургенева к А.В. Топорову, К.Д. Кавелину, П.В. Анненкову, Л.А. Полонскому[50], свидетельствующие о его симпатии к газете «Страна».

Список опубликованных беллетристических произведений Харламова (далеко не полный) содержится в фонде Н.Н. Златовратского в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 202). Перечень состоит из 14 произведений с указанием данных о публикации[51].

Мемуарная литература позволяет дополнить биографическую картину, получить некоторое представление о том общественном и семейном круге, с которым был связан Харламов.

Среди мемуарных работ особое значение имеет автобиографический очерк Харламова «Без начала и без конца» с подзаголовком «Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве». Очерк был опубликован в 1884 году в

---

[47] Научно-библиографический архив Российской академии художеств. Ф. 14. Оп. 1. Д. 98. Л. 4. Письмо Харламова Н.Н. Беляеву В.В. 6 декабря 1916 г. – цит. по изд.: *Печкин М.Б., Тупицын И.В.* Академик живописи Н.Н. Харламов. Жизнь и творчество. Иваново: ИИТ «А-Гриф», 2020. С. 7.

[48] Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В-35136/2. Письмо Н.Н. и С.А. Златовратских с сообщением о прибытии в Питер. 25 августа 1879 г.; В-35136/9. Письмо Н.Н. Златовратского родителям о своей работе и семье. 1880-е гг.; В-35136/11. Письмо Е.Н. Харламовой родителям, братьям и сёстрам с поздравлениями с Рождеством. 25 декабря. 1880 г.

[49] *Златовратская С.Н.* Из воспоминаний об отце // *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 362-363.

[50] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. Т.13. Кн. 1. Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1968. С. 46, 68, 72, 172.

[51] РГАЛИ. Ф. 202 (Златовратский Н.Н.). Оп. 1. Ед. хр. 45. Л.2.

журнале «Вестник Европы»[52]. Он важен тем, что позволяет представить атмосферу, в которой рос и воспитывался будущий публицист, процесс становления его мировоззрения и системы ценностей. При этом следует учитывать то, что очерк написан в художественной форме. К этой же группе источников можно отнести воспоминания Н.Н. Златовратского, а также его дочери С.Н. Златовратской[53]. Воспоминания С.Н. Златовратской передают отношение к Харламову в кругу семьи Златовратских и их близких. Обстановка, характерная для семьи Харламовых, упоминается и в предисловии к реферату дочери Харламова Елены Ивановны. Предисловие написано её матерью А.Н. Харламовой-Златовратской[54].

Н.Н. Златовратский упоминает об А.И. Эртеле, который на рубеже 1870-1880-х годов заведовал библиотекой П.В. Засодимского. В этой библиотеке Харламов помогал А.И. Эртелю. Мемуары самого П.В. Засодимского также содержат отрывочное упоминание об организованной им библиотеке.

Воспоминания супруги Г.В. Плеханова Р.М. Плехановой (Богард)[55] могут служить косвенным свидетельством знакомства Харламова и Г.В. Плеханова, сообщают об укладе семьи Златовратских в Петербурге, где некоторое время гостил Харламов. Об авторитете Н.Н. Златовратского в среде владимирской молодёжи рассказывает марксист С.П. Шестернин[56]. Исходя из этих воспоминаний, можно составить приблизительное впечатление и о влиянии Н.Н. Златовратского на Харламова в семинарский период.

---

[52] *Х-мов И. [Харламов И.Н.].* Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. 1884. № 5-6. С. 512-547.
[53] *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956.
[54] *Соколова Е.И., урожд. Харламова.* М.Ю. Лермонтов в его отношениях к эпохе. Эскиз. М.: Тип. В.М. Саблина, 1916.
[55] *Плеханова Р.М.* Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча. Под ред. Л.Г. Дейча. Сб. 6. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
[56] *Шестернин С.* Владимирский кружок молодёжи и Н.Е. Федосеев (Страничка воспоминаний) // Федосеев Н.Е. – один из пионеров революционного марксизма в России (Сб. воспоминаний). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

В воспоминаниях Н.С. Русанова вскользь упоминается о работе Харламова в «Стране», при этом ценным является его замечание о том, что перу Харламова принадлежала «энергичная передовица в «Стране», ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения»[57]. Следует отметить, что в литературе есть иное мнение относительно авторства данной публикации. В полном собрании сочинений и писем И.С. Тургенева в примечании к письму И.С. Тургенева к П.В. Анненкову от 6-7 марта 1881 года автором данной статьи назван редактор Л.А. Полонский[58]. Утверждение приводится без каких-либо ссылок на источники. По нашему мнению, большего доверия заслуживает свидетельство современника тех событий Н.С. Русанова об авторстве Харламова. При этом не вызывает сомнений, что подобная публикация могла выйти только с ведома и одобрения издателя-редактора газеты Л.А. Полонского.

Н.С. Русанов также даёт характеристику деятельности библиотеки А.И. Эртеля и артельного журнала «Русское богатство», где подчёркнута роль молодых писателей, в том числе и Харламова[59]. Мемуары Н.С. Русанова ценны тем, что представляют портрет идейно-литературного окружения, к которому принадлежал Харламов. Из мемуаров А.М. Скабичевского можно почерпнуть сведения об особенностях организации и последующей деятельности журнала «Русское богатство»[60]. Таким образом, рассмотренные мемуарные источники дают представление об окружении Харламова и раскрывают некоторые моменты его биографии. Общую картину петербургской атмосферы той эпохи, московской журналистской среды или обстановку среди нелегальных народников могут иллюстрировать мемуары

---

[57] *Русанов Н.С.* Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов. Т. 1. С. 358 // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М.* Воспоминания: В 2-х тт. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1967.

[58] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. Т.13. Кн. 1. Л.: Наука. Лен. отделение, 1968. С. 440.

[59] *Русанов Н.С.* На родине 1859-1882. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. *Его же.* Из моих воспоминаний. Кн. 1. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923.

[60] *Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908; *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001.

О.В. Аптекмана, О. Булановой, П.В. Засодимского, В.Г. Короленко, Л.В. Тихомирова.

К опубликованным историческим источникам, раскрывающим биографические моменты, связанные с Харламовым, можно также отнести *биобиблиографические очерки, статьи и некрологи*.

Среди *биобиблиографических работ*[61] полнотой информации, безусловно, выделяется очерк А.В. Смирнова. В его тексте представлен практически полный библиографический список, относительно подробно изложены биографические сведения, однако, мировоззрение народника определено только в самых общих чертах[62]. Некоторые данные заимствованы им из других источников, о чём будет сказано ниже. Автор очерка признаётся, что многие сведения получены им от вдовы Харламова Анны Николаевны, кроме того, А.В. Смирнов и Харламов учились на одном курсе семинарии, так что, их связывало и личное знакомство[63]. В письме Н.Н. Златовратскому (о котором А.В. Смирнов также готовил очерк для одного из выпусков «Уроженцев и деятелей…») исследователь пояснял: «…Мне хотелось бы знать более точные сведения: когда Вы родились (месяц, число, год), где учились – более определённо – и на чём кончили учение. А дальше по Вашему усмотрению. Но библиографию (уж простите меня, слабость такая!) более определённо: в каких периодических изданиях, под какими псевдонимами, и что было напечатано без всякой подписи»[64]. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной

---

[61] *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (Материалы для био- библиографического словаря). Вып. 1. Владимир: Типография губернского правления, 1896. С. 144-159; *Малицкий Н.* История Владимирской духовной семинарии. Вып. 3. М., 1902. С. 309; *П.В.Б.* [П.В. Быков]. Харламов И.Н. // Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890-1907, Т. 73. С. 78; *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7: Писатели, умершие в 1887 г. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. С. 90-91; *Колобанов В.А., Маштафаров В.Н.* Русские писатели на Владимирской земле. Владимир, 1971. С. 57-58; *Титова В.И.* Харламов Иван Николаевич [Биобиблиографическая статья]. Владимирская энциклопедия: биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 462.

[62] Подробнее об оценке А.В. Смирновым творчества Харламова см. раздел «Степень изученности темы».

[63] Отзывы о биографических очерках А.В. Смирнова и, в частности, об очерке, посвящённом И.Н. Харламову см.: *В. И-въ* [В.Т. Георгиевский] // Владимирские губернские ведомости. 1896. № 39 (27.09). Часть неоф. С. 8-9; *А. Ф-въ* [А.И. Фаресов] // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. С. 1064-1065.

[64] ИРЛИ РАН. Ф. 111 (архив Н.Н. Златовратского). Ед. хр. 156. Л. 1-2 – цит. по изд.: *Семенкин К.Г.* Н.Н. Златовратский. Очерк жизни и творчества. Ярославль: В-Волж. кн. изд-во, 1976. С. 111.

библиотеки хранится список передовых статей газеты «Страна» за 1882 год, составленный И.Ф. Масановым в 1934-1936 годах[65]. Список позволяет дополнить библиографию Харламова, составленную А.В. Смирновым. В частности, в нём указана принадлежность Харламову статьи «Земское дело», раскрывающей взгляды народника по земскому вопросу. При этом информация, приведённая в списке, требует уточнения.

Прочие публикации, носящие справочный характер, можно считать вторичными, поскольку чаще всего они основаны на материалах названного очерка А.В. Смирнова, отличаясь при этом краткостью и неполнотой, некоторые (например, биобиблиографическая справка в работе Д.Д. Языкова) – очевидными неточностями.

Некрологи на смерть Харламова были опубликованы в центральных газетах и журналах, таких, как «Русские ведомости», «Дело», «Русская мысль» и др.[66] В основном он кратки и малоинформативны. Более содержательны некрологи, написанные Н.Н. Златовратским в «Русских ведомостях» и М.М. Гребенщиковым в «Деле». Текст Н.Н. Златовратского ценен биографическим содержанием, хотя и содержит фактические неточности. Некролог, принадлежащий М.М. Гребенщикову, также не лишён этого недостатка. Однако его ценность заключается в психологической характеристике, данной Харламову человеком, очевидно, неплохо знакомым с ним. Не случайно, что в биобиблиографическом очерке А.В. Смирнова присутствуют заимствования из названных некрологов. Следует также подчеркнуть, что оба некролога и очерк А.В. Смирнова созданы современниками и коллегами по цеху, а потому могут рассматриваться ещё и как выражение определённой корпоративной культуры[67]: в них

---

[65] НИОР РГБ. Ф. 616 (Масанов И.Ф.). Карт. 5. Ед. хр. 23. Л. 26.

[66] *Н.З. [Златовратский Н.Н.]* Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Русские ведомости. 1887. № 77; И.Н. Харламов [Некролог] // Новости. 1887. № 79; И.Н. Харламов [Некролог] // Петербургский листок. 1887. № 78 (22.03); Некролог. Иван Николаевич Харламов // Русская мысль. 1887. № 4. С. 195; *М.Г.[Гребенщиков М.М.]*. Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Дело. 1887. № 3. С. 137-138.

[67] Подробнее о жанре некролога, как продукте корпоративной культуры см.: *Кузоро К.А.* Некрологи как источник для изучения корпоративной культуры церковных историков XIX – первой четверти XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 46-52.

подчёркиваются такие черты покойного, как честность, скромность, трудолюбие, талант. В качестве основного достижения в публицистике – «обстоятельные и глубокомысленные монографии» по русскому расколу и сектантству («Странники», «Духоборцы», «Штундисты»).

Следующая группа источников представлена *делопроизводственными материалами*: первую подгруппу составляют производственные документы учреждений, вторую – документы полицейских и следственных органов.

Документы Государственного архива Владимирской области (ГАВО) позволяют восполнить биографические сведения о Харламове: в них содержатся данные о рождении, информация о родителях, годах обучения в Суздальском духовном училище, Владимирской духовной семинарии (Ф. 556 – Владимирская духовная консистория, Ф. 485 – Суздальское мужское духовное училище, Ф. 454 – Владимирская духовная семинария). Подобные сведения можно почерпнуть и о его близких родственниках, закончивших учебные заведения духовного ведомства Владимирской губернии.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в фонде Петроградского университета (Ф. 14) содержатся данные о родителях Харламова, а также его обучении в училище, семинарии и университете[68]. Справки об училищном и семинарском периодах предоставлены университету Владимирской духовной семинарией. В документах по университетскому периоду содержатся сведения об успеваемости, имущественному положению, в частности о получении пособия по бедности, а также об отчислении из вуза в связи с переводом в Императорский Московский университет и о последующем восстановлении. Здесь также можно узнать об аресте бывшего студента Харламова и о его освобождении из-под стражи.

Информацию о деятельности газеты «Страна», где Харламов работал с 1880 по 1882 годы, можно почерпнуть в фонде Управления по делам печати Министерства внутренних дел в Российском государственном историческом

[68] Архивная справка А.Г. Румянцева, материал предоставлен М.Ю. Эдельштейном.

архиве (РГИА, Ф. 776). В частности, в журналах заседаний названного управления содержится характеристика данная изданию, исходя из которой следует, что «Страна» «содействует ослаблению власти и поощряет своеволие во всех сферах государственной и общественной жизни»[69]. Также в журналах имеются сведения о налагаемых на газету санкциях за публикации, содержащие критические высказывания в адрес государственной власти и политики. При этом следует добавить, что фамилии Харламова в тексте документов не обнаружено.

Сведения о статистическом отделении Смоленского губернского земства, связанных с деятельностью Харламова в 1883-1885 годах, можно получить из Журнала очередного Смоленского земского собрания за 1885 год. В нём сообщается о формировании штата отделения, распределении обязанностей и проведённой сотрудниками отделения (в том числе и Харламовым) статистической работе в течение 1884 года. В частности, сообщается, что Харламов был рекомендован для работы в отделении известным московским статистиком В.И. Орловым. Результаты проведённой статистиками подворной переписи нашли отражение в Сборнике статистических сведений по Смоленской губернии (Т. 1. Вяземский уезд). Сообщается, что Харламов обработал для сборника материалы, посвящённые характеристике крестьянского хозяйства в названном уезде. Названные журналы опубликованы[70].

Наиболее крупный объём архивных материалов, связан с арестом Харламова, следственным дознанием и последовавшим за этим негласным надзором полиции. Данные материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Ф. 63 – Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при московском градоначальнике, Ф. 102 – департамент полиции Министерства

---

[69] Архивная справка Л.М. Сеселкиной, материал предоставлен М.Ю. Эдельштейном.

[70] Об организации и работах статистического отделения. Доклад XX очередному Смоленскому губернскому земскому собранию // Журналы очередного Смоленского губернского земского собрания. С 15 по 23 января 1885 года. Смоленск: Тип. Ельчанинова, 1885. С. 278, 280.

внутренних дел, Ф. 112 – Особое присутствие Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах), Российском государственном историческом архиве (Ф. 1405 – Министерство юстиции), Государственном архиве Владимирской области (Ф. 14 – Канцелярия Владимирского губернатора, Ф. 704 – Губернское жандармское управление).

Среди изученных дел, наибольшее количество информации содержится в деле «Дознание по обвинению бывшего студента Санкт-Петербургского университета Ивана Харламова в государственном преступлении», хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации[71]. Данный источник позволяет не только прояснить биографические сведения о народнике, его образ жизни и занятия в период, предшествующий аресту, но и круг родственных, дружеских и профессиональных связей, и, соответственно, отзывы должностных и частных лиц о нём. Кроме того, здесь же имеются показания Харламова по поводу его отношения к революционной деятельности. В ходе исследователя удалось узнать о причинах помещения его под стражу, состоянии здоровья в период нахождения в одиночной камере дома предварительного заключения, обстоятельствах освобождения.

Ряд дел Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Владимирской области сообщают об установленном за Харламовым негласном полицейском надзоре[72]. Они дают представление о местах проживания Харламова с 1883 года и практически до конца жизни (последнее найденное донесение датировано ноябрём 1886 года), а также круге его общения и политической благонадёжности. Среди документов, содержащихся в донесении о негласном полицейском надзоре, следует упомянуть расписку Харламова приставу Клинского уезда 2 стана от 6 июля 1883 года, где он, в соответствии с привилегиями, данными детям

[71] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608.
[72] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 41. Д. 139; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 127. Д. 795; ГАВО. Ф. 14. Оп. 10. Д. 332; ГАВО. Ф. 704. Оп. 1 Д. 6, 8; ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 187, 444.

священнослужителей, подписывается званием потомственного почётного гражданина. Документы, содержащиеся в фонде владимирского краеведа-библиографа Л.С. Богданова (Ф. Р-410), представляют собой выписки из донесений полиции о негласном надзоре за Харламовым и его супругой. Хотя по сути они являются вторичными, тем не менее, проведённая им работа по отбору и обобщению информации может быть полезна исследователям. Её отличают полнота и содержательность.

Следует сказать несколько слов и о немногочисленных вещественных источниках. Фотографии Харламова обнаружены в Государственном архиве Российской Федерации в Коллекции фотодокументов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений (Ф. 1742), а также в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (ГВСМЗ)[73]. Очевидно, что первый связан с эпизодом ареста Харламова и нахождения под стражей, второй свидетельствует о его связях с семьёй Златовратских, поскольку фотография принадлежала Л.С. Богданову, изучавшему биографию и творчество Н.Н. Златовратского и историю его семьи. Ещё одним свидетельством служит акварельный портрет Николая Петровича Златовратского (отца писателя Н.Н. Златовратского)[74], автором которого был Харламов. Рисунок, датированный 1879 годом, в 1951 году поступил в фонды музея-заповедника из Российского государственного архива литературы и искусства. В семейном архиве Гвоздецких хранится рисунок Харламова «Корабль в шторм»[75], из этого же архива автору данной работы передана визитная карточка И.Н. Харламова.

Таким образом, собранные и проанализированные источники в совокупности позволяют получить относительно полное представление о биографии народника. Следует подчеркнуть, что архивные материалы не являются основным источником для анализа системы взглядов Харламова. В

---

[73] ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 38595. Л. 1; ГВСМЗ. В-15890/18. Фотография чёрно-белая. Портрет писателя-народника Харламова Ивана Николаевича.

[74] ГВСМЗ. В-1228. Харламов И. Рисунок. Николай Петрович Златовратский, отец писателя.

[75] Рисунок опубликован в изд.: *Печкин М.Б., Тупицын И.В.* Академик живописи Н.Н. Харламов. Жизнь и творчество. Иваново: ИИТ «А-Гриф», 2020. С. 143.

связи с этим очевиден недостаток опубликованных и неопубликованных документов и свидетельств личного происхождения (отзывов, писем, мемуаров), способствующих прояснению его взглядов. Эту особенность приходилось учитывать в процессе исследовательской работы.

Научная новизна диссертационного исследования. Проведённое исследование позволило:

- значительно уточнить и дополнить биографические сведения о Харламове, в том числе о круге его знакомств, периоде содержания под стражей, работы в Смоленском губернском земстве;
- ввести в научный оборот ряд новых источников исторического и историографического характера, связанных с жизнью и деятельностью Харламова;
- составить наиболее полный на данный момент список публикаций Харламова, проанализировать его публикационную активность;
- очертить круг источников и литературы, на который Харламов опирался в своих работах;
- впервые в историографии реконструировать взгляды Харламова по основным направлениям общественно-политической и социально-экономической жизни, по вопросам церковного раскола и сектантства, а также создать представление о системном характере этих воззрений;
- сопоставить взгляды Харламова с воззрениями других представителей легального народничества и определить его место в народническом движении.

В ходе исследования были получены результаты, сформулированные как **положения, выносимые на защиту**:

1. В основе мировоззрения Харламова лежат ценности сельского духовенства (идеи служения, борьбы с социальными и нравственными пороками, жертвенности, ценности знания), идеалы народной культуры

(равенство, коллективизм, взаимопомощь), опыт общения с литераторами-современниками, знакомство с наследием писателей и учёных демократического направления.

2. Взгляды Харламова выразились, прежде всего, в его публицистике и беллетристике, отразив влияние позитивистской картины мира (приоритет научного знания, эволюционные и прогрессистские идеи, теория К. Маркса), идеи противостояния двух начал – «централизма и народоправства» и реалистического направления в литературе и общественной мысли применительно к «народной» тематике. В целом их можно охарактеризовать как народнические. Мировоззрение Харламова коррелирует с выбором профессионального и жизненного пути.

3. В отличие от многих народников, Харламов признавал закономерность и неизбежность прихода капитализма на российскую почву. Субъективным фактором, олицетворявшим собой капитализм, он считал индивидуализм, проследив его в своих работах на примере социально-экономической, общественно-политической, правовой областей, гендерных и семейных отношений, религиозно-этических ценностей. Проблема индивидуализма как одно из проявлений капитализма, а также проблема личности в тематике церковного раскола и религиозного сектантства могут рассматриваться как единый сложный феномен, занимающий центральное место в системе взглядов народника.

4. Попытка представить картину глобального многогранного процесса трансформации перечисленных выше сфер и предлагаемые Харламовым пути преодоления могут рассматриваться в качестве модели народнической альтернативной модернизации государства и общества с учётом интересов крестьянского населения, которую условно можно назвать моделью «аграрного (крестьянского) социализма». В ней делается ставка на защиту традиций, демократические идеалы общественного устройства, эволюционные преобразования, многоукладность экономики. Исходя из

проанализированных взглядов Харламова его можно отнести к легальным (реформаторским) народникам правоцентристского толка.

5. Единые процессы, отмечаемые Харламовым в различных областях жизни, взаимосвязь проблем, и, соответственно, общие пути их решения можно оценивать двояко. С одной стороны – как систему взглядов, попытку посмотреть поверх искусственного разделения сфер жизни, целостное видение глобальных универсальных процессов, таких, как развитие капитализма. С другой стороны, поиск универсальных общественных законов неминуемо приводил к схематизации, генерализации, упрощению, односторонности мировоззрения.

Научно-практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в ходе научных разработок по родственной проблематике, при составлении общих и спецкурсов по истории России второй половины XIX века, истории отечественной общественно-политической, социально-экономической и правовой мысли, гендерным вопросам, по истории религиозных движений, при изучении литературных течений того же периода, в краеведческой работе.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждены на международных, всероссийских и межрегиональных конференциях, в том числе: X и XI международных научных конференциях «Старообрядчество: история, культура, современность» (Москва, 2011, 2014), VI, VII, IX международных научных конференциях «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование» (Владимир, 2014, 2015, 2017), международных и межрегиональных краеведческих конференциях (Владимир, 2013-2019; Шуя, 2015, 2016) и др. Отдельные аспекты исследования отражены в научных изданиях, в том числе, входящих в перечень ВАК, научную базу Scopus и РИНЦ. Кроме того, биографическая статья об И.Н. Харламове опубликована в многотомном издании «Русские писатели. 1800-1917: Биографический

словарь» (Т. 6: С-Ч. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 501-502). В общей сложности по теме диссертации опубликовано 27 статей.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленной целью и решаемыми в ходе работы задачами и представлена введением, тремя главами, заключением, списком источников и литературы.

Глава I

Исторический портрет интеллигента-народника И.Н. Харламова

1.1. Жизненный путь интеллигента-народника

Следует признать, что полноценное понимание системы взглядов Харламова невозможно без освещения основных жизненных этапов, условий формирования его мировоззрения и факторов, повлиявших на характер его творчества. Эти моменты будут отражены в данном параграфе.

Иван Николаевич Харламов родился 18 апреля 1854 года в маленьком погосте Веретево Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне Камешковский район Владимирской области), «затерянном в лесу одного из глухих мест средней полосы»[76], в семье сельского священника Николая Александровича Харламова и его супруги Евдокии Ивановны. Воспреемниками стали священник села Осовца Покровского уезда Владимирской губернии Николай Иванович Колоколов и дочь умершего священника Иоанна Борисовского девица Александра. Сын Иван был первенцем в семье, на момент его рождения отцу исполнилось 25 лет матери – 19.

Николай Александрович Харламов также происходил из священнической семьи села Алексино Покровского уезда, являлся выпускником Владимирской духовной семинарии с аттестатом первого разряда и званием студента. Посвящение в священнический сан Н.А. Харламова состоялось 25 июля 1853 года в погосте Веретево. Помимо родителей в доме Харламовых проживала также бабушка, вдовая попадья Ольга Алексеевна, 38 лет, с тремя детьми[77].

---

[76] *Х-мов И. [Харламов И.Н.].* Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. 1884. № 5-6. С. 513.

[77] ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3. Д. 18752. Л. 7 (архивная справка А.Г. Румянцева, материал предоставлен М.Ю. Эдельштейном); ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 684. Л. 686; Д. 949. Л. 102 об.

Детские воспоминания о жизни в погосте отражены в автобиографическом очерке Харламова «Без начала и без конца»[78]. Говоря о значении автобиографических мемуарных произведений, принадлежащих детям клириков, современный американский исследователь Л. Манчестер подчёркивает, что их появление помогало выходцам из среды духовенства «укрепить своё единство и прочертить собственную генеалогию интеллигенции, альтернативную представлениям выходцев из дворянства»[79].

По признанию Харламова, детские воспоминания имели «совершенно идиллический характер»: «У родителей единственный балованный сынок, выросший "на своей воле" в лесной глуши, среди простых людей, я жил так же, как и все мои товарищи… Я был хорошим, одним из лучших даже учеников в школе; учителя меня хвалили и поощряли, и прочили будущность»[80]. С 1860 по 1864 годы Н.А. Харламов в своём доме содержал училище и бесплатно занимал должность учителя, так что первоначальные знания были получены Иваном Харламовым от отца в домашней обстановке[81].

Центральное место в первой части очерка занимают фигуры священников и церковнослужителей, игравших в погосте роль интеллигенции. Они старались не отставать от «эпохи прогресса»: читали охотно и много, нередко вели дискуссии на богословские темы. За публикацию в 1860 году в «Записках» Юрьевского общества сельского хозяйства статьи о сельскохозяйственных приметах Н.А. Харламов был избран членом-корреспондентом общества[82]. Мать Ивана Харламова – Евдокия Ивановна – также была грамотной: умела читать и писать. Неудивительно, что и ребёнок ещё до поступления в училище, «глядя ли на

---

[78] *Х-мов И. [Харламов И.Н.]*. Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. 1884. № 5-6. С. 512 – 547.
[79] *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 72.
[80] *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 517 – 518.
[81] ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 949. Л. 102 об.
[82] ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 949. Л. 102 об.; *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 520; Юрьевское общество сельского хозяйства было утверждено в 1854 г., «Записки Юрьевского общества сельского хозяйства» издавались с 1860 г.

старших, или по врождённой любви к книгоедству», приобщился к чтению и прочитал «от доски до доски» Исторические книги Ветхого Завета и Евангелия с Деяниями святых апостолов[83].

При описании детского периода литератор акцентирует внимание на идее семейных ценностей, ценности знаний, присущих окружению его семьи. Семья Николая Александровича Харламова была многодетной, что впоследствии предопределило миссию Ивана Харламова, как старшего брата, помощника в семье.

Несмотря на «идиллический характер» воспоминаний, одной из наиболее значимых тем в очерке явилась проблема борьбы за справедливость, непримиримость к человеческим порокам. Олицетворением этой борьбы в первой части произведения можно считать бабушку Ольгу Алексеевну, не побоявшуюся направить жалобу в синод на архиерея, чтобы отстоять права своей семьи. «Беда маленькому человеку на свете – говорила она внуку, – заклюют коршуны! Только что с бою возьмёшь, то и твоё счастье!»[84]. По мнению автора биографического очерка о Харламове А.В. Смирнова, «простое деревенское воспитание положило начало честности в мыслях, справедливости в поступках, стремления к правде и любви к народу…»[85]. Добавим к этому суждение Л. Манчестер о том, что воспитание в среде духовенства культивировало традиционные семейные ценности, формировало обострённое восприятие действительности как «арены бескомпромиссной борьбы добра и зла»[86].

В 1866 году Харламов поступил в Суздальское духовное училище, которое закончил в сентябре 1871 года. Отец отдал Ивана в духовное училище в возрасте 11 лет, поэтому ребёнок опережал по развитию 8–9-летних одноклассников и, невзирая на то, что «редко заглядывал в книжку»,

---

[83] *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 523.
[84] Там же. С. 515. Очевидно, Харламов описывал свою бабушку по материнской линии вдовую попадью Ольгу Алексеевну.
[85] *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (Материалы для био- библиографического словаря). Вып. 1. Владимир: Тип. губернского правления, 1896. С. 145.
[86] *Манчестер Л.* Указ. соч. С. 218, 377.

по отзывам начальства, «преуспевал и в науке, и в шалостях»[87]. Училищный период жизни, связанный с переходным возрастом и непростым процессом адаптации, окрашен совсем иным колоритом. Любовь к знаниям не ушла, но, наряду с ней, на первый план выходят переживания подростка, воспитывавшегося до этого в домашних, тепличных (в хорошем смысле слова) условиях, а затем оказавшегося в новой обстановке, среди чужих людей. Современный отечественный исследователь Т.Г. Леонтьева признаёт, что типичный быт учащихся духовных училищ «никак не соответствовал развитию высоких духовных помыслов»[88].

Своеобразная этическая изнанка жизни захолустного провинциального города N (под которым подразумевается город Суздаль Владимирской губернии) выступает неприглядным фоном представленной картины. Несмотря на все сложности, согласно ведомости духовного училища за 1870/71 учебный год, ученик Иван Харламов поведение имел «очень хорошее», а «способности, прилежание и успехи – отлично хорошие»[89].

В описании училищного периода наиболее значимы фигуры новых знакомых подростка – часовщика Ермолая Иваныча и заштатного дьячка Льва. Оба, чуждые мещанства, отдалённо напоминали городских юродивых – обличали людские пороки, растлевающие душу, и, естественно, не принимались мещанской средой. Заметим, что в подобном поведении также можно проследить определённый религиозный контекст. Тем самым, очерк не только даёт возможность получить представление о детском этапе жизни Харламова, но также выявить влияние семьи и социума на оформление его взглядов, проследить процесс формирования мировоззрения, ценностей, выбор жизненного пути.

Семинарский период Харламова – 1871–1875 годы – пришёлся на пору широкого реформирования духовного образования. В это время во

---

[87] *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 524.
[88] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. С. 56.
[89] ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 510. С. 301.

Владимирской семинарии обучалось до 500 учеников, 23 преподавателя, около 200 учеников проживали в общежитии при учебном заведении. На содержание одного семинариста в год выделялось 90 рублей – сумма «весьма скудная»[90]. Согласно новым уставам 1867 года, обучение в духовных училищах и семинариях стало всесословным, был облегчён переход из семинарий в гражданские вузы «без всяких недоразумений и затруднений»[91]. Особенностью семинарских программ пореформенного периода стало введение элементов классических гимназий – преподавание древних языков, введение гуманитарного цикла предметов, таких как педагогика, психология, обзор философских знаний, имевших «в высшей степени важное образовательное и развивающее значение» при одновременном отказе от «реальных» предметов – медицины, сельского хозяйства, естественной истории. Создававшиеся при семинариях воскресные школы становились полигоном для педагогической практики семинаристов[92]. По мнению ректора Владимирской духовной семинарии М.И. Хераскова, за счёт специализации семинарского образования, дающей, по сравнению с гимназическим курсом, задатки «основательного богословского знания», солидность учебного дела была «не только не поколеблена, а, напротив, в некоторых отношениях обеспечена по преимуществу»[93]. А.В. Смирнов, обучавшийся в семинарии в те же годы, отмечает, что в данный период жизни учебного заведения у семинаристов «являлась потребность в издании рукописных журналов, в устройстве совместного чтения, домашних спектаклей», что поощрялось в тот период[94].

---

[90] *Субботин А.П.* Губернский город Владимир в 1877 году. Владимир: Тип. Губ. правления, 1879. Стб. 59.

[91] Открытие первого курса в семинарии после полного преобразования её по новому уставу и штату // Владимирские епархиальные ведомости. 1869. № 22 (Часть неоф.). С. 1083.

[92] *Римский С.В.* Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 45; *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. С. 20.

[93] *Херасков М.И., протоиерей*. Поучение духовным воспитанникам // Владимирские епархиальные ведомости. 1880. № 9. С. 544.

[94] *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (Материалы для био- библиографического словаря). Вып. 1. Владимир: Тип. губернского правления, 1896. С. 146; см. также: *Полунов А.Ю.* Указ. соч. С. 20.

При этом в одной из полемических статей Харламов весьма категорично отозвался о семинарской атмосфере: «Признаемся, мы не можем без крайнего озлобления вспомнить эту до мозга костей развращённую систему "морали"…», – заявлял народник, подчёркивая проблему значимости сохранения нравственных ценностей в семинарской среде. В беллетристике Харламова тоже встречается упоминание о «грязи бурсацкой обстановки»[95]. Не вызывает сомнений, что эти впечатления основаны на собственном горьком опыте бурсацкой жизни. Как отмечала Л. Манчестер, описание страданий в бурсе было вполне сознательным, поскольку преследовало цель продемонстрировать светскому читателю «стойкость и силу выходцев из духовного сословия»[96]. Исследователь подчёркивает, что если для гимназистов значение имели такие личностные качества, как вежливость и обходительность, то для бурсаков – сила воли, честность, послушание, стыдливость.

К семинарскому периоду относится важное событие в жизни Харламова – знакомство с владимирским писателем Н.Н. Златовратским. С 1872 года в течение нескольких лет Н.Н. Златовратский проживал в родном городе. В 1874–1875 годах писатель опубликовал повесть «Крестьяне-присяжные», которая произвела большое впечатление на семинариста Харламова. Стоит сказать, что Харламов приходился Н.Н. Златовратскому дальним родственником, поэтому не исключено, что заочно они могли быть знакомы и раньше, здесь же имеется в виду, прежде всего, знакомство с Н.Н. Златовратским как с литератором.

Дом Златовратских во Владимире был связан с взлётом активности демократических сил конца 1850-х годов, видел в своих стенах Н.А. Добролюбова, некоторое время в нём действовала частная библиотека, открытая отцом писателя Н.П. Златовратским. В течение последующих десятилетий этот дом и проживавшее в нём семейство продолжали

---

[95] *Харламов И.Н.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 91. С. 4. *Его же.* На перепутье // Мирской толк. 1880. № 18 (9 мая). С. 211.
[96] *Манчестер Л.* Указ. соч. С. 224.

оставаться притягательным местом для владимирской молодёжи. При этом фигура Н.Н. Златовратского являлась своеобразным связующим звеном поколений владимирской молодёжи 60-х и 80–90-х годов, о чём свидетельствуют воспоминания марксиста С.П. Шестернина: «В те немногие дни, когда Н.Н. [Златовратский] бывал во Владимире, он был постоянно окружён семинаристами и гимназистами. Помню как мы, гимназисты, тёмными осенними вечерами пробирались по грязным неосвещённым улицам к Златовратскому, который неизменно встречал нас с особой радостью. Делясь своими деревенскими впечатлениями и наблюдениями, он горячо призывал нас в народ, на помощь крестьянину…»[97]. Для Харламова Златовратский стал старшим товарищем и литературным наставником. По словам его дочери Софьи Николаевны, Харламов, «близкий по своим убеждениям отцу, был очень предан ему»[98]. Возможно, что в тот период у семинариста Харламова сформировался интерес к литературному труду, оформились представления о народническом движении, социальной миссии интеллигенции.

В характеристике, данной ректором семинарии М.И. Херасковым, отмечается, что выпускник Харламов «темперамента довольно нервного и не по летам серьёзен». «Шероховатость, близкую к грубости» в характере подростка преподавателям «не раз приходилось замечать и стараться сглаживать», правда, по их отзывам, в третьем классе он стал «заметно учтивее»[99]. Учитывая, однако, его «крайнее озлобление» по поводу «развращённой системы морали», приведённая выше характеристика ректора о «шероховатости» характера Харламова и «серьёзности не по летам»

---

[97] *Шестернин С.* Владимирский кружок молодёжи и Н.Е. Федосеев (Страничка воспоминаний) // Федосеев Н.Е. – один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 106-107. См. также: *Титова В.И.* Кружок Златовратских во Владимире // Записки владимирских краеведов. Вып. 3. М.: РИБ «Турист», 2000. С. 23.

[98] *Златовратская С.Н.* Из воспоминаний об отце // *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. С. 360. Зримым свидетельством близости Харламова не только к Н.Н. Златовратскому, но и к всему семейству Златовратских является акварельный портрет отца Н.Н. Златовратского – Николая Петровича (1821-1882), выполненный Харламовым в 1879 году – см.: ГВСМЗ. В-1228. Харламов И. Рисунок. Николай Петрович Златовратский, отец писателя. 1879 г., а также письма Златовратских с упоминанием Харламова.

[99] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 74.

выглядит вполне обоснованной. Важно то, что уже с юных лет Харламов признавал в себе наличие склонности к борьбе с человеческими пороками: «Мне говорили о карьере, – размышлял он, – я слушал и хотел "оправдать доверие", а какая-то неотразимая сила стаскивала меня с прямой и ровной дороги "паинек" помимо моего сознания, моей воли, и сопротивление этой силе доставляло мне только страдания…»[100].

Среди проступков бывшего семинариста упомянуты пропуск всенощного бдения, отлучка из квартиры без дозволения во время занятий, пропуск уроков пения и гимнастики, неисполнение приказания о стрижке волос. Годовые баллы по поведению в процессе обучения в семинарии Харламов имел следующие: за первый класс – 4 (очень хорошо), за второй – 4, за третий – 4, за четвёртый – 3 (хорошо) по пятибалльной шкале[101].

Семинарист четвёртого класса Иван Харламов показал следующие познания: Священное писание – отлично, Словесность – отлично, История литературы – очень хорошо, Гражданская Общая, Русская история – отлично, Логика, психология – очень хорошо, Обзор философских учений – очень хорошо, Физика и космография – хорошо, Математика – хорошо, Латинский, Греческий, Французский языки – очень хорошо, Церковное пение – хорошо[102]. Таким образом, по общественно-гуманитарным дисциплинам Харламов имел практически высшие баллы, по естественно-научным – хорошие.

В 1875 году Харламов был уволен из семинарии по собственному прошению. Надо сказать, что этот поступок в рассматриваемый период не выглядел исключительным. С 1863 по 1879 годы семинаристы, окончившие четыре общеобразовательных класса, имели возможность поступать в университеты (за исключением Дерптского) без экзамена. По словам Л. Манчестер, в 1870 году 40% выпускников Владимирской духовной семинарии избрали для себя светскую карьеру, а к 1878 году их доля выросла

---

[100] *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 513.
[101] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 74 об.-75.
[102] ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 446. Л. 100; ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д. 18752. Л.6.

до 69%. В целом по стране к 1875 году этот показатель составлял 46%[103]. 10 сентября 1875 года вчерашний семинарист Харламов поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на юридический факультет по юридическому отделению, став членом крупной студенческой корпорации: в этом году в университете числилось 1123 студента, в том числе на юридическом факультете – 594[104]. 25 ноября 1876 года по прошению перечислен в административный разряд юридического факультета, поскольку планировал заняться «более подробным изучением Политической экономии»[105]. Общественная обстановка в университете в этот период была относительно благополучная, по воспоминаниям историка С.Ф. Платонова, несмотря на все сложности эпохи 1878–1882 годов, в стенах вуза «возможна была спокойная и правильная учебная жизнь», «не было ещё разложения университетского порядка»[106].

Вместе с тем, период обучения был для студента Харламова непростым. В первую очередь, сложности были связаны с трудным материальным положением: об этом говорит и свидетельство о бедности, полученное им 14 августа 1875 года накануне поступления в университет, и неоднократные прошения на имя ректора об отсрочке оплаты за обучение «по недостатку средств»[107]. В первый студенческий год Харламов получил от отца около 80 рублей, остальное «дополнял вознаграждением за литературные труды». На протяжении всего последующего обучения литературный труд стал неотъемлемым источником к существованию. Весной 1877 года студент Харламов неудачно сдал экзамены за второй курс, вследствие чего был лишён права на получение стипендии. Тогда возникла мысль о переезде в Москву и поступлении в Императорский Московский

---

[103] *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 257; Русское Православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 357.
[104] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д. 18752. Л. 1, 66, 102; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. С. 56, 58.
[105] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д. 18752. Л. 16.
[106] Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Д. 421. Л. 51 – цит. по изд.: *Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М.: Наука, 1979. С. 120.
[107] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д. 18752. Л. 39, 42.

университет. Проживание в Москве имело свои преимущества, поскольку была возможность поселиться у родственников[108]. 19 октября он был отчислен с 3 курса для поступления в Московский университет, однако, спустя всего два месяца подал прошение о возвращении в alma mater и 9 февраля 1878 года вновь поступил в петербургский вуз.

Тяжёлым материальным положением можно объяснить и слабое здоровье Харламова. В начале 1879 года он был вынужден из-за болезни уехать на родину к отцу в село Гавриловское, где прожил семь месяцев. В течение этого времени болезнь периодически возобновлялась. В прошении на имя ректора от 5 сентября 1879 года он сообщал, что по недостатку средств и болезни хотел бы перенести окончательный экзамен с осени 1879 на весну 1880 года, и уже 24 октября, как прослушавший полный университетский курс, но не державший окончательных испытаний был отчислен из вуза с правом поступления на четвёртый курс обучения.

Материальные сложности, отсутствие стабильности вынуждали студента менять места жительства в столичном городе – по крайней мере, четырежды за пять лет. Видимо, по этой причине зиму 1880-1881 годов, вернувшись в Петербург, он провёл у Н.Н Златовратского, а после его отъезда из столицы переселился к родственнику Карлу Антоновичу Жуку[109]. Летом 1881 года во время одного из возращений домой К.А. Жук нашёл молодого человека «больным общим истощением сил»[110]. После этого случая Харламов, по предложению родственника, переехал к ним на дачу в село Сопки Валдайского уезда Новгородской губернии (ныне деревня Сопки на территории Валдайского сельского поселения Бологовского района Тверской

---

[108] В Москве проживала его тётка (по всей видимости, сестра матери) Александра Ивановна Петрова. Кроме того, в одной из публикаций Харламова также упоминается «Ляпинка» – бесплатное благотворительное общежитие для студентов университета и учеников Училища живописи и ваяния, с которым он был знаком – см: *Харламов И.Н.* К вопросу о студенческих общежитиях // Страна. 1880. № 23 (20.03). С. 2-4.

[109] Подробнее о К.А. Жуке см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 23; Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. С. 504, 506.

[110] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 23 об.-24.

области) и прожил там с 19 июля по 20 августа[111]. По мнению К.А. Жука, петербургский климат был вреден для слабого здоровья Харламова.

30 октября 1880 года Харламов вновь поступил на четвёртый курс для сдачи выпускных экзаменов, однако, весной 1881 года в очередной раз не выдержал выпускных экзаменов и был окончательно уволен из университета в октябре 1881 года. За время обучения в вузе Харламов, судя по сообщению ректора, «ни в чём предосудительном не был замечен»[112].

В письмах к Ф.Д. Нефёдову, редактировавшему газету «Русский курьер», неоднократно встречаются просьбы поскорее выслать гонорары за статьи ввиду тяжёлого материального положения отца. Кроме старшего сына Ивана в семье было ещё четверо братьев и три сестры, поэтому Харламов, добровольно возложив на свои плечи заботу о младших братьях и сестрах, зачастую просил переводить деньги за публикации напрямую отцу. «В деньгах он ужасно нуждается, – пояснял народник. – И каждый день дорог, и каждая копейка»[113].

Университетский период отмечен знакомством с писателями, публицистами, книгоиздателями, началом собственной литературно-публицистической деятельности. Петербургский цех литераторов и учёных в тот период был достаточно широким: в 1881 году к этой категории себя причисляли 406 человек (334 мужчины и 72 женщины)[114]. Укажем на несколько значимых моментов. В 1875 году в журнале «Пчела» был опубликован первый очерк Харламова «Дьячки»[115], вскоре в петербургских и московских журналах и газетах, таких как «Московское обозрение»,

---

[111] Писатель Г.И. Успенский провёл в Сопках лето 1877 года. Деревенские впечатления нашли отражение в цикле его очерков «Из деревенского дневника».
[112] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д.18752. Л.66 об, 68.
[113] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 4 об.
[114] *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. С. 230.
[115] В большинстве некрологов сказано, что Харламов напечатал очерк «Дьячки» ещё будучи семинаристом. Однако, очерк был напечатан 19 октября 1875 года, когда Харламов уже стал студентом-первокурсником. Это подтверждает и А.В. Смирнов: «Вскоре по приезде в Петербург, Харламов снёс в редакцию журнала «Пчела» (изд. Микешин и Гиероглифов) свой первый литературный труд – "Дьячки (Бытовой очерк)", который тогда же и был напечатан» – см.: *Смирнов А.В.* И.Н. Харламов // *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Вып. 1. Владимир, 1896. С. 147.

«Мирской толк», «Русские ведомости», «Русский курьер», «Свет и тени» стали появляться его художественные и публицистические очерки.

На рубеже 1870 – 80-х годов писателем-народником П.В. Засодимским на Невском проспекте была организована библиотека. С весны 1879 года руководил библиотекой начинающий писатель А.И. Эртель. «Заведовал Эртель библиотекой лишь один год, – рассказывал П.В. Засодимский в своих мемуарах. – Весной 1880 г. он опасно заболел, вследствие сильного переутомления, и мы боялись за его жизнь»[116]. Харламов помогал А.И. Эртелю в библиотеке. По словам Н.Н. Златовратского она была «небольшая, в очень скромном помещении, составленная исключительно из "серьёзных" книг, в то время наиболее ходких и, по-видимому, предназначавшаяся главным образом для обслуживания духовных запросов интеллигентного разночинства»[117]. Библиотека была не просто местом обмена книгами – как вспоминал Н.С. Русанов, в её стенах встречались литераторы из «Отечественных записок», «Дела», «Слова», «Русского богатства», революционеры партии «Народная воля» А.П. Корба, М.Г. Никитина, М.Н. Тригони, А.И. Иванчин-Писарев, Л.А. Тихомиров, Г.В. Плеханов[118].

Помимо работы в библиотеке Харламов сотрудничал с редакциями нескольких «толстых» журналов. В 1879 году по приглашению Н.Н. Златовратского он вошёл в состав редакции журнала «Русское богатство», образованной литераторами демократического направления на артельных началах. В письме к родным в конце 1879 года он просил передать Харламову, если тот появится у них, «чтобы всячески понатужился – и приезжал сюда [в Санкт-Петербург – С.Х.], сердце его, конечно, не обмануло. Пускай идёт: рабочих рук потребуется много – и в работе хоть купайся»[119]. Организатором журнала выступил писатель-народник С.Н.

---

[116] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 313. Ед. хр. 26. Л. 1; *Засодимский П.В.* Из воспоминаний. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 442-443.
[117] *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 328.
[118] *Русанов Н.С.* На родине. 1859-1882. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 256-257.
[119] ГВСМЗ. В-35136/9. Письмо Златовратского Н.Н. родителям о своей работе и семье. Л. 1 об. 1879 – янв. 1880 гг.

Кривенко. Б.П. Козьмин замечает, что в артели С.Н. Кривенко «усматривал прообраз будущего, более высокого по типу, чем современный, строя общественных отношений, и потому он выступал горячим проповедником всякого рода артельных начинаний»[120]. Основная задача журнала, по мнению учёного, заключалась в «изучении народных, т.е. крестьянских, идеалов и их отражения в жизни народа»[121]. В артель вошли писатели и публицисты Н.С. Русанов, А.М. Скабичевский, М.А. Протопопов, Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, Н.С. Курочкин, П.В. Засодимский, Н.Ф. Бажин, С.Н. Бажина. Коллега по перу А.М. Скабичевский вспоминал об этапе создания артели «Русского богатства»: «Кривенко проводил лето 1879 года на даче в Мурзинке, где рядом с ним проживал и Н.С. Курочкин. И вот на даче у Кривенка было положено основание артели в виде колоссального трёхдневного пиршества»[122]. В 1879 году удалось выпустить лишь один номер с тем, чтобы сохранить право издания. В следующем году журнал начал выходить ежемесячно. «Мы словно нарочно задались целью доказать всю нелепость издавать журнал, не имея ни гроша в кармане и надеясь лишь на легковерие подписчиков и самопожертвование сотрудников», – размышлял А.М. Скабичевский[123]. В отличие от него, Н.Н. Златовратский был настроен более оптимистически[124]. Помимо артели в деятельности журнала в период 1880–1881 годов принимали участие В.В. Берви-Флеровский, А.И. Иванчин-Писарев, Г.В. Плеханов и др.

---

[120] *Козьмин Б.П.* Уааз.соч. С. 408.
[121] *Козьмин Б.П.* Указ. соч. С. 418.
[122] *Скабичевский А.М.* Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 380; см. также: *Шорникова Л.А.* Из переписки Н.Ф. Бажина с А.И. Эртелем (Материалы к истории артельных журналов «Русское богатство» и «Слово») // Русская литература. 1977. № 3 С. 168-188; *Мокшин Г.Н.* Идеи и жизнь «артельного человека» С.Н. Кривенко (1847 – 1906). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2012. С. 73-75.
[123] *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 380.
[124] Оптимизм Н.Н. Златовратского, кроме предстоящего выхода первого номера журнала «Русское богатство» за 1880 год, был вызван возможным участием в редактировании журнала «Слово», о чём он сообщал родителям: «Нам предложили взять журнал «Слово» с 3000 подписчиков с выплатой за него из прибылей тысяч 50 его стоимости, в течение хотя 20-30 лет. Да, призадумаешься! И мы думаем и думаем, чтобы как-нибудь совсем не потерять голову в этом наплыве благополучия» – см.: ГВСМЗ. В-35136/9. Письмо Златовратского Н.Н. родителям о своей работе и семье. Л. 1-1 об. 1879 – янв. 1880 гг. Отзыв А.М. Скабичевского о «Слове» см.: *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 384-385, 408; см. также: *Мокшин Г.Н.* Идеи и жизнь «артельного человека» С.Н. Кривенко (1847 – 1906). С. 75-77.

Подобного рода предприятие, по мнению А.М. Скабичевского, могло иметь успех, в том случае, если бы во главе его стояли имена писателей, пользующихся огромной популярностью, к тому же их произведения должны были появляться на постоянной основе. Журнал, основанный на артельных началах, никак не мог соответствовать этим требованиям, и, несмотря на это, в нём всё-таки вышло немало интересных материалов. Период деятельности Харламова в составе писательской артели был достаточно коротким: уже осенью 1880 года он сообщал Ф.Д. Нефёдову, что с редакцией «Русского богатства» никаких дел не имеет[125]. В «Русском богатстве» Харламов опубликовал две работы – «Помочь» (№ 1 за 1879 год) и «Женщина в русской семье» (№ 3 и № 4 за 1880 год). Таким образом, первая работа была опубликована в единственном номере, изданном в 1879 году в период редакторства Д.М. Рыбакова, а вторая пришлась на артельный период. Уход Н.Н. Златовратского с поста редактора журнала после выхода третьего номера за 1881 год, связанный с организацией журнала «Устои», явился концом артельного периода в истории «Русского богатства»[126].

В письме Ф.Д. Нефёдову Харламов в 1880 году сообщал также, что «по части критики и библиографии» сотрудничал с журналом «Дело»[127], являвшимся одним из передовых легальных журналов, «органом демократической, народнической публицистики, горячо отстаивавшим интересы народных масс»[128]. На рубеже 1870-х – 1880-х годов в журнале сотрудничали Н.В. Шелгунов, П.Л. Лавров, С.М. Степняк-Кравчинский, П.Н. Ткачёв, Л.А. Тихомиров, Н.С. Русанов, В.В. Берви-Флеровский, С.С. Шашков, К.М. Станюкович, Л.И. Мечников, Н.Ф. Бажин и др.

По замечанию В.Г. Серебренниковой, для журнала, исповедовавшего народническую идеологию, была свойственна «критика некоторых важных

---

[125] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 200. Л. 7 об. Стоит добавить, что уже с апреля 1880 года члены артели начали покидать журнал.
[126] *Козьмин Б.П.* Указ. соч. С. 410.
[127] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 200. Л. 5. В некрологе, посвящённом И.Н. Харламову (Дело. 1887. № 3. С. 138) он также назван бывшим сотрудником.
[128] *Серебренникова В.Г.* Демократический журнал «Дело» в годы общественного подъёма (Конец 70 – начало 80-х годов XIX в.) // История СССР. 1961. № 1. С. 118, 130.

теоретических положений народничества»[129], полемика с либералами и консерваторами. В отличие от «Русского богатства», «Дело» подвергался предварительной цензуре со стороны Цензурного комитета. При этом если тираж «Русского богатства» в 1880 году составлял 700 экземпляров, то «Дела» – превысил 6000. После смерти редактора журнала Г.Е. Благосветлова в 1880 году, активную роль в создании коллективной редакции играл К.М. Станюкович[130], до 1884 года (т.е. до ареста К.М. Станюковича) «при всех серьёзных недостатках» журнал соответствовал «высокому званию "тенденциозного журнала противоправительственного направления", которое он носил с честью почти два десятилетия»[131]. В «Деле» в период с 1881 по 1883 годы Харламов опубликовал критический очерк «Идеализаторы раскола» (№№ 8 и 9 за 1881 год), рецензию «Русский народный юмор» (№ 12 за 1881 год), художественные очерки «Стенное писание» (№7 за 1882 год), «На наделе» (№ 2 за 1883 год).

В письме к Ф.Д. Нефёдову от 6 февраля 1880 года Харламов довольно тепло отзывается о редакции журнала «Древняя и новая Россия» и ходатайствует о положительном отзыве со стороны редактируемой Ф.Д. Нефёдовым газеты в адрес журнала. В качестве аргумента Харламов сообщает, что с нового года редактор и сотрудники «Древней и новой России» «почти все молодёжь, за исключением двух-трёх знаменитостей, вроде Костомарова, Неустроева» и др. «Молодёжь, – пишет Харламов, – во всяком разе честная и желающая не на бобах разводить, а делом заниматься»[132]. В письме упоминается «наша первая книжка» (№ 1 за 1880 год). В № 1 за 1881 год Харламов опубликовал свой очерк «Протопоп Иван Неронов», в № 3 (на этом номере издание журнала было остановлено) – рецензии на книги Н.В. Калачова и П.Е. Березанского, посвящённые

---

[129] *Серебренникова В.Г.* Указ. соч. С. 120.
[130] *Вильчинский В.П.* Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 200.
[131] *Серебренникова В.Г.* Указ. соч. С. 130.
[132] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 200. Л. 2. Заявление «От новой редакции» было помещено редактором-издателем журнала В.И. Грацианским в октябре 1879 года.

сельским судам. Тем самым, нельзя исключать, что Харламов в тот период имел отношение и к редакции этого журнала. Ф.Д. Нефёдов упоминает также, что Харламов «имел сношения» с редакцией московского еженедельного журнала «Свет и тени», который выходил в 1878-1884 годах, был знаком с редакцией газеты «Русские ведомости». Кроме того, в 1881 году Харламов упоминается в числе лиц, сотрудничающих с газетой «Русский курьер», наряду с Н.Н. Златовратским, А.С. Пругавиным, В.И. Немировичем-Данченко, В.И. Орловым, П.А. Соколовским, Д.А. Ровинским. Заведовал редакцией в тот период Ф.Д. Нефёдов[133]. Следует отметить, что «Русские ведомости» и «Русский курьер» имели либерально-буржуазную направленность.

Основная деятельность Харламова в период 1880 – 1882 годов связана с петербургской газетой либерального толка «Страна», возникшей в одном ряду с такими либеральными изданиями, как газеты «Земство», «Одесский листок», «Гласность», «Порядок», «Улей», журналы «Русская мысль», «Земская школа», «Новое обозрение»[134]. Харламов впервые пришёл в редакцию «Страны» весной 1880 года со своей статьёй, без какой-либо рекомендации. Статью приняли к печати, затем вышли ещё две или три публикации[135]. В сентябре того же года редактор Л.А. Полонский предложил молодому публицисту заниматься выборками из газет и ответами на письма, приходившими в редакцию (в тех случаях, когда сам редактор не отвечал на них). Таким образом, Харламов работал секретарём в редакции – сменив на этом посту А. Введенского, вёл хронику и библиографическую часть литературного отдела, заведовал основной корреспонденцией[136].

Между «Русским богатством» и «Страной» существовали противоречия, о чём свидетельствует статья Л. Алексеева в № 12 за 1880 год:

---

[133] Русский курьер. 1881. № 8. (9 января). С. 1.
[134] *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России в 2 тт. Т. 1. Вып. 3: 1855-1917. М.: Пробел-2000, 2017. С. 147.
[135] Самая ранняя из обнаруженных публикаций Харламова в «Стране» – «К вопросу о студенческих общежитиях» (№ 23) от 20 марта 1880 г.
[136] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 2 об.; *Смирнов А.В.* Указ. соч. С. 150.

«Мы не единомышленники с "Страной", – писал Алексеев, – а противники». В данном случае речь идёт о разногласиях либералов и народников. К последним Л. Алексеев относил редакцию «Русского богатства». Против общего врага, полагал Б.П. Козьмин, противники готовы были создать временный союз[137]. Факт участия Харламова в обоих изданиях в течение короткого промежутка времени может, на наш взгляд, служить подтверждением этого союза, а также свидетельствовать об отсутствии непреодолимых границ между этими течениями – прежде всего в понимании самого Харламова.

Несмотря на внешнюю умеренность, «Страна», как показала история, допускала «крайне неуместные рассуждения». 16 января 1881 года газета получила первое предостережение, связанное с тем, что в передовой статье в № 7 от 15 января содержалось требование вернуть из ссылки Н.Г. Чернышевского[138]. И.С. Тургенев в письме от 22 января сообщал А.В. Топорову: «…Что же касается до Вашего совета, то я уже третьего дня написал Л.А. П[олонскому] под впечатлением его благородного поступка»[139]. В тот же день по поводу передовицы в «Стране» писатель обращался с советом к П.В. Анненкову: «…Советую подписаться на эту лучшую газету. Статья эта – благородный поступок честного человека, желающего добра правительству»[140]. 4 марта «Стране» было вынесено второе предостережение, связанное с событиями 1 марта. Касаясь их, Н.С. Русанов отмечал, что «энергическая передовица в «Стране», ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения»[141], принадлежала перу Харламова.

В тот же день Александру III был представлен доклад Главного управления по делам печати, в котором сообщалось о предостережениях

---

[137] *Козьмин Б.П.* Указ. соч. С. 425.
[138] РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 21. Л. 16-18.
[139] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. Т.13. Кн. 1. Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1968. С. 46, 424.
[140] *Тургенев И.С.* Указ. соч. С. 45, 424.
[141] *Русанов Н.С.* Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М.* Воспоминания: В 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. С. 358.

газетам «Страна» и «Голос», «могущим иметь вредное влияние как объясняющие гнусное злодеяние последних дней системою реакции». В ответ на это последовала резолюция государя: «Совершенно одобряю»[142]. Тогда же был подписан циркуляр, запрещающий публиковать статьи о необходимости изменения государственного строя. 10 апреля 1881 года министр внутренних дел запретил розничную продажу номеров газеты «за осуждение направленности внутренней политики правительства»[143].

В журнале заседаний Главного управления по делам печати МВД отмечалось, что газета «принадлежит к числу изданий одного типа с «Голосом», то есть она содействует ослаблению власти и поощряет своеволие во всех сферах государственной и общественной жизни»[144]. В политике издания видели склонность к «поляколюбству», а также «невозбранной распущенности образующегося юношества».

Таким образом, основное время Харламова в университетский период занимали, помимо лекций, Императорская публичная библиотека, сотрудничество с журналами, работа в редакции газеты «Страна». На лето (за исключением 1881 года, когда Харламов жил на даче Сопках) он уезжал к родителям. Размышления о читателе-разночинце в полной мере могут быть отнесены к нему самому: «… наработавшись и исстрадавшись за лето и зиму, непременно старается как-нибудь устроить себе отдых на лето, взглянуть на деревню, подышать чистым воздухом, полечиться. За границу он почти не ездит: средств нет, да и досуга необходимого тоже. Дача, деревня – вот то, чем он может воспользоваться»[145]. Даже поездки домой рассматривались литератором как возможность для исследований, поскольку из дома

---

[142] Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. – СПб.: Нестор-История, 2011. С. 161-163, 351. См. также: *Гриценко Н.Ф.* Консервативная стабилизация в России в 1881 – 1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М.: Русский путь, 2000. С. 175.
[143] РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 21. Л. 44-46.
[144] РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 22. Л. 341 об.-342.
[145] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 89 (30.07). С. 6. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 7.

Харламов присылал корреспонденции и статьи, основанные на материале быта крестьян Владимирщины[146].

За литературный труд Харламов в тот период получал от 100 до 125 рублей в месяц[147]. Стоит заметить, что такая сумма может считаться достаточной для удовлетворительного существования: например, университетская стипендия Харламова в 1876–1877 годах составляла 15 рублей в месяц, пособие по бедности, получаемое им в отдельные месяцы – 15-20 рублей, за снимаемую комнату на Малой Итальянской улице в конце 1881 года Харламов платил ежемесячно 20 рублей, а также 15 рублей за «стол». По воспоминаниям студента Горного института А.Н. Рябинина, в начале 90-х годов студенческая стипендия в 35 рублей обеспечивала «безбедное существование», оклад сотрудников «Отечественных записок» Н.С. Курочкина, Н.К. Михайловского, П.Д. Боборыкина (без учёта гонораров за авторский лист) составлял 75 рублей в месяц, в то время как редакционные сотрудники провинциальных изданий получали 50-70 рублей в месяц[148]. Однако, следует учитывать, что этот заработок давался ежедневным напряжённым трудом, к тому же Харламов материально помогал родительской семье, так что, по всей видимости, значительная часть заработанных им средств отсылалась домой.

Круг близких знакомств молодого публициста был относительно невелик: его основу составляли, помимо родительской семьи, многочисленное семейство Златовратских, включая родителей Н.Н. Златовратского, его сестёр, К.А. Жука, в него входил также двоюродный брат Харламова студент Санкт-Петербургского университета В.А. Златовратский. Также Харламов был знаком с экономистом, исследователем проблем сельской общины, библиотекарем исторического отделения Императорской

---

[146] См.: РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 151. Л. 1 – 2 об. Из Суздальского уезда (корреспонденция в редакцию газеты «Русский курьер». 16 июля 1879 года).
[147] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 10.
[148] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 31, 39 об.; *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. С. 29, 235-236, 329.

публичной библиотеки П.А. Соколовским[149], который к тому же был дружен с семьёй Златовратских[150]. С редактором «Русского курьера» Ф.Д. Нефёдовым Харламов состоял в переписке, которая носила преимущественно деловой характер. По роду деятельности круг профессиональных знакомств составляли редакторы Л.А. Полонский и Н.В. Шелгунов, которым Харламов лично вручал свои статьи, «но отношений, как знакомый, к ним не имел»[151]. К этому списку можно также добавить знакомство с редакциями упомянутых выше журналов и газет, через посредников Харламов обращался к книгоиздателям А.С. Суворину, М.М. Стасюлевичу, Э.К. Гартье.

Народоволец А.П. Буланов в своих показаниях характеризовал образ жизни народника следующим образом: «Харламов имеет очень небольшой круг знакомых из своей же среды писателей <…>, вёл замечательную труженическую жизнь, каждый день был занят с утра или в редакции, или же в Публичной библиотеке, вечером же занимался писательством, работы у него постоянно было много, так как он сотрудничал в нескольких журналах и газетах и при том готовился к кандидатскому экзамену. Нынешним летом он работал так много, что доктора предписали ему на некоторое время перестать писать, иначе предсказывали расстройство умственных способностей. Работал он так много потому, что содержал свою семью…»[152]. Это утверждение согласуется со свидетельствами других знакомых Харламова и его собственными словами: «Нравственными крепкими узами связанный с семьёй, считаю своим долгом по мере материальных средств своих помогать

---

[149] Возможно, что это знакомство завязалось ещё в семинарские времена, поскольку в 1870-1871 году П.А. Соколовский преподавал историю и географию во Владимирской губернской мужской гимназии. В 1877 году в журнале «Московское обозрение» Харламов опубликовал рецензию на «Очерк истории сельской общины на Севере России» П.А. Соколовского. Подробнее о П.А. Соколовском см.: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=420, о его взглядах см.: *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский). Дисс. … к.и.н. СПб., 1997.

[150] «Часто бываю у Соколовского, у Наумова…» – сообщал Н.Н. Златовратский своим родителям в одном из писем. См.: ГВСМЗ. В-35136/7. Письмо Н.Н. и С.А. Златовратских родителям о работе, материальных трудностях. 1880-е гг. Л. 1.

[151] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 11.

[152] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 103 об.-104 (имеется в виду родительская семья Харламова).

ей, и все свои ближайшие задачи считаю в помощи братьям для окончания курса в указанных мною заведениях»[153].

29 декабря 1881 года в доме № 6 по Малой Итальянской улице, где в тот период проживал Харламов, был произведён обыск. Ничего подозрительного в его вещах не было найдено. Однако, вся корреспонденция была опечатана, а сам Харламов доставлен в Жандармское управление и помещён в одиночную камеру дома предварительного заключения[154] – первую в России специальную следственную тюрьму, находившийся на улице Шпалерной, 25.

Арест был обусловлен тем, что 18 декабря 1881 года у московского дворянина В.И. Яковенко в шифрованных записках был обнаружен список имён и адресов, где беглые политические ссыльные, связанные с партией «Народная воля», могли бы найти пристанище по дороге из Сибири в европейскую часть страны. Аналогичный список обнаружили у арестованного в эти же дни в Санкт-Петербурге народовольца П.А. Теллалова. В списке В.И. Яковенко оказался и адрес Харламова. Никогда до этого Харламов не подвергался арестам, хотя в 1879 году в доме его отца в селе Гавриловском дважды производился обыск. Поводом послужили высказанные учителем народной школы села Барское Городище Суздальского уезда Д.И. Крыловым слова о положительном влиянии на «правительственный строй», которое могло бы иметь цареубийство Александра II. При этом учитель добавил, что озвученная идея принадлежит не ему, а студенту Харламову. В ходе обыска у Крылова были найдены письма Белинского к Гоголю, переписанные рукой Харламова. У самого же Харламова ничего предосудительного найдено не было[155].

В своих показаниях Харламов неоднократно заявлял, что социал-революционных идей не разделяет, к революционному сообществу не

---

[153] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 11.
[154] Там же. Л. 3-5.
[155] Там же. Л. 10 об., 63; ГАВО. Ф. 14. Оп. 10. Д. 54. Л. 47 об.-48.

принадлежит и принадлежать не намерен[156]. Харламов предполагал, что его адрес мог попасть в упомянутый список либо через университетского товарища А.О. Бонч-Осмоловского, либо через знакомого А.П. Буланова. И тот, и другой отрицали свою причастность к этому делу и знакомство с В.И. Яковенко. Между тем, стоит заметить, что предположение Харламова не было лишено оснований.

В.И. Яковенко осенью 1879 года принимал участие в создании московской организации «Чёрного передела». Работа велась среди рабочих и студентов Московского университета. После ареста Г.Н. Преображенского В.И. Яковенко возглавил «рабочее дело»[157]. А.П. Буланов, с середины января 1880 года входил в петербургский (центральный) кружок «Чёрного передела», причём играл там одну из ведущих ролей. К концу этого года организация насчитывала 40-60 человек. В 1880-1881 годах кружком издавалась рабочий листок «Зерно», А.П. Буланов был в числе редакторов и ведущих сотрудников. Среди прочих с газетой сотрудничали Г.В. Плеханов и Н.С. Русанов. Помимо этого, выпускник Морского училища А.П. Буланов принимал участие в революционно работе среди матросов Кронштадта и в Морском училище[158]. К концу 1881 года «Чёрный передел фактически перестал существовать», и А.П. Буланов перешёл на позиции «Народной воли».

А.П. Буланов познакомился с Харламовым в редакции «Страны», куда принёс свою статью. Он интересовался направлением газеты, в которой работал народник, высказывал интерес к занятию литературным трудом, к изучению народного быта, а поэтому время от времени заходил к Харламову,

---

[156] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 116.

[157] Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов (Коллективная монография). М.: Наука, 1983. С. 294, 297, 299.

[158] *Буланова О.* А.П. Буланов // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 291-296; Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3. Восьмидесятые годы. Вып. 1. А – В. Сост. М.М. Клевенский, Е.Н. Кушева, А.А. Шилов. Под общ. ред. Б.П. Козьмина, Ф.Я. Кона, В.И. Невского, И.А. Теодоровича, Я.Б. Шумяцкого. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Стб. 449-450; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов (Коллективная монография). М.: Наука, 1983. С. 290, 294, 299. Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. С. 257, 258.

чтобы взять какую-нибудь книгу по народной проблематике. Об А.П. Буланове Харламов отозвался следующим образом: «…он всегда высказывался уклончиво и неопределённо и вообще казался мне человеком неискренним»[159].

Членом петербургского кружка, проводившего политическую работу среди рабочих и студенчества, с 1879 года был и А.О. Бонч-Осмоловский, участвовавший во второй половине 1870-х годов в распространении землевольческих изданий. А.О. Бонч-Осмоловский являлся одним из вожаков студенческих беспорядков 1878 года[160], после которых был отчислен из вуза и получил предписание покинуть столицу в трёхдневный срок.

Следует полагать, что Харламов был знаком с Г.В. Плехановым. Это знакомство могло состояться и в Публичной библиотеке, где и тот и другой проводили немало времени – в 1878 году Г.В. Плеханов, А.Д. Михайлов и И.И. Каблиц (Юзов) изучали здесь труды по истории церковного раскола[161], и в библиотеке, организованной П.В. Засодимским, и в процессе сотрудничества в журнале «Русское богатство». Знакомство могло также произойти на площадке «Русского богатства» и в квартире Н.Н. Златовратского. Н.С. Русанов вспоминал, что Г.В. Плеханов был знаком с Н.Н. Златовратским. На этапе работы над первыми номерами «Русского богатства летом 1880 года Н.Н. Златовратский, «несмотря, казалось бы, на совершенную определённость своего мировоззрения», испытывал, как и многие другие в этот период, немалые колебания: проявлял симпатии к чёрно-передельческим взглядам Плеханова – с одной стороны и требованиям

---

[159] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 51 об.

[160] Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 3. Восьмидесятые годы. Вып. 1. А – В. Сост. М.М. Клевенский, Е.Н. Кушева, А.А. Шилов. Под общ. ред. Б.П. Козьмина, Ф.Я. Кона, В.И. Невского, И.А. Теодоровича, Я.Б. Шумяцкого. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Стб. 380-381; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов (Коллективная монография). М.: Наука, 1983. С. 297-298.

[161] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 1980. С. 45.

свободы устного и печатного слова, заявленными в программе «Народной воли» – с другой[162].

По воспоминаниям супруги Г.В. Плеханова Р.М. Плехановой (Богард), во второй половине 1879 года между ними было условлено, что по возвращении из Киева в Петербург она найдёт Г.В. Плеханова через Н.Н. Златовратского. Кроме того, Р.М. Плеханова была знакома с сестрой Н.Н. Златовратского Анной Николаевной. 12 января 1880 года, простившись с мужем и передав 14-девного новорожденного ребёнка кормилице, Р.М. Плеханова отправилась на квартиру к писателю Н.Н. Златовратскому, в семье которого ей предложили приют, и где она провела неделю. «С благодарностью и с очень тёплым чувством я вспоминаю, с какой заботливостью и вниманием относилась ко мне симпатичная жена писателя и незабвенная его сестра, моя бывшая приятельница, студентка медицины, и сам писатель», – признавалась жена революционера. – На эту квартиру приходил ко мне ежедневно до отъезда за границу Плеханов»[163]. Р.М. Плеханова покинула квартиру писателя, когда поняла, что хозяев беспокоит угроза обыска в квартире и арест гостьи. К этому стоит добавить, что в своей работе «История русской общественной мысли» Г.В. Плеханов достаточно тепло отзывается о Харламове[164].

Старший брат К.А. Жука, у которого на квартире некоторое проживал Харламов, А.А. Жук, был участником студенческих волнений 1861 года, в 1862-1863 годах являлся членом петербургского отделения «Земли и воли», однако впоследствии отошёл от революционной деятельности[165].

---

[162] *Русанов Н.С.* Из моих воспоминаний. Кн. 1 Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 317-318.

[163] *Плеханова Р.М.* Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча. Под ред. Л.Г. Дейча. Сб. 6. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 86, 103, 105. И.Н. Харламов в это время проживал на квартире у К.А. Жука.

[164] *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 357-359.

[165] Подробнее об А.А. Жуке см.: Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А. А. Шилова [и др.]; Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. - М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927-1934. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли»: Ч. 2: Шестидесятые годы / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. М, 1928. Стб. 125. Письмо Н.Н. Златовратского к А. Жуку (1883 г.) хранится в фондах ИРЛИ РАН.

В ходе допросов родственники, коллеги и знакомые Харламова в один голос заявляли, что не имели сведений о его причастности к революционному подполью. Этого же мнения придерживался и В.И. Яковенко: «Бывшего студента Санкт-Петербургского университета Ивана Николаевича Харламова я не знал никогда, ни в каких отношениях во время пребывания своего в Санкт-Петербурге в 1878-1879 годах с Харламовым… не был». Появление же фамилии Харламова в списках и самих списков В.И. Яковенко объяснял следующим образом: «Найденные при обыске 18 прошлого декабря шифрованные записки принадлежат не мне, и что в них зашифровано, я не знаю, они даны были мне на хранение за несколько дней до ареста знакомым лицом, назвать которого я не могу, так как не знаю, кто он такой…»[166].

31 марта 1882 года было вынесено постановление, согласно которому в отношении Харламова изменена мера пресечения: арестованного литератора было решено выпустить под залог в 3 тысячи рублей. 4 июня 1882 года его выпустили на свободу[167]. 7 июня 1882 года Харламов подал прошение на имя ректора Университета о выдаче свидетельства о прослушании полного курса наук[168], 15 июля – на имя производящего дознание в государственных преступлениях генерал-майора Фёдорова с просьбой выехать на родину в село Гавриловское на жительство к отцу. Последнее прошение было отклонено. Дознание о Харламове прекратили спустя год после его ареста, 30 декабря 1882 года. По распоряжению Департамента полиции от 26 марта 1883 года за № 626 за ним был учреждён негласный надзор[169]. Данная мера была вполне обыденным явлением той поры: под негласным надзором находились, например, литераторы Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский, В.Г. Короленко. С 28 марта по 5 апреля того же года в Особом присутствии Правительствующего Сената проходил так называемый «Процесс

[166] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 38, 38 об.
[167] Там же. Л. 182-182 об.
[168] ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д.18752. Л.72.
[169] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 41. Д. 139. Л. 1.

семнадцати» – судебный процесс над членами «Народной воли», в причастности к которой подозревали Харламова. Обвиняемым были назначены в качестве наказания различные сроки ссылки и каторги.

Стоит отметить роль писателя К.М. Станюковича в деле освобождения Харламова из-под стражи. Именно он внёс денежный залог в размере 3 тысяч рублей. Мотивы этого шага, на наш взгляд, можно объяснить совместной деятельностью Харламова и К.М. Станюковича в журнале «Дело»[170]. Кроме того, писатель отличался сочувственным отношением к революционерам, народникам, людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. В 1879 году он скрывал у себя на квартире Л.Ф. Мирского, преследуемого полицией за покушение на жизнь генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна, оказывал содействие своему племяннику народовольцу М.Н. Тригони, дружил с С.М. Степняком-Кравчинским[171]. По мнению Департамента полиции, К.М. Станюкович отличался постоянной готовностью оказывать революционным деятелям, «а следовательно и революционному делу, услуги в пределах, в которых, в каждом данном случае ему представится такая возможность»[172].

Содержание под стражей сильно повлияло на и без того слабое здоровье Харламова. Врач, обследовавший его в заключении ещё в январе 1882 года, отмечал, что Харламов «слабого телосложения, очень малокровен и истощён… жалуется на постоянный кашель, временами потенье по ночам и временами бредит, что не может подлежать сомнению при найденных исследованием явлениях в груди, которые указывают на хронический воспалительный процесс в легких»[173]. Огромное влияние на здоровье

---

[170] Следует также добавить, что в 1865-1866 годах К.М. Станюкович учительствовал в селе Чаадаево Муромского уезда Владимирской губернии. О связях К.М. Станюковича с Владимирским краем см.: *Колобанов В.А., Маштафаров В.Н.* Русские писатели на владимирской земле. Владимир, 1971; *Богатов В.* Станюкович в Чаадаеве // Владимирские ведомости. 1993. 15 января; Максимова Н.Д. По следам романа К.М. Станюковича // Записки Владимирских краеведов. Вып. 3. М.: РИБ «Турист», 2000. С. 62-64; *Гордеев С.П.* Станюкович Константин Михайлович [Биобиблиографическая статья]. Владимирская энциклопедия: биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 414.

[171] *Вильчинский В.П.* Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 196-197.

[172] ЦГИА СПб. Ф. 1405. Оп. 85. Д. 10992. Л. 44. Цит. по изд.: *Вильчинский В.П.* Указ. соч. С. 204.

[173] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 49.

Харламова, по мнению врача, оказывал климат, вследствие чего медик рекомендовал ему проживание в южных районах.

После освобождения из-под стражи в жизни Харламова наступил новый этап. Некоторое время он продолжал работать в редакции «Страны», однако 5 января 1883 года газета получила третье предостережение и была закрыта на четыре месяца, оказавшись первой жертвой Временных правил 1882 года[174], согласно которым, «после приостановки издание ставилось в особые условия»[175]. В 1883 году вышло только три номера газеты (1, 4 января и 24 декабря), тем самым её деятельность была прекращена.

Харламов продолжал сотрудничать с газетами «Русские ведомости» и «Русский курьер», опубликовал автобиографический очерк «Без начала и без конца» в «Вестнике Европы», журнале, по выражению литератора, «солидном во всех отношениях».

При этом преимущественное внимание отдал изучению церковного раскола и сектантства. В журнале «Русская мысль» в 1884–1885 годах были опубликованы его очерки «Духоборцы», «Странники», «Штундисты». По словам Н.Н. Златовратского, эти очерки «окончательно упрочили за ним внимание публики и литературную репутацию». Все свои статьи, содержащие обширный материал по характеристике семейного и общинного быта раскольников, Харламов мечтал собрать по расколу в одну книгу, которая должна была «представить историю раскола в наиболее ярких её чертах»[176]. Возможно, выбор журналов был обусловлен закрытием журнала «Дело» в мае 1884 года. К слову сказать, с 1884 года «внутреннее обозрение» в «Русской мысли вёл бывший редактор «Страны» Л.А. Полонский.

Документы, связанные с полицейским надзором, содержат упоминание о социальном статусе Харламова – звании потомственного почётного гражданина, которое он носил как сын священника, кроме того с 1869 года

---

[174] Положение Комитета министров о временных мерах относительно периодической печати, Высочайше утверждённые 27 августа 1882 г.

[175] Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. …С. 13, 289 (примечание 116); РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 23. Л. 1-5.

[176] *Н.З.* [Златовратский Н.Н.]. Иван Николаевич Харламов (Некролог) // Русские ведомости. 1887. № 77.

сыновья священников и церковнослужителей были освобождены от подушных податей. Стоит отметить, что в изученных документах подпись Харламова с указанием этого звания встречается лишь однажды[177].

Арест не смог разрушить отношения Харламова с родителями, что подтверждают письма отца Николая Александровича Харламова[178] и все последующие события.

Летом 1883 года Харламов женился на выпускнице женских врачебных курсов при Императорской военно-медицинской академии Анне Николаевне Златовратской (тоже, к слову сказать, находившейся под негласным надзором полиции)[179]. С А.Н. Златовратской Харламов мог познакомиться у К.А. Жука, поскольку сестры Анна и Елена Златовратские проживали у него на квартире вместе со своей замужней сестрой Екатериной Жук. Полученное Анной Николаевной образование земского врача, очевидно, не было случайным, так же как и то, что три сестры Анны Николаевны стали сельскими учительницами: профессии учителя, врача «как нельзя больше отвечали потребностям служения народу, что лежало в основе мировоззрения этой семьи»[180]. Н.Н. Златовратский всячески поддерживал выбор среди сестёр идеи служения: «Помните одно, – обращался он в письме к сёстрам Елене и Магдалине, – что лучшее украшение нашей жизни есть *только подвиг*, и иной жизни для нас быть не может: не рай устроить для себя должны мы иметь в виду (пока нет его для миллионов – не может быть и для нас), а *интеллигентный подвиг, борьбу* с тёмными силами, и в этом же подготовлении к подвигу должны воспитывать и своих и чужих детей»[181].

---

[177] ГАВО. Ф. 14. Оп. 10. Д. 244. Л. 4. Это звание указывал в анкетных данных также младший брат Харламова Василий Николаевич, когда в 1895 году устраивался на должность старшего рабочего службы ремонта путей и зданий Московско-Курской железной дороги – см.: Центральный государственный исторический архив Москвы. Ф. 414. Оп. 21. Д. 1563. Л. 1 об.

[178] Письмо Харламова Н.А. к Петровой А.И. (сестре жены). Л. 2. 1884 г. Из семейного архива Гвоздецких.

[179] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 41. Д. 194. Л. 10; ГАВО. Ф. Р-410 (Богданов Л.С.). Оп. 1. Д. 187. Л. 18; Ф. 704. Оп. 1. Д. 8. Л. 21. Надзор за А.Н. Харламовой-Златовратской был учреждён с 22 ноября 1882 года за участие в январе 1880 года в «распространении произведений подпольной печати среди учащейся молодёжи» в Москве и сохранялся до 15 октября 1885 года.

[180] *Титова В.И.* Из семьи Златовратских // Владимирский некрополь. Князь-Владимирское кладбище: сборник. Владимир, 2002. Вып. 5. С. 79-80.

[181] *Златовратская С.Н.* Из воспоминаний об отце // *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 362-363 (курсив Н.Н. Златовратского – С.Х.).

Вначале молодая семья поселилась в сельце Александрово Клинского уезда Московской губернии, неподалёку от станции Решетниково, где А.Н. Харламова работала земским врачом. С 25 мая 1884 года около года семья проживала в городе Вязьме Смоленской губернии. По приглашению известного экономиста и статистика профессора А.С. Посникова Харламов работал статистиком статистического отделения Смоленского губернского земства.

Выбор Харламовым сферы деятельности также не выглядит случайным. По словам Н.Н. Златовратского, основными мотивами выбора земской службы стали нужда, «а вместе и интерес к живой народной жизни»[182]. Если взглянуть на этот вопрос шире, то следует принять во внимание мнение современного исследователя С.В. Левина, что «подавляющее большинство земских статистиков опосредованно участвовали в народническом движении»[183], при этом, однако, они предпочли террору теорию «малых дел». Н.М. Пирумова отмечает, что помимо весьма ограниченных возможностей прессы, общественная активность могла реализовываться только в рамках земских учреждений[184], что подтверждает выбор Харламова в пользу идеи служения и легальных способов деятельности. В качестве иллюстрации приведём два примера. Коллега Харламова по перу публицист Я.В. Абрамов в 1884 году, после закрытия «Отечественных записок», работал в статистическом отделе Санкт-Петербургского земства[185]. Один из признанных авторитетов земской статистики В.И. Орлов с 1875 года заведовал статистическим отделением при Московской губернской земской управе. В следующем году он был арестован по подозрению в участии в собраниях «Всероссийской социально-революционной организации», однако в следующем году дело в отношении

---

[182] *Н.З. [Златовратский Н.Н.]* Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Русские ведомости. 1887. № 77.
[183] *Левин С.В.* Народническое прошлое земских статистиков // Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 222.
[184] *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. С. 128.
[185] Абрамов Яков Васильевич: Биобиблиографический указатель (1880–2017) / сост., предисл. и вспомогат. указатели Г.Н. Мокшина. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 6.

него было прекращено[186]. В 1882 году он участвовал в организации статистического отделения при Московском юридическом обществе. Под руководством В.И. Орлова и стал работать Харламов.

С середины 1882 года А.С. Посников проживал в Вязьме[187]. Статистическое отделение губернской земской управы было создано решением губернского земского собрания 24 января 1884 года. В.И. Орлов в первый год деятельности отделения руководил им на общественных началах. В докладе о деятельности статистического отделения, подчёркивая роль А.С. Посникова и В.И. Орлова, отмечалось, что отделение организовалось «благодаря лишь участию Посникова», а В.И. Орлову смоленская статистика «обязана своим существованием»[188].

Судя по докладу, земские статистики, приглашённые по рекомендации В.И. Орлова, в числе которых был и Харламов, ранее занимались под его началом «местными исследованиями и обработкою статистического материала»[189]. Данное утверждение позволяет предположить, что Харламов предварительно мог познакомиться с областью земской статистики, например, проживая в Московской губернии. Нельзя также исключать его знакомство с А.С. Посниковым на площадке «Русских ведомостей», где последний играл заметную роль[190].

Статистикам, – «передовому отряду земской интеллигенции», по выражению Н.М. Пирумовой, – предстояло провести сплошное подворного обследование крестьянского хозяйства в шести уездах губернии. Подобные исследования были обусловлены потребностью земства в массовых сведениях, дающих представление о доходности земель для организации

---

[186] *Левин С.В.* Народническое прошлое земских статистиков. С. 216.

[187] Подробнее см.: Хайлова Н. Русский либерал А.С. Посников: «Сила и мощь – в единении» // (Режим доступа: http://rusliberal.ru/books/Hajlova_POSNIKOV.pdf. Дата обращения – 22.10.2020). С. 11

[188] Об организации и работах статистического отделения. Доклад XX очередному Смоленскому губернскому земскому собранию // Журналы XX очередного Смоленского губернского земского собрания. С 15 по 23 января 1885 года. Смоленск: Типография Ельчанинова, 1885. С. 281-282.

[189] Там же. С. 278.

[190] Харламов упоминает А.С. Посникова в статье о «Новые данные об общине – см.: *[Харламов И.Н.]*. Новые данные об общине // Русский курьер. 1880 № 310 (13.11). С. 1-2. – Рец. на кн.: Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Под ред. Ф.Л. Барыкова, А.В. Поповцева, П.А. Соколовского. Т. 1. СПб.: Изд. Вольного экономического и Русского географического обществ, 1880.

оптимального налогообложения, другого недвижимого имущества, проведения хозяйственных и культурных мероприятий. С другой стороны, перед ними стояла общественно-научная задача, направленная на изучение экономики и других сфер общественной жизни региона.

Статистические исследования, организованные по примеру исследований Московского губернского земства, подразделялись на основные, представлявшие собой своеобразный срез состояния крестьянских хозяйств на определённый момент, а также текущие, отмечавшие динамику урожайности, уровня цен и пр.[191] Исследование велось экспедиционным методом, т.е. на месте, путём устного опроса по заранее разработанному формуляру. Помимо этого, статистики посещали волостные правления, где наводили предварительные справки об особенностях отдельных селений, их хозяйственном положении, изучали сельские и волостные книги. Исследованию Вяземского уезда Смоленской губернии под руководством В.И. Орлова Харламов посвятил лето 1884 года[192]. Условия, в которых работали статистики в этот период, были далеки от идеальных: исследование началось с опозданием, лишь 11 мая, и шло до 1 сентября, прерываясь в периоды активных полевых работ. Рабочий день статистиков в летний сезон длился с 6 утра до позднего вечера. О сложности производимых работ свидетельствуют строки доклада, прозвучавшего на земском собрании в январе 1885 года: «… с началом покосов собирать сходы сделалось крайне затруднительным, приходилось дожидаться схода по нескольку часов. Но даже и собравши сход, становилось всё труднее удержать его не то что в полном составе до конца опросов, но даже и в сколько-нибудь значительном большинстве»[193].

---

[191] *Будаев Д.И.* Земская статистика // Смоленское земство (очерки истории и практической деятельности). Смоленск: Смоленское обл. кн. изд-во «Смядынь», 1998. С. 80-82.

[192] Журналы XX очередного Смоленского губернского земского собрания. С 15 по 23 января 1885 года. Смоленск: Тип. Ельчанинова, 1885. С. 278, 280. В цитированном выше очерке Д.И. Будаева сообщается, что исследование Вяземского уезда проводилось в 1885 году (см.: *Будаев Д.И.* Указ. соч. С. 81), однако, более точной представляется иная дата – 1884 год.

[193] Об организации и работах статистического отделения. Доклад XX очередному Смоленскому губернскому земскому собранию // Журналы XX очередного Смоленского губернского земского собрания. С 15 по 23 января 1885 года. Смоленск: Тип. Ельчанинова, 1885. С. 279.

Несмотря на все трудности, статистики собрали поистине бесценный материал. После его анализа и обработки был опубликован том (в двух выпусках), посвящённый Вяземскому уезду, вошедший в многотомный «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии». Отдел о крестьянском хозяйстве, промыслах и кредите был составлен Харламовым на основе данных, полученных в ходе живого общения с сельскими жителями в течение лета 1884 года[194].

Анализ содержания сборника дан в работе современника Харламова русского экономиста, статистика В.Н. Григорьева. По его мнению, смоленские статистические сборники являются «не только ценным пособием для сознательных земских деятелей, но и интересным, вполне достоверным и сравнимым материалом для лиц, работающих над точным изучением родной страны»[195]. В.Н. Григорьев отмечает также «несомненный интерес к делу участников работ». Среди недочетов критик указывает на недостаточное разграничение у Харламова понятий коренного и полного передела. Ещё один современник Харламова, известный специалист в области экономического развития пореформенной России В.П. Воронцов ссылался на вяземское исследование народника в своей работе «Крестьянская община», а также назвал его в числе наиболее видных статистиков Смоленской губернии. В критико-биографическом словаре С.А. Венгерова отмечается, что список земцев, составленный В.П. Воронцовым, интересен «как перечень тех лиц, заслуги которых перед русскою статистикою такой авторитетный в этом деле человек, как В.П. Воронцов считает серьёзными»[196]. Д.И. Будаев обращает внимание, что информация, содержавшаяся в статистических сборниках, была столь разнообразна, что число граф, в которых она содержалась, «в некоторых томах доходило до 160»[197]. Говоря о значении

---

[194] Сборник статистических сведений по Смоленской губернии. Т. I. Вяземский уезд. Вып. II. Изд. Смоленского губ. земства. М: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886.
[195] *Григорьев В.* Земско-статистические исследования по Смоленской губернии // Русская мысль. 1886. № 9. С. 1 (2-я паг.).
[196] *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (Историко-литературный сборник). Т. VI. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897-1904. С. 247.
[197] *Будаев Д.И.* Указ. соч. С. 82.

земской статистики, он полагает, что «при большом размахе статистических исследований в России земские статистики не только заняли достойное место среди профессионалов ЦСК [Центральный статистический комитет, орган правительственной статистики – С.Х.] и других правительственных учреждений, но и создали оригинальные труды, которые по ряду параметров превзошли официальные статистические исследования России и передовых европейских стран»[198].

Таким образом, краткий срок службы Харламова в статистическом отделении Смоленского губернского земства пришёлся на период расцвета земской статистики, а выпущенный при его деятельном участии том «Сборника статистических сведений по Смоленской губернии» оставил заметный след в истории смоленской земской статистики.

По воспоминаниям А.Н. Харламовой-Златовратской, обстановка в их семье была проникнута народническим духом[199]. Живя в Московской губернии и на Смоленщине, Харламовы неоднократно приезжали на родину во Владимирскую губернию, останавливались в доме Златовратских. В июле-августе 1885 года жили в селе Гавриловском у отца Харламова. В это время литератор ездил в Москву с целью «приискать себе место»[200]. Очевидно, что к этому периоду Харламов прекратил свою деятельность в статистическом отделении Смоленского земства. Кроме того, 22 сентября 1885 года в Москве в возрасте 37 лет скоропостижно скончался В.И. Орлов. 20 декабря 1885 года во Владимире у них родилась дочь Елена. Донесения о негласном надзоре однозначно свидетельствуют, что, где бы ни проживали супруги Харламовы, они ни в чём предосудительном замечены не были.

В октябре 1885 года у Харламова проявились первые признаки страшного заболевания – туберкулёза. В письме В.А. Гольцеву он сообщал: «Простите, что пишу так нескладно. Писать трудно. Рука дрожит, и едва

---

[198] *Будаев Д.И.* Указ. соч. С. 80.
[199] *Соколова Е.И., урожд. Харламова.* М.Ю. Лермонтов в его отношениях к эпохе. Эскиз. М.: Тип. В.М. Саблина, 1916. С. 5 (вступит. статья).
[200] ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 6. Л. 96-96 об.

сижу от слабости»[201]. В июне 1886 года он вместе с семьей Н.Н. Златовратского выехал на лечение кумысом в Самарскую губернию. Жили в имении золотопромышленника К.М. Сибирякова, известного своей общественной и благотворительной деятельностью и сочувствием социалистическим идеям[202]. Из Самары Златовратский писал сестрам, что Харламов «всё так же, но мало поправился благодаря крайне неблагоприятной погоде»[203]. Во Владимир Златовратские и Харламов вернулись в сентябре. Лечение не дало ожидаемого эффекта. В тот период А.Н. Харламова заняла должность земского врача в больнице села Раменье Волоколамского уезда Московской губернии (ныне Шаховской район Московской области), открывшейся в 1875 году. В ноябре 1886 года помощник начальника Московского губернского жандармского управления по Клинскому и Волоколамскому уездам свидетельствовал, что здоровье Харламова «настолько плохо, что он не встаёт с постели и едва ли выздоровеет». Скончался Иван Николаевич Харламов 18 (30) марта 1887 года и был похоронен при Ново-Воскресенской церкви села Раменье[204]. Многие периодические издания откликнулись на смерть молодого литератора сочувственными некрологами, однако вскоре его имя было прочно забыто.

Анна Николаевна вернулась в родной Владимир, где с 7 июля 1887 года стала работать заведующей оспопрививательным отделением губернской земской больницы. Она отдала владимирской земской медицине почти три десятилетия, была главным врачом местной Георгиевской общины сестёр милосердия, оказывала безвозмездную помощь в лечебнице общества Красного Креста, участвовала в организации помощи раненым воинам, прибывавшим во Владимир с фронтов Первой мировой войны.

---

[201] НИОР РГБ. Карт. 8. Ед. хр. 40. Л. 1.

[202] Знакомство Н.Н. Златовратского с К.М. Сибиряковым может быть связано с упомянутым выше журналом «Слово». Подробнее о К.М. Сибирякове см.: *Гаврилова Н.И.* Константин Михайлович Сибиряков: материалы к биографии (к вопросу об адаптационных стратегиях купеческого рода конца XIX – начала XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 244-252.

[203] *Златовратский Н.Н.* Воспоминания. С. 363.

[204] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 41. Д. 139. Л. 58; ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 31. Л. 84.

Владимирскому уездному земству она завещала две библиотеки[205]. По стопам матери пошла дочь писателя Елена Ивановна, выбрав профессию врача. Е.И. Харламова, будучи студенткой последнего курса Московских женских врачебных курсов, принимала участие в лечении раненых, скончалась от тифа 4 сентября 1914 года[206]. Анна Николаевна ненамного пережила дочь – она скончалась в сентябре 1916 года. Так прервалась династическая линия семьи Харламовых-Златовратских.

1.2 Творческий портрет И.Н. Харламова. Основы мировоззрения

Очертив жизненный путь интеллигента-народника Харламова, хотелось бы воссоздать его творческий портрет, рассмотрев вехи творческой биографии, основы мировоззрения, методологию литературно-публицистической деятельности и представив на их основе главные черты Харламова-публициста, беллетриста и критика.

Творческий путь Харламова, начавшись в середине 1870-х, занял чуть более десятилетия. Это время в стране характеризуется активным ростом количества издаваемой периодики: если в 1872 году в России выходило 378 изданий, то в 1888 году – уже 637[207]. По нашим подсчётам за время активной творческой деятельности Харламову удалось опубликовать более 90 работ в 17 различных изданиях (см. Список источников и литературы, приложение «Статистика работ Харламова»). Творческую биографию Харламова условно её можно разделить на три этапа – в соответствии с ключевыми событиями жизни.

Первый период (1875–1879 годы) – годы обучения в университете. В это время, как уже говорилось выше, появляются первые беллетристические,

---

[205] *-в. [Смирнов А.В.].* А.Н. Златовратская-Харламова (К её юбилею) // Старый владимирец. 1912. № 233. С. 3; *Смирнов А.В.* А.Н. Харламова-Златовратская (К некрологу её) // Старый владимирец. 1916. № 198 (10.09); Владимирские губернские ведомости. 1893. № 7; Две библиотеки // Владимирская жизнь. 1917. № 7 (20.09). С. 2; Благодарность // Владимирская жизнь. 1917. № 15 (30.09). С. 3.

[206] Подробнее о ней см.: *Соколова Е.И., урожд. Харламова.* М.Ю. Лермонтов в его отношениях к эпохе. Эскиз. М.: Тип. В.М. Саблина, 1916. С. 5 (вступит. статья); [Объявление о кончине] // Старый владимирец. 1914. № 196 (06.09). С. 1.

[207] *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. С. 213, 216.

публицистические работы, а также критические очерки. Количество публикаций относительно невелико: в 1875 и 1876 годах – по одной работе, 1877 – 4, 1878 – 5, 1879 – 4. Из 15 публикаций публицистических три. В 1875 году в петербургском журнале «Пчела» напечатан первый очерк студента Харламова «Дьячки». Дата его публикации – 19 октября 1875 года – позволяет предположить, что «пробы пера» Харламовым следует искать в семинарском периоде. Следующие произведения выходят в московских журналах и газетах, таких как «Русские ведомости» «Московское обозрение» (затем – в сменившем его «Мирском толке»).

В беллетристике этого периода Харламов затрагивает темы, которые впоследствии красной нитью пройдут через всё его творчество: тяготы крестьянской жизни, коренные изменения, происходившие в пореформенной деревне. Публицистические произведения, опубликованные в студенческий период, представляют собой статьи и рецензии, объёмом до 10 страниц, объединённые общинной темой – рецензия на книгу П.А. Соколовского «Очерк истории сельской общины на Севере России», статья «Факты общинного владения» (обе опубликованы в «Московском обозрении»), а также статья «Помочь», напечатанная в «Русском богатстве» в доартельный период. В них автор стремится сочетать публицистический стиль с чертами научного: даёт историографию вопроса, высказывает и отстаивает собственное мнение. Тематика работ отражает интересы студента-юриста на тот момент – история и эволюция сельской общины, формы общинной жизни. Количество работ и набор изданий в течение первого периода мало менялись, при этом расширение круга общения свидетельствует о том, что в этот период литературная деятельность постепенно входит в жизнь Харламова, поэтому данный период творчество может рассматриваться в качестве подготовительного.

Второй период (1880–1882 годы) – время сотрудничества в «Русском богатстве», «Древней и новой России», работа в редакции газеты «Страна». В этот период отмечается резкий рост количества публикаций, что связано с

работой Харламова в редакции «Страны»: 1880 год – 18 публикаций, пик активности приходится на следующий 1881 год – 27 публикаций, спад 1882 года (10 публикаций) связан с арестом и содержанием в доме предварительного заключения (с декабря 1881 года по июнь 1882 года). Помимо роста количества работ в 1880 году увеличивается и количество изданий – с трёх до шести: к «Русским ведомостям» и «Мирскому толку» добавляются (кроме двух журналов, названных выше) газета «Русский курьер» и журнал «Свет и тени»[208].

Интерес к вопросам обычного права реализован в рецензиях на работы Н.В. Калачова и П.Е. Березанского. Наиболее важной публикацией Харламова по обычному праву следует считать очерк «Женщина в русской семье», опубликованный в артельном «Русском богатстве». Её характер, а также период появления позволяет предположить, что она могла готовиться Харламовым в качестве выпускной магистерской работы.

Основная часть работ в данный период опубликована в «Стране», что вполне объяснимо. По справедливому замечанию А.В. Смирнова, указать все статьи, помещённые Харламовым в газете, довольно трудно, так как он часто публиковал их без всякой подписи. Тем не менее, мы можем говорить более чем о 40 публикациях, вышедших в период с 20 марта 1880 года по 30 декабря 1882 года (напомним, что издание газеты прекратилось в начале 1883 года). Газетная работа давала возможность молодому публицисту высказать мнение по самому широкому кругу вопросов, при этом формат газеты вынуждал Харламова разбивать объёмный материал на части – так появляются циклы статей, посвящённые кустарным промыслам, церковному расколу. Как правило, они выходили в «Стране» на протяжении достаточно короткого промежутка времени, что позволяет рассматривать их в качестве составных частей более масштабных работ. Помимо циклов статей выходили отдельные публикации по социальным вопросам (положение современного

[208] Следует отметить, что и у изданий «Свет и тени», «Московское обозрение», «Мирской толк» один издатель – Н.Л. Пушкарев.

духовенства, студенчества, женского образования, земский вопрос и др.), рецензии на издания различной тематики. Отметим проявившийся у Харламова в этот период интерес к теме церковного раскола. Наиболее ярко он представлен в очерке-рецензии «Идеализаторы раскола».

Соотношение беллетристики и публицистики меняется: в 1880 году из 18 работ беллетристических было лишь 5, в следующем году, на фоне продолжившегося роста количества публикаций, выходила только публицистика, 1882 году – лишь один художественный очерк и 9 публицистических работ. Приведённые цифры свидетельствуют, по нашему мнению, об изменении характера творчества: беллетрист уступает место газетному публицисту, от которого требуется оперативность, сжатость и ёмкость изложения.

Из беллетристики, на наш взгляд, интерес представляет очерк «На перепутье», рисующий ситуацию жизненного выбора молодого интеллигента, выпускника столичного вуза, которую вполне можно спроецировать на самого автора[209]. В этот же период выходит одна из наиболее крупных его художественных работ – очерк «Стенное писание».

Третий период (1883–1886 годы), после закрытия «Страны» – жизнь в Московской и Смоленской губерниях, работа в земстве. Общее количество публикаций постепенно снижается: с 11 в 1883 году до трёх в 1885-м и единственной в 1886-м. В это время доля беллетристических произведений вновь начинает превышать публицистику. Однако, несмотря на то, что количественные показатели публикаций позволяют предположить снижение творческой активности Харламова, следует учитывать и качественную сторону: в этот период он сосредоточился на изучении церковного раскола и сектантства. В журнале «Русская мысль» в 1884–1885 годах были опубликованы очерки «Духоборцы», «Странники», «Штундисты»[210]. Объём

[209] Подробнее об этом очерке см. параграф 3.1.

[210] Возможно, выбор «Русской мысли» был обусловлен закрытием журнала «Дело» в мае 1884 года. К слову сказать, с 1884 года «внутреннее обозрение» в «Русской мысли вёл бывший редактор «Страны» Л.А. Полонский.

каждого очерка составлял несколько десятков страниц, произведения отличались глубиной проработки предмета, сопровождались библиографическими ссылками. Учитывая объём привлекаемого материала, следует предположить, что он был собран Харламовым ещё в петербургский период. По словам Н.Н. Златовратского, названные очерки «окончательно упрочили за ним внимание публики и литературную репутацию». Все свои статьи, содержащие обширный материал по характеристике семейного и общинного быта раскольников, Харламов мечтал собрать по расколу в одну книгу, которая должна была «представить историю раскола в наиболее ярких её чертах»[211]. Среди беллетристики, наибольшего внимания заслуживает автобиографический очерк «Без начала и без конца», о котором уже шла речь в предыдущем параграфе. В определённой степени он может рассматриваться как подведение жизненного итога.

Помимо упомянутых изданий продолжается сотрудничество Харламова в «Русских ведомостях» и «Русском курьере», «Мирском толке». Единичные публикации появляются в «Неделе», «Русском сатирическом листке» и др.

Выпуск сборника статистических сведений по Вяземскому уезду, подготовленного Харламовым в этот период – свидетельство того, что он вполне ориентировался в вопросе, мог грамотно и вполне профессионально работать со статистическим материалом.

В целом можно констатировать, что Харламов стремился к сохранению сотрудничества с изданиями, например, в газете «Русские ведомости» он печатался с перерывами с 1877 по 1885 годы – это сотрудничество можно считать наиболее продолжительным, за этот период им опубликовано 11 беллетристических произведений. По количеству публикаций следует также отметить «Мирской толк», «Дело», «Русский курьер».

Понимание творчества Харламова невозможно без анализа его *мировоззрения*, являющегося основой не только творчества, но и отношения

---

[211] *Н.З.* [Златовратский Н.Н.]. Иван Николаевич Харламов (Некролог) // Русские ведомости. 1887. № 77.

к жизни в целом. Как отмечает С.Н. Коробкова, вопрос о мировоззренческой позиции представителей пореформенной интеллигенции – принципиальный, поскольку «способ мысли и способ жизни находились в диалектической связи»[212]. Подобный анализ, на наш взгляд, позволит дополнить портрет интеллигента-народника, глубже раскрыть систему его взглядов. Однако, учитывая цензурный контекст опубликованных работ Харламова, выдвигаемые положения следует принимать с известной долей условности.

Выявленные в предыдущем параграфе черты личности, присущие Харламову, воспринятые им ценности духовного сословия, послужили предпосылками к формированию определённого окружения, образа жизни и взглядов народника, прежде всего – следование идее служения близким, выбранному делу, являвшемуся, в терминологии Л. Манчестер, продолжением идей социально-пастырского движения[213].

М.Г. Гребенщиков, которого мы уже цитировали выше, отмечал принципиальность и направленность Харламова, прежде всего, на деятельность: «Несколько суровый и холодный на первый взгляд, он сразу преображался, когда речь заходила о его любимых темах. Беспощадный в нападках, Иван Николаевич становился в то же время искренним другом тех, в ком замечал стремление к правде и любовь к народу. Это был действительный литературный работник, работник ради принципа, а не литератор-ремесленник, видящий лишь один гонорар»[214]. Отчасти эта характеристика перекликается с образами борцов с мещанскими пороками из автобиографического очерка Харламова и фигурами лидеров церковного раскола, которых Харламов в своих работах определяет как проповедников-обличителей.

Принимая во внимание сказанное, закономерно, что среди различных сфер деятельности Харламов выбирает литературно-публицистическое

---

[212] *Коробкова С.Н.* Концепция реализма в истории русской мысли // Вече. Журнал русской философии и культуры. СПб., 2012. № 24. С. 106.
[213] *Манчестер Л.* Указ. соч. С. 301, 378.
[214] *М.Г. [Гребенщиков М.Г.].* Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Дело. 1887. № 3. С. 138.

поприще, позволяющее затрагивать злободневные темы, доносить свои взгляды, идеи и ценности до широкой аудитории, влиять на общественное мнение. Можно сказать, что литературно-публицистическая деятельность являлась средством политического воспитания. В эту же концепцию вписывается и земская служба, ориентированная, прежде всего, на непосредственное взаимодействие с крестьянством и направленная на улучшение условий его жизни.

Для мировоззрения Харламова характерны черты философских идей, распространённые в среде демократической интеллигенции пореформенного периода, и определяемые понятием позитивизма. Свойственный для позитивизма приоритет научного знания подтверждают отсылки в работах Харламова к трудам Дж. Льюиса, Дж. Леббока, Дж. Ст. Милля, Ч. Дарвина, Г. Спенсера. На страницах произведений народника можно также встретить аналогии между природными и социальными процессами, применение контовской идеи периодизации истории, а также популярной в то время теории прогресса, если быть точнее – прогресса разума. Сам Харламов связывал их с понятием рационализма. Под ним он подразумевал особую склонность ума рассуждать на «достаточном основании», объяснять явления естественными причинами, а не сверхъестественным вмешательством[215].

Черты эволюционизма, сочетаются с умеренными общественно-политическими взглядами, которые нашли отражение в литературно-публицистическом творчестве, в практической деятельности секретаря редакции либерально-народнической газеты и земского статистика. Харламов, как и персонаж его художественного очерка «На перепутье» Рожнов, имея «сильно окрашенное народными взглядами и идеалами» мировоззрение, не примкнул к какому-либо общественному кружку, не участвовал в дебатах, был чужд радикализма, что, однако, не избавило его от ареста и нахождения под следствием.

---

[215] *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 139.

С другой стороны, опираясь на теорию К. Маркса, народник выделял первостепенную роль экономических отношений в общественно-историческом развитии, полагал, что каждой форме экономических отношений соответствуют «свои особые формы политических учреждений и юридических институтов»[216]. Размышляя о церковном расколе XVII века, исследователь в терминах марксизма отмечал персонифицированный характер мышления старообрядцев, когда «протест труда против капитала сводился к протесту против представителей капитала, а не против самой формы кооперации»[217]. Признание единых законов общественно-исторического развития, исследование процесса становления властных институтов, разделения на классы управляющих и управляемых, формирования правовых норм в историческом развитии может свидетельствовать о применении Харламовым методов историзма и прогрессизма, также свойственных марксистскому подходу. Значимую роль в работах исследователя играет проблема индивидуализма. Индивидуализм также можно рассматривать как один из основополагающих принципов западной цивилизации Нового времени, уходящий своими корнями в эпоху Просвещения и нашедший отражение в работах К. Маркса, М. Вебера, Ж. Мишле, Я. Буркхардта и др.

Как и большинство представителей пореформенной интеллигенции, в качестве фундаментальной общественной ценности исследователь рассматривал демократические свободы, исходя при этом из народнических представлений о гармоничном социальном устройстве.

Моделью подобного устройства, по мнению Харламова, выступала сельская община. Рисуя картину столкновения капиталистической и общинной моделей, народник стремился развить идею многоукладности российской экономики, высказывался в поддержку традиционных производств, прежде всего, кустарных промыслов, общественного

---

[216] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. №3. С. 61.
[217] *Харламов И.Н.* Странники // Русская мысль. 1884. № 4. С. 209.

крестьянского хозяйства, что могло бы послужить альтернативой набиравшим обороты капиталистическим отношениям. В то же время, рассматривая вопросы общинного хозяйства, исследователь на первый план выдвигает нематериальный фактор – общинную солидарность. В данном случае этический фактор выступал в качестве индикатора перспектив капиталистического развития страны: исследователь полагал, что технологический и экономический прогресс, символизирующий успех капитализма, не сопровождался прогрессом в социальных отношениях. В области правовых отношений идею эгалитаризма олицетворял обычай в противовес праву, как навязанной в интересах привилегированного меньшинства системе ограничений. Тем самым, исходя из приведённых предпосылок, нельзя однозначно классифицировать мировоззрение народника, например, в системе «материализм – идеализм».

Закономерно также, что Харламов разделял интерес к изучению роли народных масс в истории, популярной в XIX веке идее противостояния двух начал – «централизма и народоправства», во многом следуя идеям историков демократического направления, таких как Н.И. Костомаров и А.П. Щапов. Всё это свидетельствует о видении Харламовым социально-экономических отношений и исторического процесса сквозь призму борьбы индивидуального и коллективного начал в различных сферах жизни.

Ещё один термин, пожалуй, наиболее точно характеризующий мировоззрение и творчество Харламова – *реализм*, который можно рассматривать и как мировоззрение, философскую систему, и как общественно-литературное направление, и как попытку самоидентификации. Об этом свидетельствует хотя бы уже тот факт, что один из очерков народника подписан псевдонимом «Реалист».

С.Н. Коробкова определяет *реализм* как «воззрение, которое утверждает возможность познания действительности и объективность

полученного знания»[218], соответственно, такая позиция сближает реализм и материализм. При этом, однако, исследователь подчёркивает, что реализм «*не противопоставляется* материализму, но противополагается идеализму»[219]. В качестве основных причин возникновения реализма в русской философии учёный называет «прогрессивные идеи Запада» (философский позитивизм, европейское естествознание) и либерализацию социально-политического строя в России, связанную с Великими реформами.

Данное направление следовало за романтизмом и было предшественником символизма. Это развитие прослеживал и Харламов. Он описывал переход от классического искусства, форма которого была заимствована у греков, к романтизму. В классический период искусство, утверждал народник, было самоцелью. Романтизм, пришедший ему на смену, оказался «только предчувствием правды, но не самой правдой». Это было обусловлено тем, что классицизм и романтизм по форме и содержанию отличались условностью. В противовес романтизму сменивший его натурализм перешёл от условности к «полному подражанию природе, копировке её так, чтобы копия производила иллюзию действительности»[220]. Будущее, полагал Харламов, принадлежит реализму, суть которого заключается в «полном и точном» изображении действительности, тщательном анализе её явлений.

Неоднородность сторонников реализма, к которому относили себя и учёные (в том числе философы и историки), и общественные деятели, и литераторы, определила различие в методах постижения бытия, разнообразие направлений развития реалистического мировоззрения в России. С.Н. Коробкова выделяет такие направления, как социально-политическое, естественнонаучное, художественно-эстетическое, философское[221]. В рамках этой классификации литературно-публицистическую деятельность

---

[218] *Коробкова С.Н.* Реализм в системе «материализм – идеализм»: историко-философский аспект // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113 (09). С. 5.
[219] *Коробкова С.Н.* Реализм в системе «материализм – идеализм». С. 11 (курсив автора – С.Х.).
[220] *Реалист [Харламов И.Н.].* Наши журналы // Мирской толк. 1883. № 36. С. 389-390.
[221] *Коробкова С.Н.* Концепция реализма в истории русской мысли. С. 110, 121-122.

Харламова можно отнести к социально-политическому и художественно-эстетическому направлениям. К этому стоит добавить и сугубо тактический мотив, который может присутствовать в употреблении термина «реализм»: «для условий подцензурной печати в России, – отмечает Б.М. Шахматов, – когда термин “материализм” носил характер официального обвинения, принятие термина “реализм” имело и большую тактическую традицию»[222].

Каковы же черты творческого портрета Харламова?

Важнейшей чертой творчества Харламова, определяемой им самим, явилось стремление к *объективному изображению действительности*. «Мы не говорим, – пояснял он, – что у художника не должно быть собственной идеи, тенденции. Он, как и каждый человек, не может не иметь своих взглядов. Но тенденция никогда не должна владеть художником сильнее, чем непосредственное впечатление от живого факта. В правдивом воспроизведении живых впечатлений, именно их, а не своих идей заключается всё значение художника»[223]. Например, применительно к проблемам пореформенного крестьянства народник выступал как против идеализации отдельных его сторон, так и против нагнетания чувства безысходности и катастрофы. Однако, понимание объективности не означает холодного и отрешённого взгляда исследователя – напротив, как отмечал У. Фохт, «стремление вскрыть сущность социальных типов, общественные отношения, их порождающие, требовало отчётливой социальной и политической направленности». Поэтому вся революционно-демократическая литература «сплошь тенденциозна». Эта направленность выражалась различными художественными средствами, прежде всего – через «резко выраженное эмоциональное освещение изображаемого»[224].

Тенденциозность как в научно-публицистических работах, так и в беллетристике Харламова отмечали советские исследователи В.Д. Бонч-Бруевич, Б.П. Козьмин, В.С. Румянцева. Названная черта, как типическая

---

[222] *Шахматов Б.М.* П.Н. Ткачев: этюды к творческому портрету. М.: Мысль, 1981. С. 261 (сноска 108).
[223] *Харламов И.Н.* Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 5.
[224] *Фохт У.* Пути русского реализма. С. 81.

характеристика реалистической литературы, на наш взгляд, проявляется у Харламова в целенаправленном и основанном на живых фактах формировании у читателя определённого отношения к происходящему. В отличие от этого неопытный писатель, по мнению народника, например, при описании отрицательных сторон современной жизни «не концентрирует пошлость действительности, а преувеличивает её без всякого разумного основания, без всякого права»[225].

Харламов-критик также не свободен от тенденциозности. Например, рассматривая произведения писателей-современников, Н.Н. Златовратского и Г.И. Успенского, у обоих упомянутых писателей признавал несомненный талант, при этом если в адрес Н.Н. Златовратского не допускал критики, то Г.И. Успенского всё-таки критиковал. Безусловным авторитетом в глазах критика был также М.Е. Салтыков-Щедрин. Невысокой оценки удостоились авторы так называемых «охранительных» романов (произведений консервативной направленности) Б.М. Маркевич и В.Г. Авсеенко, что вполне объяснимо.

В своих произведениях народник сочетал описательный метод с анализом и обобщением. В письме Ф.Д. Нефёдову Харламов раскрывает замысел цикла художественных очерков под общим заголовком «Сельские картинки»: «Правдиво описать несколько выдающихся явлений сельской жизни, выясняя по возможности причины этих явлений, вот моё желание. Из ряда таких картинок, может быть, получится довольно полная картина обыденной сельской жизни»[226]. Сходный замысел преследовал народник в написании рецензий на «Сборник материалов по общинному землевладению»[227] – он заключался в стремлении собрать и обобщить «характеристические черты общины, выпятив некоторые черты, как разные

---

[225] *Харламов И.Н.* Литературный отдел // Страна. 1881. № 89 (30.07). С. 7. – Рец. на журн. Вестник Европы. 1881. № 7.
[226] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 129. Л. 1
[227] Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Издание Вольного экономического и Русского географического обществ. Т. 1. СПб., 1880.

формы общинной взаимопомощи»[228]. Подобный метод народник именовал *«сознательным наблюдением»* и решительно противопоставлял его преимущественно синтетическому, обусловленному фантазией, а, следовательно, «бессознательному» методу писателей прошлых эпох. Слабость современных художников, по словам Харламова, заключалась в поверхностном понимании реализма – фиксировании случайностей[229], когда литераторы и публицисты «лишь констатируют их, а не объясняют, и от того случайность выглядит в них уродливой, непонятной, ненужной». При этом народник полагал, что случайность – «факт, причин которого мы не знаем, соотношения которого с другими фактами мы не можем уследить»[230]. Таким образом, «Разве цель искусства, – восклицает народник, – занять праздную мысль читателя?» Естественно, при этом автор должен стремиться к тому, чтобы в читателе проснулось «благодетельное чувство недовольства собой».

«Сознательное наблюдение», по сути, представляет собой *всесторонний анализ*, обязательно включающий изучение предпосылок и причин явления, а также его развития. Так, призывая в процессе рассмотрения изучаемых вопросов к всестороннему анализу предмета, Харламов напоминал сторонникам экономической проблематики, что «исследования «одного экономического быта народа ещё не сблизят нас с ним (народом – С.Х.), не познакомят с его стремлениями и желаниями, не помогут нам уяснить надлежащим образом смысла некоторых явлений даже в экономической жизни народа»[231]. Именно внимательному, строгому анализу, выводящему факты «из области случая», утверждал народник, принадлежит будущее. Всё это позволяло познакомить публику с «широким фоном народной жизни», сформулировать «глубокие социальные обобщения и выводы». В связи с этим он призывал к расширению объектов исследования: таковыми, по его мнению, должны были стать предлагал

---

[228] РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 200. Л. 9.
[229] Возможно, в данном случае имеет место намёк на увлечение литераторов бытописанием, идущее от 1860-х годов.
[230] *Реалист [Харламов И.Н.].* Наши журналы // Мирской толк. 1883. № 36. С. 390.
[231] *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. № 12. С. 1.

обычное право, религиозные верования, народный юмор, иными словами – феномены нематериальной культуры. Именно они, полагал Харламов, представляли собой «народную суть». В этом видится проявление системности его мышления.

На исследовательский характер произведений писателей-народников, их интерес к «всестороннему исследованию и освещению социальных явлений жизни, стремление проникнуть в идеологию и психологию крестьянства, его быт и культуру» указывают М.С. Горячкина и Е.Г. Чеботарева[232]. В то же время принципиально важным представляется следующее замечание В.Г. Короленко: «Народничество внесло в наше поколение то, чего недоставало «мыслящим реалистам» предыдущего: оно вносило веру не в одни формулы, не в одни отвлечённости. Оно давало стремлениям некоторую широкую жизненную основу»[233].

У. Фохт считает, что реализм, как художественный метод, в качестве предпосылки выдвигает «такое отношение художника к действительности, когда писатель свою главную задачу видит в наблюдении, изучении, типизации и изображении объективной действительности в её существенном и характерном»[234]. В русле вышесказанного звучит призыв Харламова перейти от исследования типа к исследованию *среды*, поскольку «мудрено создать какой-нибудь новый тип, равный по силе и глубине синтеза типам Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Гёте и Данта»[235]. Признавая важность живого факта, Харламов, тем не менее, подчёркивает, что этим не должно ограничиваться реалистическое искусство: «Мало одной передачи факта, – настаивал народник, – покажите нам в живых образах и картинах эту жизненную обстановку, которая сделала его возможным»[236].

---

[232] *Горячкина М.С.* Своеобразие реализма народнической прозы // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 404; *Чеботарева Е.Г.* Проза писателей-народников как художественное явление 1870-х гг. // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных исследований. 2008. № 4. С. 154.
[233] *Короленко В.Г.* История моего современника. Кн. 1-2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. С. 388.
[234] *Фохт У.* Пути русского реализма. М.: Советский писатель, 1963. С. 14-15.
[235] *Реалист [Харламов И.Н.].* Наши журналы // Мирской толк. 1883. № 36. С. 390.
[236] Там же.

Исследование социальной среды, требующее от писателя «тонкого анализа, сознательного, научного», приводило к мысли о *союзе искусства и науки*. В качестве удачного примера использования в литературе научного анализа и синтеза Харламов упоминает знаменитого французского писателя Г. Флобера. Закономерно, что в творчестве народника мы сталкиваемся с произведениями, написанными на стыке жанров публицистики, беллетристики и научного исследования. В художественном очерке «Несчастная» автор сообщает факты о процессе распространения мануфактурной промышленности в пореформенной деревне в одной из центральных губерний[237]. Здесь народник также не оригинален: «интерес к “дробям, нулям и нуликам” (…) был у всех писателей-народников, и был максимально проявлен в годы 1878–1883–84» – полагал В.В. Буш[238]. К примеру, в журнальном варианте повести «Устои» Н.Н. Златовратский признаётся, что источником его художественного вдохновения явились исследования народного быта, в том числе «небольшая, но интересная статья» Харламова «Факты общинного владения»[239]. Отмечая данную особенность, Г.В. Плеханов называл народников-беллетристов «художниками-социологами»[240]. Выступая в роли критика, он указывал, что, в отдельных случаях вместо жанра беллетристики уместнее представлять явление в форме корреспонденции, что свидетельствует о прозрачности границ между жанрами, его собственном умении гибко обходиться с материалом.

Беллетристика, полагал Харламов, до последнего времени оставалась «прибежищем талантов» поскольку над ней не довлели цензурные ограничения, которые испытывали публицистика или наука. Всё это привело к расцвету литературы, в частности, жанра романа в 1840–1860-х годов.

---

[237] *Харламов И.Н.* Несчастная // Московское обозрение. 1877. № 47-48. С. 90.
[238] *Буш В.В.* Очерки литературного народничества 70 – 80-х гг. М.; Л., 1931. С. 156.
[239] *Златовратский Н.* Устои // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 158. Этот пример позаимствован из книги В.В. Буша, где, однако, статья Харламова ошибочно названа «Очерки общинного быта» – см.: *Буш В.В.* Указ. соч. . С. 155.
[240] *Плеханов Г.В.* Гл. И. Успенский // *Плеханов Г.В.* История в слове. М.: Современник, 1988. С. 225.

Однако, с приходом «непривилегированного беллетриста» (т.е. разночинца) произошло «срастание литературы с жизнью», поэтому проблемы цензуры затронули и литературное творчество[241]. По замечанию Г.Н. Мокшина, легальные народники «прекрасно понимали значение периодической печати для развития русского общества»[242]. Многие писатели пореформенной эпохи, в том числе народнического направления, создавали свои произведения в форме очерков, заметок, дневников. Харламов здесь не был исключением. Преобладание *малых жанров* (очерк, эскиз, заметки и т.п.) над крупными (романом), частного исследования над широким обобщением, по мнению народника, – «крайне печальный результат того, что беллетристика перестала быть предметом роскоши, а крепко вошла в ряд органических продуктов русской жизни, вследствие чего естественно должна была пойти под "общее правило"». Вполне вероятно, что исследователь имел ввиду цензурные ограничения, с которыми сталкивались писатели. В малых формах, полагал он, этот недостаток перспективы «менее заметен для читателя и менее тягостен для самого автора»[243]. Нельзя не согласиться с исследователем, что писателям тех лет приходилось адаптироваться к весьма жёстким цензурным требованиям, но, однако, следует добавить, что очерковый жанр имел и очевидные сильные стороны. Ю.А. Бельчиков обращает внимание на оперативность очеркового жанра, стремление создателей очерков завладеть вниманием широких читательских масс, для чего они прибегали в частности к интимизации текста (использование бесед, писем, размышлений, создание атмосферы разговорности, сочетание литературных и разговорных элементов и т.д.)[244]. Способствовал этому и жанр газетного очерка, позволявшего живо отреагировать на происходящие общественные процессы. М.С. Горячкина выделяет особый тип народнического очерка, для которого характерно

---

[241] Харламов И.Н. Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 2-3.
[242] *Мокшин Г.Н.* Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. Саратов, 2010. С. 114.
[243] *Харламов И.Н.* Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 2,4.
[244] *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык во второй половине XIX века. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. С. 87 и след.

«сочетание факта и художественного вымысла, обилие жанровых сцен, публицистичность и глубокие социальные выводы»[245]. Важно и то, что отсутствие политических свобод повышало социальную значимость подцензурной прессы, литература становилась «главным орудием формирования самосознания и консолидации оппозиционной интеллигенции»[246].

Закономерно, что главным *объектом* внимания Харламова и на литературно-публицистическом, и на земском поприще являлся народ. «Представление о "народе" со времени освобождения занимало огромное место в настроении всего русского общества, – признавал В.Г. Короленко. – Он, как туча, лежал на нашем горизонте, в него вглядывались, старались уловить формы, роившиеся в этой туманной громаде, разглядеть или угадать их. При этом разные направления видели разное, но все вглядывались с интересом и тревогой и все апеллировали к народной мудрости»[247].

Изучению повседневных проблем крестьянства посвящены работы по обычному праву и социально-экономическим вопросам. История церковного раскола, сектоведческие статьи и очерки также находятся в рамках очерченной области, поскольку исследуют социально-религиозные группы, принадлежащие народной среде. Выходцами из народа, носителями его мировоззрения и опиравшимися на его поддержку изображены лидеры церковного раскола XVII века[248]. Представители крестьянства, выходцы из него, а также близкие им социальные группы (например, сельское духовенство, разночинцы, купцы и пр.) являются главными персонажами художественных очерков Харламова. Художественные типы, рисуемые им, представляют, по мнению критика, обобщение духовных свойств индивида.

Следует отметить осознанный отбор Харламовым и объектов критики: каждая из рассмотренных нами критических работ имеет то или иное

---

[245] *Горячкина М.С.* Своеобразие реализма народнической прозы. С. 399-400.
[246] *Мокшин Г.Н.* Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. … д.и.н. Саратов, 2010. С. 114.
[247] *Короленко В.Г.* История моего современника. Кн. 1-2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. С. 387.
[248] См., прежде всего, очерк И.Н. Харламова «Протопоп Иван Неронов».

отношение к «народному вопросу», общественной проблематике. Даже в тех случаях, когда анализируется, скажем, книга по антропологии или естествознанию, критик не упускает возможности упомянуть о запросе общества на популярную литературу, вспомнить имена Д.И. Писарева и М.Е. Салтыкова-Щедрина[249]. Сложно сказать, был ли он свободен в своём выборе или выполнял определённый заказ редакции, однако, отсутствие посторонних, случайных публикаций наводит на мысль о том, что Харламов имел возможность достаточно отчётливо очертить круг собственных интересов.

Отметим также, что сфера журнальной и газетной критики обеспечила автору дополнительную возможность, пусть и мимоходом, высказывать собственное мнение по широкому кругу вопросов – общественно-политическим, социально-экономическим, правовым, религиозным и т.д. Всё это характеризует широту его кругозора и системность мышления.

Рассматривая особенности творчества Харламова, нельзя не отметить некоторые *слабые стороны* его методологии, проявившиеся в вопросе изучения религиозного сектантства. Речь идёт об отсутствии практического опыта изучения сект, непосредственного общения с сектантами (по крайней мере, народник нигде не упоминает о нём). Отечественный исследователь данной проблематики В.Д. Бонч-Бруевич указывает, что Харламов «не шёл в натуру», что могло бы, по мнению учёного, придать его работам бо´льшую новизну и достоверность. Основываясь на анализе очерка Харламова «Духоборцы», В.Д. Бонч-Бруевич пришёл к выводу, что очерки народника представляют, по сути, «историческую сводку старого материала», при всей «широте охвата материала и научной добросовестности», они «в сущности нового ничего не вносят»[250]. Советский исследователь народных антицерковных движений XVII века В.С. Румянцева, анализируя работу

---

[249] *И.Х.* [Харламов И.Н.]. Введение в антропологию // Страна. 1882. № 116 (05.10). С. 7. – Рец. на кн.: *Тейлор. Э.Б.* Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации. СПб., 1882.
[250] НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 41, 55.

«Идеализаторы раскола», упрекает Харламова в излишней полемичности и «применении рационалистических оценок к событиям другой эпохи»[251].

Принимая во внимание отмеченные выше недостатки, хотелось бы дать некоторые пояснения. Во-первых, отсутствие «практической составляющей» в работах Харламова касается, прежде всего, тематики церковного раскола и религиозного сектантства, в то время как проблемы крестьянства, интеллигенции народник мог изучать, основываясь, в том числе, и на личных наблюдениях, на которые он ссылается в своих работах. Во-вторых, возвращаясь к теме синтеза науки и искусства, хотелось бы отметить, что, несмотря на очевидное признание ценности знаний, уважение к произведениям литературы, принципиально важно подчеркнуть, что работы Харламова, по нашему мнению, нельзя рассматривать исключительно сквозь призму науки или искусства – очевидно, что и первое, и второе в чистом виде были чужды его творчеству.

Прибегая к «сознательному наблюдению» и преследуя преимущественно социальные цели, народник ориентировал свои очерки на широкую читательскую аудиторию. Так, говоря о популяризации естественнонаучной литературы, Харламов призывал к тому, что популяризатор для максимально широкого общественного охвата должен быть вульгаризатором. Затрагиваемые народником проблемы (например, кустарных промыслов, религиозных меньшинств, положения женщины в семье и обществе и др.) рассматривались им как один из аспектов борьбы за расширение гражданских прав, улучшение экономического положения социально незащищённых слоёв населения. Сказанное позволяет отнести научно-публицистические очерки Харламова (прежде всего, по истории церковного раскола и сектантства) к так называемому *социально ориентированному историописанию*, которое, по мнению С.И. Маловичко, в отличие от научной истории, нацеленной на получение нового знания, ориентировано на конструирование «национального, локального,

[251] *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. С. 16.

конфессионального, религиозного и т.д. прошлого и выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроля над социальной памятью».[252] Г.В. Плеханов отмечал эту особенность типичного образованного разночинца: «Общественные интересы преобладают у него над всеми прочими. Чисто литературные вопросы занимают его сравнительно очень мало»[253]. Тем самым, говоря о соотношении художественной ценности, научной новизны и социальной значимости работ Харламова, можно с уверенностью утверждать, что народник делал упор на общественную составляющую. Здесь, в очередной раз, мы сталкиваемся с идеей общественного служения, поставленной интеллигентом-разночинцем во главу угла.

Соответственно, и беллетристика виделась народнику способом донесения автором своих социальных воззрений до читателя, своеобразным исследовательским полем, а далеко не средством приятного времяпрепровождения. В его работах мы можем обнаружить черты «реальной критики» разработанной Н.А. Добролюбовым, целью которой было «выявить общественную пользу художественных произведений, направить всю литературу на всестороннее обличение социальных порядков»[254]. В этом, с одной стороны, проявляется цельность натуры Харламова, с другой – односторонность выбранного подхода.

Вероятно, Харламова не обошёл стороной распространённый в тот период синдром *многописательства*, одной из основных причин которого

---

[252] *Маловичко С.И.* Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2015. № 2. С. 38, см. также: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.; *Маловичко С.И.* Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2015. Вып. 4. С. 125-135.

[253] *Плеханов Г.В.* Гл. И. Успенский // *Плеханов Г.В.* История в слове. М.: Современник, 1988. С. 222.

[254] *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII-XIX веков. Учеб. пособие для ст-тов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М., 1972. С. 259.

был, безусловно, материальный фактор[255]. Э.В. Летенков замечает, что проблема заработков для журналистов разночинского происхождения «вставала зачастую ещё до профессионального возмужания, нависая над ними в продолжение всей жизни, не исчезая с приходом известности и популярности»[256]. При этом, несмотря на разнообразие жанров и тем, в которых работал Харламов, спектр выбираемых им изданий в целом можно характеризовать как либерально-демократический или народнический. В их числе уже упомянутые выше «Страна», «Русские ведомости», «Русский курьер», «Дело», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Древняя и новая Россия», «Русское богатство»[257]. Хотя в списке есть и издания развлекательного жанра – «Русский сатирический листок», «Развлечение» – Харламова нельзя упрекнуть в творческой всеядности и беспринципности, свойственной многим представителям русской журналистики. В подтверждение этого можно привести слова сотрудника «Дела» М.М. Гребенщикова: «Составив уже себе литературное имя, он не отказывался от скромной работы секретаря и составителя хроники, говоря, что лучше зарабатывать средства чёрным трудом, чем размениваться на мелкую монету и писать исключительно ради денег»[258].

Каковы же особенности Харламова-критика, Харламова-беллетриста?

По собственному признанию Харламова, он отличался склонностью к резким суждениям, с чем вполне можно согласиться. Его манере письма подходят такие определения, как хлёсткий, полемичный, ироничный, требовательный. Критик не склонен авансом раздавать комплименты, не берётся глубоко обсуждать материал, в том случае, если сам не владеет предметом. Если же предмет ему знаком – переходит к так называемой

---

[255] *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (Материалы для био- библиографического словаря). Вып. 1. Владимир: Тип. губернского правления, 1896. С. 153.

[256] *Летенков Э.В.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988. С. 73.

[257] Яркие, образные характеристики изданий «Русские ведомости», «Русский курьер», «Развлечение», «Русская мысль» и др. даны В.А. Гиляровским – см.: *Гиляровский В.А.* Москва газетная // *Гиляровский В.А.* Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1968.

[258] *М.Г. [Гребенщиков М.М.].* Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Дело. 1887. № 3. С. 138.

«теоретической критике», сопровождающейся изложением собственных трактовок и концепций, иными словами работает на стыке критики и публицистики. Примером могут служить очерки «Русский народный юмор», «Идеализаторы раскола».

Беллетристика Харламова, на наш взгляд, под несколько иным углом, нежели публицистика, отражает его мировоззрение – она даёт возможность более рельефно, образно и эмоционально выявить и показать взгляды на социально-экономические, общественные процессы, происходившие в пореформенной России, представить, так сказать, их субъективную, этическую сторону. Соответственно, и герои произведений рассматривались не просто как плод авторского вымысла, но как носители той или иной социально-экономической или нравственно-этической модели. Харламов, выросший в сельской среде, не терял связи с ней на протяжении всей жизни и создавал художественные рассказы и очерки на основе собственных наблюдений. Конечно, наивно искать в них документальные свидетельства, поскольку описываемые факты являются не буквальной, а типической правдой. Учитывая сказанное, было бы ошибкой отделять его беллетристику от публицистики или рассматривать её в качестве вспомогательного направления – более уместно говорить о том, что и тот, и другой жанр по-своему отражали взгляды народника.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что проведённое исследование комплекса архивных и опубликованных источников и литературы позволило осуществить анализ жизненного и творческого пути интеллигента-народника Харламова. В частности, собранные сведения углубляют представление о периоде учёбы Харламова в училище, семинарии и университете, о круге его профессиональных контактов в петербургский период, обстоятельствах ареста и последующей земской деятельности. Всё это позволило прийти к следующим выводам.

Основными факторами, сформировавшими его мировоззрение, можно считать семейное воспитание, этические нормы, присущие среде духовенства, ценности и знания, почерпнутые в крестьянской среде. Общение с личностями, стремившимися к активному отстаиванию своих идеалов, знакомство литераторами-современниками (прежде всего, Н.Н. Златовратским), произведения писателей-демократов, труды философов-позитивистов, историков демократического направления также оказало влияние на становление Харламова как личности. Следствием этого явились идеи служения, борьбы с этическими и социальными пороками, равенства, коллективизма, эволюционного развития, реализованные им в литературной и земской деятельности. Идейным и методологическим базисом мировоззрения и литературно-публицистического творчества для Харламова стал реализм. В рамках этого направления народник стремился к объективному, всеобъемлющему изображению социальной среды, общественно-политических и социально-экономических проблем и перспектив, исторического процесса. В своих работах Харламов, сочетая описательный метод, анализ и обобщение, старался воплотить идею синтеза науки и искусства, делая при этом упор на социальную составляющую. Тем самым, полученные выводы позволяют более полно раскрыть его взгляды по различным сферам жизни пореформенного российского общества.

Глава II
Социально-экономические, общественно-политические и правовые вопросы пореформенной России в системе взглядов И.Н. Харламова

2.1. Социально-экономические взгляды

Вторая половина XIX века в истории России явилась переломным этапом для самого многочисленного сословия – крестьянства, поскольку на экономический быт и социальные отношения в крестьянской среде оказывало влияние столкновение двух экономических принципов – коллективного (общинного) и индивидуального (капиталистического). Судьбы российского крестьянства вызвали острые общественные дискуссии. По мнению отечественного экономиста В.Т. Рязанова, из дискуссий прошлого особого внимания заслуживает разработка русскими народниками «альтернативного варианта экономических преобразований в России, которую можно рассматривать в качестве варианта «российского пути в экономике»[259]. Харламов явился одним из активных участников общественных дискуссий по социально-экономическим проблемам пореформенной российской деревни. По мнению народника, экономический фактор является определяющим в развитии страны. Подобная формула заимствована им у К. Маркса. «От того или иного направления экономической жизни, – писал он, – будет несомненно зависеть и наше политическое будущее. Пойдём ли мы по пути реформ, или по пути застоя и прогресса – всё зависит от того, куда пойдут наше землевладение и наша промышленность»[260].

Названным проблемам Харламов посвятил ряд публицистических очерков и статей, а также художественных произведений. Среди основных упомянем статьи «Кустарная форма производства», «Голод», «Организация

---

[259] *Рязанов В.Т.* Хозяйственная модель русских народников и российский путь в экономике // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 162.
[260] *Харламов И.Н.* Вопросы кустарной промышленности // Страна. 1882. № 143 (07.12). С. 5. – Рец. на кн.: *Прилежаев А.В.* Что такое кустарное производство? СПб., 1882.

крестьянских переселений», «Факты общинного владения», «Новые данные об общине» и др.; к ним же можно отнести цикл рецензий на труды отечественных исследователей: «Очерк истории сельской общины на Севере России» П.А. Соколовского, «Изучение русской народности» А.Н. Пыпина, «Судьбы капитализма в России» В.П. Воронцова (псевдоним «В.В.»), «Кустарное производство» А.В. Прилежаева, «О влиянии выкупной операции на разрушение общины» Л.С. Личкова, серию статей под общим заголовком «Крестьянский вопрос» К.Д. Кавелина, опубликованные в газетах «Русский курьер», «Страна», «Неделя», журналах «Русское богатство» и «Московское обозрение». Кроме того, вопросы крестьянского хозяйства, промыслов, кредита стали для него предметом профессионального изучения в период работы статистиком в Смоленском губернском земстве. Результаты этой деятельности отражены в «Сборнике статистических сведений по Смоленской губернии»[261]. В своих исследованиях Харламов опирался на труды К. Маркса, Г. Спенсера, К.Д. Кавелина, П.А. Соколовского, П.П. Семёнова, А.С. Посникова, В.П. Воронцова, Л.С. Личкова, В.И. Орлова, В.И. Семевского, Е.И. Якушкина, А.Я. Ефименко и др., а также данные земской статистики, сведения периодической печати.

Принципиально важной представляется оценка исследователем закономерностей и перспектив развития капитализма в России. Иллюстрируют её отзывы Харламова по поводу вышедшей в 1882 году книги экономиста народнического направления В.П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Заочно дискутируя с Воронцовым, Харламов проводил параллели в процессах постепенного развития капиталистических отношений в России и на Западе, именуя их исторической перспективой, т.е. фактически признавал наличие единых законов общественно-исторического развития. Он соглашался с тем, что «как там ни слаб русский капитализм, как ни колеблется под его ногами почва, тем не менее, хоть черепашьим шагом, а

[261] См. Список опубликованных работ И.Н. Харламова.

ползёт он всё вперёд и вперёд…»[262]. Современный отечественный исследователь В.Д. Мамонтов справедливо указывает, что народники-экономисты на основе огромного массива статистических и фактических данных уже в 90-е гг. XIX столетия «убедительно доказывали, что в России получил поступательное движение капитализм»[263]. С этим выводом согласуются приведённые выше утверждения Харламова.

Рассматривая развитие капитализма не только с экономической, но и с социально-этической точки зрения, народник обуславливал его проявлениями индивидуализма. В общих чертах индивидуализм в понимании Харламова представлял собой «развитие сознания личности в народе». «Индивидуализм, заявившись на Западе, принёс с собою капитализм; почему же у нас он будет дебютировать с артельным началом?» – задавал вопрос исследователь[264]. Следует сказать, что социальная сущность индивидуализма впервые отражена в философии марксизма[265]. Из приведённого высказывания следует, что индивидуализм, индивидуализацию народник рассматривал как глобальный многогранный процесс.

В деревне наиболее ярким проявлением индивидуализма в рассматриваемый период стало имущественное расслоение, выразившееся в появлении кулаков[266], которых Харламов считал «одним из выразительнейших экономических знамений нашего времени». «Мешку с деньгами везде почёт и уважение, – размышлял народник над особенностями психологии пореформенного крестьянина. – И вот, крестьянская личность,

---

[262] *Харламов И.Н.* Капиталист или кустарь? // Страна. 1882. № 107 (14.09). С. 8. – Рец. на кн.: *В.В. [Воронцов В.П.]* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

[263] *Мамонтов В.Д.* Содержание экономического учения народников сквозь призму развития современного российского капитализма // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 4 (96). С. 23.

[264] *Харламов И.Н.* Капиталист или кустарь? С. 8

[265] См.: *Кениспаев Ж.К., Серова Н.С.* Тема индивидуализма человека в философии марксизма // Аллея науки. Научно-практический электронный журнал. 2017. № 3. (Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30266724. Дата обращения – 15.11.2020).

[266] Следует отметить, что термин «кулак», обозначавший зажиточного крестьянина, пользовавшегося наёмным трудом, ростовщика как в дореволюционный, так и в советский период имел выраженный негативный оттенок. Так в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля слово «кулак» сопровождается следующими определениями: скупец, скряга, жидомор и т.п. – см.: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка (Режим доступа: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=14365 . Дата обращения – 22.11.2021).

начавшая сознавать себя, как таковая, бросается, прежде всего, на наживу»[267]. В данном случае автор подчёркивает закономерность происходящего. Социально-экономическими следствиями процесса индивидуализации Харламов видел разделы в крестьянских семьях, стремление к более точному определению своей собственности и желание разрушить общинный, мирской контроль. Тем самым в рассуждениях Харламова психологический аспект – проблема развития сознания личности, расширения её прав и трансформация интересов в процессе становления российского капитализма оказывался центральным пунктом.

Рисуя процесс эволюции капиталистических отношений, Харламов указывал на то, что дети кулаков и купцов, вставшие на этот путь, в технологическом плане не останавливались на ступени развития, достигнутой отцами, а шли дальше, осваивая, в том числе, и научные методы в сфере сельскохозяйственного производства. Наряду с этим, народник оспаривал тезис о прогрессивности укоренявшихся капиталистических ценностей в социальных отношениях, способствующих освобождению женщины из социально-экономического рабства. На примере тех же семей кулаков и купцов, он показывал, что за видимым раскрепощением стоит «ещё более сильная тенденция капитала подчинить женщину мужу или общее – мужчине в среде нерабочей»[268]. Приоритет социальных отношений над модернизацией производства характеризует Харламова как традиционного народника.

Противовес нарастающему индивидуализму Харламов видел в институте *поземельной общины*. Народник полагал, что среди отечественных исследователей наиболее глубоко вопрос об общине был разработан не славянофилами, а «западниками-общинниками» (под этим наименованием можно предполагать родоначальников народнического движения, прежде

---

[267] *Харламов И.Н.* Капиталист или кустарь? С. 8.

[268] *Харламов И.Н.* Изучение кустарной промышленности // Страна. 1882. № 128 (02.11). С. 8. – Рец. на кн.: *Харизоменов С.А.* Труды комиссии по устройству кустарного отдела на Всеросс. промышленно-хозяйственной выставке 1882 // Промыслы Влад. губ. Вып. II и III. М., 1882.

всего, А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского), считавших, что «будущее принадлежит началу не конкуренции, а солидарности, что ассоциация, широко развитая, будет способом производства и равенство – принципом распределения»[269]. При этом в текстах народника можно встретить критику взглядов представителей «государственной школы» Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, И.В. Вернадского, видевших в общине, по мнению Харламова, прежде всего, «учреждение правительственной власти в финансовых видах»[270].

Харламов, как и многие его коллеги народнического направления, смотрел на общину шире, подчёркивая, что институт общины не ограничивается рамками только земельной организации, а «проникает весь склад крестьянской жизни, во всех её экономических и нравственно-юридических проявлениях»[271].

Значимым для понимания взглядов Харламова на проблему пореформенного общинного устройства является изучение процесса *эволюции* данного института. Мысль о древнем, органически развивавшемся в России общинном укладе получила распространение в публицистике второй половины 1870-х годов в том числе благодаря диссертации А.С. Посникова «Общинное землевладение», опубликованной в 1875 году и вызвавшей общественное сочувствие[272]. В предложенной Харламовым схеме эволюции отчётливо прослеживаются взгляды экономиста, исследователя данной проблематики П.А. Соколовского, доказывавшего в «Очерке истории сельской общины на Севере России», что община в России существовала с древнейших времён первоначально в виде общины-волости, не знавшей экономического неравенства и принуждения, земельных переделов. Гибель

---

[269] *Харламов И. Н.* Новые данные об общине // Русский курьер. 1880. № 310 (13.11). С. 1.
[270] *Возехмин [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Московское обозрение. 1877. № 29. С. 136. – Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.
[271] *Его же.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. №3. С. 59. На правильность комплексной оценки народниками феномена сельской общины указывает современный исследователь В.Г. Тюкавкин – см.: *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 169.
[272] *Буш В.В.* Очерки литературного народничества 70 – 80-х гг. М.; Л., 1931. С. 153-154.

общины-волости П.А. Соколовский объяснял победой поместного и вотчинного землевладения, насаждавшегося государством. В результате такого вмешательства извне на смену общине-волости пришла деревенская община с господством принудительных отношений и уравнительными переделами.

С точки зрения Харламова, зарождение общинных отношений проявилось уже в устройстве внутриплеменной жизни славян, где определяющим было «начало равенства и вполне признаны были права труда». Первоначально свободные люди вступали в общину, занимали свободные земли и могли свободно выходить из неё. Следовательно, полагал Харламов, каждый добровольно подчинялся условиям общего землевладения, добровольно подчинялся круговой поруке. В связи с этим вопрос о праве на землю не возникал и не мог возникнуть, существовало только отношение человека к обществу. Красноречивым доказательством существования общинных порядков для автора как раз и служила дожившая до конца XIX века крестьянская община.

Харламов рассматривал два типа общинной собственности на землю: одни земельные угодья находились в неразделённом пользовании нескольких селений, другие – в отдельном пользовании каждого селения. В соответствии с этим исследователь выделял общины-волости и общины-деревни.

Переход права собственности на землю «от Бога и земледельца» к государству, как отмечал народник, отразившись на всём экономическом быте, разрушительно подействовал на общину: государство, став собственником земли, получило право распоряжаться ей по собственному усмотрению. Столкновение интересов государства и общины по вопросам земельной собственности оказалось неминуемым.

Раздача волостных земель государством без учёта волостных границ явилась, по мнению исследователя, непосредственной причиной распада

общин-волостей[273]. Данный процесс Харламов относил к XV веку, однако, следы прежней волостной формы социально-экономических отношений продолжали существовать ещё долгое время. Они проявлялись в виде существования «групп деревень, сообща пользовавшихся различными угодьями, лугами, пастбищами, лесами, рыбными ловлями, рудными залежами и пр.». Изменения происходили и внутри общины-деревни.

Свободные землевладельцы были прикреплены к земле, выход из общины и переход в другие был уничтожен. Поскольку общинники наравне несли налоги, повинности и службы, а средства для их отбывания давала земля, то «пришлось её развёрстывать и переделять поровну по мере движения населения»[274]. В этом искажённом, по мнению народника, виде общинное землевладение подошло к середине XIX века.

Следует отметить, что история крестьянской общины в России до настоящего времени носит дискуссионный характер. Проиллюстрируем это утверждение примерами. Л.Б. Алаев подвергает критике концепцию первобытного существования общины, а также идею универсальных общинных форм и практик[275], в то время как И.Н. Васев считает общину отличительной чертой русской (и шире – общеславянской) народной жизни, полагая её зарождение в догосударственный период, а развитие в эпоху после разложения родового строя[276]. А.Н. Цамутали отмечал прогрессивные черты теории эволюции общинного устройства П.А. Соколовского, но указывал при этом, что «его представления об эволюции формы общины под одним лишь влиянием государственного вмешательства были односторонними»[277]. Полагаем, что данная оценка в полной мере применима и к взглядам

---

[273] *Возехмин [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Московское обозрение. 1877. № 29. С. 139. – Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

[274] *Его же*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 109. С. 5. – Рец. на ст.: *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 3, 8-12.

[275] *Алаев Л.Б.* Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2(20). С. 46-72. Исследователь критически оценивает труд П.А. Соколовского, полагая, что он не смог преодолеть «народническую установку на исходность общинных порядков и потому не смог вскрыть специфику северной общины» см. там же. С. 51 (сноска 6).

[276] *Васев И.Н.* Русская крестьянская община как альтернатива концепции гражданского общества // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2. С. 86-88.

[277] *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 206.

Харламова. В современной отечественной историографии перерождение общин-волостей в общины-деревни в ходе развития поместного землевладения, сопровождавшееся утратой общинами автономии, отражено в работах В.А. Александрова и П.И. Смирнова[278]. П.И. Смирнов подчёркивает региональный характер этого процесса, временные рамки которого в целом совпадают с описанными Харламовым.

Ключевым событием, по мнению народника, стала реформа по отмене крепостного права 1861 года. Красноречивая оценка этого мероприятия звучит в словах народника о том, что «крестьянская реформа проводилась в исполнение противниками общины, крепостниками, желавшими превратить крестьян в батраков и фермеров на своих землях». Оценивая деятельность по реализации реформы, Харламов отмечал, что исполнителям «не удалось осуществить своей мысли вполне, но всё это понаделало страшной путаницы и неопределённости в вопросе первой важности»[279]. С данным утверждением, распространённым в кругах демократической интеллигенции, нельзя согласиться в полной мере, поскольку в последней трети XIX века, особенно в период контрреформ, отмечается попытка консервации общинного устройства, укрепления её позиций[280].

Таким образом, прослеживая эволюцию общинного института, исследователь, разводит понятия древней общины, сложившейся под влиянием естественных условий и вызванных ими производных: стремления к общежитию, взаимности и равенству – с одной стороны, и тягловой пореформенной общины, ограниченной кругом земельных отношений и

---

[278] *Александров В.А.* Крестьянская (сельская) община // Русские. М.: Наука, 1999. С. 461-464; *Смирнов П.* Русская сельская община: происхождение, основные функции и ценности // Credo New. 2014. № 3 ((Режим доступа:http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25371-russkaya-selskaya-obschina-proishozhdenie-osnovnye-funkcii-i-cennosti.html. Дата обращения – 22.11.2021).

[279] *Харламов И.Н.*[Рецензия] // Страна. 1881. № 109 (15.09). С. 6. – Рец. на ст.: *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 3, 8-12.

[280] *Давыдов М.А.* Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнительно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 1. С. 5-19.

служившей инструментом государства для осуществления фискальных целей – с другой[281].

Проявлением принципа общинной солидарности в хозяйственной сфере народник называл такие практики, как помочь и передел. Подчёркивая значение помочи, Харламов указывал, что она представляет собой развитие общинного принципа взаимной помощи и принадлежит к «характернейшим моментам именно *общинной* жизни и при исследовании общины не должна быть никоим образом упускаема из вида»[282].

Община, по мнению исследователя, следуя принципу солидарности, удовлетворяла не только материальные, но и нравственные потребности её членов. «Утомительность и неприятность труда, – размышлял народник, – при другом строе общества произвели рабство, а в общине они создали только совместный обмен услуг, выразившийся в целом ряде помочей при самых разнообразных работах»[283]. Таким образом, нравственный принцип становился вместе с тем и экономическим принципом и, благодаря этому, осуществлялся в жизни. В социальных связях, именуемых солидарностью, и лежит, полагал исследователь, разгадка тех явлений, которые не могут быть объяснены с буржуазно-нравственной или формально-правовой точки зрения. Учёт народниками (и в их числе Харламовым) социально-нравственного фактора, не вписывающегося в экономическую или формально-правовую логику, свидетельствует о многогранности такого явления как сельская община и указывает на некорректность её изучения исключительно в экономической или правовой плоскости.

Ещё одним важнейшим общинным принципом был принцип равенства, который олицетворяла практика передела. Несмотря на широкую критику общинных устоев со стороны либеральных сил, Харламов настаивал, что

---

[281] *Возехмин [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Московское обозрение. 1877. № 29. С. 138. – Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877. От фискальной функции общину освободили в начале XX века.

[282] *Харламов И.Н.* Помочь (из обычно-общинных отношений) // Русское богатство. 1879. № 1. С. 66 (курсив И.Н. Харламова – С. Х.).

[283] Там же. С. 68-69.

передел также являлся необходимой принадлежностью общины, вызываемой «столько же недостатком в земле, сколько, если не больше, и стремлением к равенству»[284]. В приведённом суждении Харламов, выдвигая на первый план субъективный фактор, выступает с традиционных народнических позиций. Исследователь расходился во мнении с П.А. Соколовским, считавшим передел продуктом позднейшего времени. По мнению Харламова, передел является ровесником общины. Стремление к равенству и чувство солидарности компенсировали возможные неудобства передела (в частности неравномерное удобрение земельных наделов) в том случае, если эти неудобства были вызваны объективными причинами, например, тяжёлым материальным положением одного из членов общины. На основе исследований крестьянских хозяйств Вяземского уезда, в которых народник принимал непосредственное участие, он стремился показать, что переделы, «по общему крестьянскому мнению в уезде, являются необходимым от времени до времени»[285].

Уничтожение передела, по мнению Харламова, приведёт в будущем, вследствие увеличения народонаселения, к резкому нарастанию неравенства земельных наделов. С другой стороны, его искусственное насаждение при помощи административных методов окажется не в силах воссоздать те социальные отношения, которые естественным путём формировались в деревне при помощи общины. «Уничтожайте передел, – предлагал народник в рамках газетной полемики, – раз он найден неблагоприятным для сельского хозяйства, но предоставьте возможность “равнения” в общине, если вы её признали, хотя бы посредством выселения желающих обрабатывать землю на новые, незанятые места»[286]. Следует сказать, что далеко не все исследователи разделяли идею изначального существования общинных переделов. Среди

---

[284] *Возехмин [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Московское обозрение. 1877. № 29. С. 142-143. – Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

[285] Сборник статистических сведений по Смоленской губернии. Т. I. Вяземский уезд. Вып. 2. Издание Смоленского губернского земства. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. С. 33.

[286] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 109 (15.09). С. 6. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 9.

дореволюционных исследователей Н.П. Павлов-Сильванский относит известный ему древнейший известный передел к 1500 году, распространение практики передела к XVII веку, а со второй половины XVIII века – господство передела в центральных областях[287]. Среди современных исследователей В.П. Даниловым, О.Г. Вронским, В.Г. Тюкавкиным подчёркивалось вредное влияние передела на общинное хозяйствование[288].

Немало дискуссий в народнической среде вызывал вопрос об источнике тех факторов, которые разрушающе действовали на общину. К примеру, по мнению Н.С. Русанова, «в самой общине не происходит и не может происходить никаких внутренних процессов, следствием которых явится гибель общины»[289]. Иной точки зрения придерживался Харламов: он разделял мнение, что община, в том виде, в каком она подошла к последней четверти XIX века, «представляет немало условий крайне неблагоприятных для сельского хозяйства и положительно мешающих его развитию». При этом наиболее общие и опасные экономические факторы разложения общины лежат, по его мнению, внутри её самой[290]. Подобное мнение разделяли, в частности, М.М. Ковалевский, В.И. Орлов. Его нельзя отнести к «типично» народническим.

Исследователь также отмечал позитивную роль общины в вопросе снижения социально-политической напряжённости, поскольку видел в ней препятствие на пути роста пролетариата – «безземельного, неимущего класса, подверженного всем случайностям спроса на рынке труда и продуктов, обречённого или на голодовку, или на заработок, едва удовлетворяющий самые первые потребности»[291].

---

[287] *Алаев Л.Б.* Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2(20). С. 53-55.

[288] Обзор мнений представлен в работе: *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 176.

[289] *Козьмин Б.П.* Указ соч. С. 437.

[290] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 142 (01.12). С. 7. – Рец. на ст.: *Земец [Берви-Флеровский В.В.]*. Заметки земца о земских изданиях и земских приёмах // Дело. 1881. № 8-11; *Ленский [Онгирский Б.П.]*.Семейные разделы // Дело. 1881. № 11; *Личков Л.С.* Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. № 11.

[291] *Его же*. Новые данные об общине // Русский курьер. 1880. № 310 (13.11). С. 1.

Не мог Харламов обойти стороной и вопроса соответствия общинного уклада деревни современному социально-экономическому устройству. Уже сама постановка вопроса о том, годится ли община как форма «*современного* экономического быта, не отжила ли свой век, не будет ли служить препятствием к развитию личной предприимчивости ставших на свои ноги масс»[292], является свидетельством того, что народник не был слепым защитником общинного строя. Харламов подчёркивал, что община прошла сквозь столетия и, несмотря на разрушающие влияния внешних факторов, ко второй половине XIX века дошла «хотя "обрезанная и искалеченная", но, тем не менее, живая и ещё способная к развитию»[293]. По его мнению, недостатки, за которые критикуют общину, «лежат не в самом общинном владении, а лишь в способе распределения земли между участниками и в пользовании ею»[294]. В этой связи также стоит ещё раз отметить укрепление позиций общественного землепользования в последней трети XIX века: общины были признаны в качестве субъектов действовавшего права, а правительство не допустило частной крестьянской собственности на землю.

Таким образом, община в текстах Харламова выступала естественно сложившейся весьма сложной системой социально-экономических отношений, реализуемых, в том числе, в практиках помочи и передела. При этом во взаимоотношениях общинников социально-психологическая составляющая играла не менее важную роль, чем экономическая. Поскольку народник не призывал к насильственному насаждению общинных порядков, но и не считал нужным ломать проверенную временем систему общественных отношений в деревне, слепо копируя чуждые схемы, то его обращение к власть имущим – «дать общине и её обычаям возможность беспрепятственно развиваться»[295] – представляется своевременным и

---

[292] *Харламов И.Н.* Новые данные об общине // Русский курьер. 1880. № 310 (13.11). С. 1 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).
[293] *Его же.* Помочь. С. 70.
[294] *И.Х. [Харламов И.Н.].* [Рецензия] // Страна. 1881. № 109 (15.09). С. 5. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 9
[295] *Харламов И.Н.* Факты общинного владения. С. 46-47.

обоснованным. Очевидно, что автор также выступал против формального сохранения общинного строя. Учитывая, что Харламов признавал закономерность проявлений индивидуализма (в лице сельских кулаков) и общинности в пореформенной деревне, можно предположить, что народник допускал сосуществование двух укладов – индивидуального и общинного – и в этом случае его позицию можно характеризовать как компромиссную.

Среди вопросов крестьянского производства Харламов выделял проблемы кустарной промышленности и земледелия, т.е. традиционных некапиталистических отраслей. Народник принимал точку зрения отечественного исследователя А.В. Прилежаева, выделявшего 4 категории форм производства[296]: рабство (крепостничество), семейный союз, предпринимательскую (капиталистическую) форму, артель (ассоциацию). Нетрудно заметить, что принимаемая Харламовым классификация форм производства имела некоторые черты сходства с марксистской теорией общественных формаций. Подобные схемы выдвигали многие народники, в том числе Н.К. Михайловский и П.П. Червинский.

Большинство существовавших на тот момент крестьянских производств, считал Харламов, представляли собой предпринимательскую или семейную формы. В качестве высшей формы некапиталистического крестьянского производства народник рассматривал артель (ассоциацию), то есть производственную общину, основанную на принципах свободного труда и равенства. В перспективе артель, следуя логике Харламова, могла бы стать альтернативой кустарным промыслам и сельскохозяйственному производству капиталистического типа, однако, при существующем положении вещей он считал её бессильной. В связи с этим народника можно назвать сторонником идеи постепенной артельно-кооперативной модернизации[297].

---

[296] *Харламов И.Н.* Вопросы кустарной промышленности. С. 5-6.
[297] *Мокшин Г.Н.* Народничество как идеология самобытной модернизации России // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 78.

Среди общих проблемных черт кустарничества Харламов выделял работу на отдалённый рынок с колеблющимся спросом, периодичность труда кустаря, ограниченность размеров основного и оборотного капитала, вспомогательное значение промысла, а также отсталую технику производства[298]. Следуя логике народника, расширение кустарного производства, повышение его производительности, техническая модернизация неминуемо повлекли бы за собой привнесение в производственные отношения индивидуального, т.е. капиталистического начала. Таким образом, Харламов в очередной отмечает взаимосвязь экономических и социально-психологических факторов.

В вопросах крестьянского сельскохозяйственного производства Харламов акцентировал внимание на причинах сложившегося неудовлетворительного положения в этой отрасли и факторах, тормозящих её развитие. К таким причинам народник относил малоземелье, устаревшую технологию обработки почв (сохранение трёхпольной системы), недостаток оборотных капиталов для её совершенствования в виду высоких выкупных платежей, сохранение недоимок, имущественное расслоение деревни. Здесь проявилась противоречивость народнической концепции Харламова. Общинные порядки, сопровождавшиеся обязательными переделами земли, являлись основным препятствием на пути введения технологических усовершенствований.

Исследователь указывал, что даже в наиболее густонаселённых местностях России нет ещё такого перенаселения, которое могло бы послужить побуждающим толчком к усовершенствованию культуры полей. Тем самым оказывалось легче и выгодней «распахать очень большую поляну, чем несколько раз перепахать свой, и без того истощённый надел, выгодней, между прочим, и потому, что это не требует никаких других затрат, кроме траты труда»[299]. Наметившуюся в связи с названными проблемами

---

[298] *Харламов И.Н.* Кустарная форма производства // Страна. 1882. № 153 (30.12). С. 2-3.
[299] Там же. С. 2.

тенденцию оттока сельского населения в города исследователь оценивал негативно. Она, по его мнению, не способствовала ни улучшению благосостояния крестьянства, ни подъёму промышленности: неминуемым следствием оказывалось сокращение спроса на рабочие руки в городах ввиду их переизбытка на рынке труда. Однако, при этом следует учитывать, что без достаточного количества свободных рабочих рук невозможно было бы реализовать идею индустриализации, которая как раз начиналась в рассматриваемый период. Игнорирование Харламовым этого факта вполне характеризует его как типичного народника.

Исходя из контекста рассуждений Харламова, можно говорить о том, что меры поддержки крестьянского производственного сектора должны были носить комплексный характер при условии государственного участия, а также адресного подхода. Харламов, как и многие легальные народники, стремился предложить правительству «иные, "народные" ориентиры для внутренней политики»[300]. К мерам по поддержке земледельцев можно отнести снижение налоговой нагрузки за счёт пересмотра правительством размеров выкупных платежей, установление их «сообразно наделам». При этом исследователь признавал, что сокращение размеров платежей не может быть доведено до такой цифры, которая бы соответствовала доходности крестьянской земли при наличном состоянии земледелия.

В условиях малоземелья и отсутствия у крестьян средств на техническое перевооружение для перехода к интенсивному земледелию первоочередные шаги Харламов связывал с грамотной организацией крестьянских переселений. Народник выражал надежду, что правительство озаботится, наконец, решением проблемы малоземелья, организует надлежащим образом и в возможно ближайшем будущем «колонизацию разных отдалённых и не столь отдалённых плодородных пространств,

---

[300] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. ... к.и.н. М., 2005.С. 8.

которые ждут – не дождутся рабочих рук»[301]. В данной связи необходимо, считал исследователь, поддержать временные правила для облегчения переселения. Кроме этого, по его мнению, следовало создать специальный фонд, из которого переселенцы могли бы получать ссуды на «первое обзаведение». «В покровительстве, облегчениях и даже в пособии переселениям, – заключал свою мысль народник, – мы видим главнейшее средство поднять наше упавшее сельское хозяйство, избежать дальнейших миллионных трат»[302]. Вполне очевидно, что поддержка переселений рассматривалась им в качестве альтернативы оттоку крестьян в города, если быть более точным – индустриализации, поскольку переселенцы, меняя место жительства. должны были сохранить сельский уклад. Вектор переселенческой политики государства был направлен от постепенного узаконивания самовольных переселений, т.е. административного регулирования к экономическим методам, определённых законами 1904 и 1906 годов[303]. Тем самым, высказываемые Харламовым суждения в определённой мере предвосхищают процессы, связанные с периодом Столыпинской аграрной реформы.

Перечень предложенных народником мер, на наш взгляд, можно объяснить, прежде всего, социальной функцией государства – поддержанием благосостояния малообеспеченных слоёв населения, идеей постепенной модернизации экономики[304]. Мысль об активной роли государства, государственного вмешательства роднит взгляды Харламова с воззрениями Н.К. Михайловского[305] и С.Ф. Шарапова.

В целом развиваемый современными исследователями курс на реабилитацию легально-народнической стратегии модернизации заслуживает

---

[301] *Харламов И.Н.* Голод // Страна. 1881. № 15 (03.02). С. 1.
[302] Его же. Организация крестьянских переселений // Страна. 1881. № 122 (15.10). С. 2.
[303] *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 223-240.
[304] *Мокшин Г.Н.* Народничество как идеология самобытной модернизации России. С. 78.
[305] *Блохин В.В.* Николай Константинович Михайловский: жизнь, отданная идее // Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. / редкол.: Мокшин Г.Н. (отв. ред.) [и др.]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 31.

поддержки. В рамках этого курса Харламов, следуя терминологии В.Т. Рязанова, может быть причислен к российским институционалистам, разрабатывавшим концепцию «аграрного (крестьянского) социализма»[306] и делавшим ставку на защиту традиций, эволюционные преобразования, многоукладность отечественной экономики.

2.2. Общественно-политические взгляды

Общественно-политическим вопросам Харламов не посвятил отдельных работ, что, без сомнения, затрудняет прояснение его взглядов по данной проблематике. Тем не менее, воззрения народника по проблемам политического устройства, взаимоотношений общества, государства и церкви, роли интеллигенции отражены в таких произведениях, как очерки «Женщина в русской семье», «Идеализаторы раскола», статьи «К вопросу о веротерпимости», «Веротерпимость и брак», «К вопросу о положении духовенства», «Старообрядческое братство», рецензии «Русский народный юмор», отзывах на книги «Изучение русской народности» А.Н. Пыпина, «Деревенские неурядицы» Г.И. Успенского, «Деревенские будни» Н.Н. Златовратского, статью Л.Н. Антропова «Русские раскольники и английские диссиденты», и др. На стыке социально-экономической и общественно-политической проблематики находятся публикации народника, посвящённые земскому вопросу – «Земское дело», «Земская медицина», «Земство Области войска Донского» и др. Упомянутые очерки, статьи и рецензии были опубликованы в журналах «Русское богатство», «Дело», газетах «Русский курьер», «Страна», «Неделя».

Рассмотрение общественно-политических взглядов Харламова целесообразно начать с определения понятий «народ» и «интеллигенция» и выяснения того, какой смысл вкладывал в них народник. «Мы думаем, – отмечал Харламов в одной из статей, – что понятие “народ” может быть приложено не только к совокупности особей, связанных племенным,

---

[306] *Рязанов В. Т.* Хозяйственная модель русских народников… С. 167.

кровным родством, не только одинаковостью, так сказать, национального темперамента, но единством воззрений, вплоть до суеверий и образа жизни»[307]. Тем самым, исследователь, очерчивая границу категории «народ», в качестве её основы выделял менталитет (ментальность). Следует отметить, что для Харламова характерно народническое отождествление понятий «народ» и «крестьянство». Подобное отождествление проявляется, в частности, в мировоззрении такого представителя легального народничества, как М.О. Меньшиков[308]. В связи с этим горожане, в том числе и пролетариат, оказывались вне народной культуры, потому как, по мнению Харламова, «не в городе сосредоточилась народная жизнь»[309]. Подобное утверждение характеризует его как типичного народника. В то же время к народу принадлежали кулаки, поскольку кулак в определённых условиях вполне мог примкнуть к крестьянам, а крестьянин, напротив, стать кулаком.

В рассмотренных работах Харламов не дал прямого определения понятия «интеллигенция», однако понимание данного вопроса в рамках рассматриваемой темы принципиально важно. Для этого целесообразно обратиться к классификации, предложенной Г.Н. Мокшиным, всесторонне изучившим проблему эволюции легального народничества сквозь призму социокультурного подхода. Исследователь выделяет два основных подхода к интерпретации природы русской интеллигенции в идеологии реформаторского народничества – социально-этический и социально-экономический. Согласно социально-этическому подходу, интеллигенция – это «совокупность лиц, объединённых общими идеалами и нравственными ценностями. Происхождение, образование и род занятий особого значения здесь не имели. Главный критерий для истинной интеллигенции… – служение народу и прогрессу»[310]. Социально-экономическое направление

---

[307] *Харламов И.Н.* [Рецензия] // Страна. 1881. № 97 (18.09). С. 6. – Рец. на ст.: *Пыпин А.Н.* Изучение русской народности // Вестник Европы. 1881. № 7.
[308] *Зверев Н.В.* Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2013. С. 24.
[309] *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. № 12. С. 30-31.
[310] *Мокшин Г.Н.* Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2007. №1. С. 54.

определяло интеллигенцию как «новый интеллигентный класс-сословие, состоящий из профессиональных работников умственного труда»[311]. Важно, что оба подхода имели прочную внутреннюю связь, обусловленную «ориентацией народнической доктрины на подготовку и осуществление программы политической и экономической демократизации страны»[312].

Исходя из контекста размышлений Харламова, можно прийти к заключению, что круг интеллигенции определялся им не сословными рамками, а скорее той миссией, которую она была призвана играть в обществе, кроме того, идея служения играла важную роль в мировоззрении самого Харламова. Данное положение соответствует социально-этическому подходу, выделенному Г.Н. Мокшиным. Однако, в размышлениях Харламова можно найти аргументы и в пользу второго подхода, о чём будет сказано ниже.

Зарождение интеллигенции как социокультурной прослойки Харламов относит к 1860-м годам. Касаясь вопроса эволюции русской интеллигенции, начиная с 1860-х годов, он противопоставил два течения внутри интеллигенции: либеральное («неустановившееся», «сплошь либеральная суматоха») – с одной стороны, и систематически развивавшееся, разделявшее нарождавшуюся теорию реализма в науке и искусстве – с другой[313]. Вероятно, речь в данном случае идёт о противопоставлении либеральной, дворянской и разночинной, демократической интеллигенции. Возможно, что в этом проявилось стремление выходца из духовного сословия противопоставить себя (в качестве представителя интеллигентов-разночинцев) дворянству, а также попытка выдвинуть реализм в качестве основы мировоззрения и методологии, о чём говорилось в главе 1.

---

[311] *Мокшин Г.Н.* Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2007. №1. С. 59.
[312] Его же. Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 108-109.
[313] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 12.

В.В. Блохин и Е.Н. Лобанова справедливо отмечают, что «природу интеллигенции нельзя понять вне дихотомии “народ – интеллигенция”»[314]. Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа в работах Харламова представлена в двух аспектах: во-первых, рассмотрено место интеллигенции в обществе относительно народных масс, а во-вторых – её роль в судьбе народа.

Определение места русской интеллигенции относительно народа выясняется, исходя из ответа на вопрос: окажется ли интеллигенция внутри народной общности или будет занимать по отношению к ней внешнее положение? В народнических дискуссиях второй половины XIX века существовало немало сторонников как той, так и другой точки зрения. Харламов отстаивал мнение, что интеллигенция не является частью народа и по своему развитию, и по экономическому положению, и по исторической роли. «Нам незачем печалиться, – успокаивал народник, – если "интеллигенция" не попадает под понятие "народ"; мы – не народ в тесном смысле, это правда, но вместе с народом мы образуем нацию (на основе племенного родства и единства языка), образуем государство»[315]. То есть, с точки зрения Харламова, существовало узкое и широкое понимание «народа» узкое (рассмотренное выше) определялось единством менталитета, широкое – национальным, языковым единством, гражданством. Сходные мысли относительно категории «народ» высказывал и Н.Н. Златовратский: «Я отрицаю фикцию тех идеалистов, которые за “истинный” народ считают общинников, а индивидуалистов выкидывают из народа и называют неистинным народом; я отрицаю фикцию либералов, утверждающих, что между интеллигенцией и народом нет никакой разницы по существу и что их взаимному пониманию мешают кулаки и мироеды»[316].

---

[314] *Блохин В.В., Лобанова Е.Н.* Дихотомия «народ – интеллигенция» в радикальной мысли России середины XIX – начала XX вв. (К проблеме истоков русской смуты начала XX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 23.
[315] *Харламов И.Н.* [Рецензия] // Страна. 1881. № 97 (18.09). С. 7. – Рец. на ст.: *Пыпин А.Н.* Изучение русской народности // Вестник Европы. 1881. № 7.
[316] *Буш В.В.* Указ. соч. С. 158.

Вопрос о роли интеллигенции в судьбе народа логически связан с предыдущим и выражен в виде проблемы долга интеллигенции перед народом, актуальной среди просвещённой части общества второй половины XIX века. По мнению Н.Н. Златовратского, суть «народного вопроса» заключалась в том, что перед образованным обществом стояла дилемма: «или интеллигенция должна всецело слить свои идеалы и интересы с общинными интересами и идеалами народа, или же, наоборот, взять народ под свою опеку и заставить его принять те бытовые формы, в которых жило и исторически развивалось культурное общество»[317]. Очевидно, что оба варианта оказывались взаимоисключающими.

В рамках этого вопроса Харламов говорил о двух типах отношения демократической интеллигенции к народу. Первое направление, связанное с именами Д.И. Писарева, Г.И. Успенского, полагало, что интеллигенция должна выступать в роли вожака, спасти народ, научить его, как нужно жить. Этой точки зрения придерживались также Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко. По мнению Харламова, интеллигенция «устремилась на подвиг с целью слишком общей и потому слишком неопределённой,… устремилась и чуть не на всех пунктах обожглась». Второе направление, связанное с именами Н.А. Добролюбова, Н.Н. Златовратского, «более спокойное и обдуманное», считал Харламов, ставило на первое место не себя (т.е. интеллигенцию), а народ. Интеллигенты этого типа видели в народе не просто забитую и обездоленную массу, а прежде всего носителя высоких общественных идеалов, «таких великих нравственных начал, каких нет у интеллигенции, и каким ей не мешало бы поучиться у него». В соответствии с этим, в задачи интеллигенции входило «ближе присмотреться к народу, хорошенько изучить его, понять, почему он отказывается от наших рецептов и гонит нас прочь?»[318]. Таким образом, перед нами два течения легальной

---

[317] *Михайлова С.Б.* Н. Златовратский и Л. Толстой (Идейные искания Н.Н. Златовратского в 80-е годы) // Русская литература. 1969. № 4. С. 140.

[318] *Харламов И.Н.* Наблюдения над народной жизнью // Страна. 1882. № 87 (27.07). С. 8. – Рец. на кн.: Успенский Г.И. Деревенские неурядицы. В 3-х т. 1881-1882, Златовратский Н.Н. Деревенские будни. 1882.

народнической интеллигенции. Подобная биполярная типология народнической интеллигенции сохраняется в историографии до сих пор, её придерживаются большинство современных исследователей[319]. Учитывая сказанное и возвращаясь к типологии Г.Н. Мокшина, можно прийти к выводу, что в понимании интеллигенции Харламова присутствуют черты и социально-экономического подхода, сближавшего его с идеологами «малых дел», «постепенства» И.И. Каблицем, С.Н. Кривенко, В.П. Воронцовым, Я.В. Абрамовым.

Оспаривая распространённый в среде легального народничества лозунг «всё для народа, но не при посредстве его», Харламов не только стремился подчеркнуть наличие в народе общественной жизни, высокий уровень развития самосознания, но и отстоять право народа на активное участие в общественной деятельности и определении своей судьбы. «У народа и интеллигенции есть общие интересы, – утверждал народник. – Нельзя же не знать своих союзников, своих товарищей в общем деле»[320]. Тем самым, Харламов придерживался идеи диалогичности, преодоления отчуждения между личностью и обществом, интеллигенцией и народом, т.е. стремления к синтезу тех национальных ценностей, которые в иных идеологиях (марксизм, либерализм), по мнению Ю.А. Зеленина, оказываются несоединимыми[321].

В целом, феномен интеллигенции в системе взглядов Харламова можно рассматривать в качестве одного из продуктов процесса социально-политической и идейной модернизации общества. Направленность интеллигентов на решение проблем народа можно считать своеобразным проявлением мессианства – черта, которую народник разными средствами и в разных формах выводит у интеллигентов, деревенских правдоискателей у религиозных лидеров (подробнее см. гл. III). Подобный подход Харламова можно объяснить, в том числе, и его социальным происхождением.

---

[319] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 46-47.
[320] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 13.
[321] *Зеленин Ю.А.* Базовые компоненты в идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История/Политология. Барнаул, 2007. Вып. № 4/3. С. 234.

Преодолению общественных, сословных и культурных барьеров должно было, по мнению Харламова, способствовать и *народное образование*. Опровергая славянофильские установки, он утверждал, что «история нашей образованности после Петра показывает, что эта образованность была не только не изменой народу, но, напротив, постоянным и успешным стремлением к народу, к сознательному единению с ним». Примечательна в этом смысле оценка Харламова тех методов, которыми осуществлялась петровская образовательная реформа: «насилие, с которой Пётр вводил её, было меркой назревшей потребности»[322].

Краткий анализ отношения Харламова к современной публицистике и литературному процессу может дополнить картину его общественно-политических взглядов. Для *публицистики*, признавал Харламов в 1882 году, наступила «скучная пора», что можно обусловить наступившим после убийства Александра II периодом контрреформ и ужесточением цензуры: «вопросы не обсуждаются, выводы не делаются в тот момент, когда они нужнее всего»[323]. Немало высказано им упрёков в адрес представителей консервативного крыла газетой публицистики, которое олицетворяли газеты «Русь» («матушка “Русь”, с настоящей Русью ничего общего не имеющая», как именовал её Харламов), «Московские ведомости». М.Н. Катков и И.С. Аксаков («московские пророки») обвиняются Харламовым во внешнем, фальшивом народолюбии, а порой и в травле интеллигенции[324]. Подобные оценки позволяют опровергнуть расхожий стереотип о народниках как идейных последователях славянофилов.

Напротив, высоких оценок удостоены издания либерально-демократического направления «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Современник». «Отечественные записки» Харламов

---

[322] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 109 (15.09). С. 7. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 9.
[323] *Его же.* Изучение кустарной промышленности // Страна. 1882. 2 ноября (№ 128). С. 8. – Рец. на кн.: *Харизоменов С.А.* Труды комиссии по устройству кустарного отдела на Всеросс. промышленно-хозяйственной выставке 1882 // Промыслы Влад. губ. Вып. II и III. М., 1882.
[324] См., например: *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. №12. С. 2, 5.

характеризует как журнал разночинца, «определённый, честный», публикующий материалы на злобу дня. Его аудитория – интеллигентный разночинец. «Вестник Европы» – солидный, тяжеловесный, реагирующий на происходящее с запозданием, и его читатель соответствующий. Всё сказанное не оставляет сомнений в идейной принадлежности самого Харламова.

Проблема участия *государства* в общественной жизни, его роли в историческом процессе, так или иначе, присутствует в контексте многих работ народника. Повод к этому давало, кроме прочего, обсуждение общинной проблематики. Харламов обращал внимание на тенденцию усиления государственной централизации, сопровождавшейся ограничением гражданских прав и свобод, укреплением роли чиновничьего аппарата. Очевидно, что народник, прежде всего, обращает внимание читателя не на регламентирующую, а на ограничивающую и принуждающую роль государства в данной сфере. Исходя из народнической доктрины, он рассматривает институт общины в качестве основы для формирования альтернативной – демократической – модели общественных отношений, противопоставляя его искусственно внедрённой авторитарной военно-государственной модели. Подобное противопоставление может свидетельствовать о сходстве взглядов Харламова с идеей Г. Спенсера о разделении обществ на промышленные и военные, соответствующие, в современной терминологии, авторитарному и демократическому режимам[325]. В этом случае эволюция общинного устройства могла служить частным примером развития противостояния государственного и общественного начал. Описанное выше противопоставление, как уже было сказано, можно рассматривать как выдвижение альтернативы, однако, сосуществование двух моделей в данном случае не предполагается – в данном случае Харламов

[325] *Коломийцев В.Ф.* Социология Герберта Спенсера // Социологические исследования (СОЦИС). 2004. № 1. С. 41.

более категоричен, хотя и вынужден высказываться с большой осторожностью.

Однако не стоит воспринимать отношение народника к государственной власти однобоко. Подтверждением этого является идея активной роли государства в общественных процессах: государство должно стоять вне партий и убеждений, «с одной только заботой, с одной мыслью: охранять все права и интересы до тех пор, пока они не приходят в борьбу между собой, не нарушают чьих-нибудь законных прав и интересов»[326], иными словами – быть общенародным. В данном случае позиция Харламова совпадала с взглядами других легальных народников, например, И.И. Каблица, С.Н. Кривенко, В.С. Пругавина[327]. Не исключено, что подобная точка зрения возникла в среде легальных народников после провала идеи хождения в народ 1874 года, на что указывал и сам Харламов. Было ли в этом подлинное понимание невозможности осуществления народнических идеалов без участия государства, или это можно рассматривать лишь как политическую тактику?

Передовица в газете «Страна» от 3 марта 1881 года, т.е. непосредственно после убийства Александра II, принадлежала, по мнению Н.С. Русанова, перу Харламова[328], содержала следующий призыв: «… Нет иного выхода, как уменьшить ответственность главы государства, а, тем самым, – и опасность лично ему угрожающую от злодеев-фанатиков… Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потом и лежали на их ответственности. А личность русского Царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспения России»[329]. Здесь, во-первых, звучит призыв к

---

[326] *Харламов И.Н.* Веротерпимость и брак // Русский курьер. 1883. № 126. С. 2.
[327] *Мокшин Г.Н.* Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. на соискание уч. ст. д.и.н. Саратов, 2010. С. 237.
[328] *Русанов Н.С.* Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1967. Т. 1. С. 358.
[329] Страна. 1881. 3 марта (№ 27). С. 1.

учреждению представительной формы правления и, во-вторых, осуждение террористических методов борьбы.

Принципиально важно, что Н.С. Русанов видел в подобных высказываниях мысли социалистов, облачённые в либеральные одежды и выраженные посредством либеральной по своему направлению «Страны». Эту особенность отмечает и Ю.А. Сафронова. «Следует отметить, – пишет она, ссылаясь на приведённое выше мнение Н.С. Русанова, – что статья, по сути содержавшая программные требования либерального лагеря, была написана социалистом при поддержке прочих левых»[330]. Однако, вывод о причастности Харламова к социалистическому лагерю требует дополнительного разъяснения.

В главе I было приведено утверждение учителя народной школы Д.И. Крылова о положительном влиянии на «правительственный строй», которое могло бы иметь цареубийство Александра II, якобы высказанное ему студентом Харламовым. Оно может вызывать интерес, но его достоверность не имеет убедительного подтверждения. Выше также говорилось, что Харламов был, хотя и не близко, знаком с видными деятелями революционного подполья А.П. Булановым, А.О. Бонч-Осмоловским и, вероятно, Г.В. Плехановым. Эти знакомства не могут служить доказательствами революционности взглядов и деятельности самого народника, тем не менее, не исключают определённого сочувствия чёрнопередельцам, поэтому здесь уместно было бы кратко коснуться взглядов представителей этой организации на рубеже 1870 – 1880-х годов.

Чернопередельцы, объявившие себя последователями «Земли и воля», после раскола, произошедшего в августе 1879 года, основной упор сделали на работу в городе среди интеллигентов и рабочих. Период деятельности петербургской организации «Чёрного передела» составлял около двух лет – с осени 1979 года до конца 1881 года. Для Харламова он связан с работой в

---

[330] *Сафронова Ю.* Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 140 (примечание 173).

библиотеке П.В. Засодимского, деятельностью в артели «Русского богатства» и в редакции «Страны». Проводимая членами «Народной воли» пропаганда в рабочих кварталах столицы была направлена на «поддержку рабочими в нужный момент решающих террористических актов», в то время как чёрнопередельцы сосредоточились на «выработке из крестьян и рабочих сознательных социалистов»[331]. В.А. Твардовская отмечает постепенный крен чёрнопередельцев от аполитичности к политической борьбе. Программа организации, адресованная народу, предусматривала использование террора «для возбуждения народа»[332]. Однако политическая борьба, признанная революционерами, по-прежнему рассматривалась в качестве второстепенного средства. Вследствие этого и террор не воспринимался ими как «универсальное средство борьбы», отношение к заговору было отрицательным, решающей же виделась роль народных масс[333].

По мнению В.А. Твардовской и других советских исследователей, чёрнопередельцы, в противовес народовольцам, отстаивавшим утверждение, что революционеры сами могут создать условия для переворота, начать его и довести до конца без поддержки широких народных масс», придерживались мысли, что «момент осуществления народных идеалов путём народной революции» не зависит напрямую от желаний партийцев[334]. Оценивая значение организации, главное, как полагали В.Н. Гинев и А.Н. Цамутали, заключалось в том, что «Чёрный передел» «не дал прерваться важнейшей традиции российского революционного движения, идущей от Герцена и Чернышевского и провозгласившего незыблемый постулат: освобождение народа только посредством самого народа»[335]. Разделял ли взгляды чёрнопередельцев Харламов? Дать однозначный ответ на этот вопрос непросто.

---

[331] «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг. / [Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали]. Л.: Лениздат, 1989. С. 46.
[332] Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 – 1880-х годов (Коллективная монография). М.: Наука, 1983. С. 300.
[333] Там же. С. 302.
[334] Там же. С. 303.
[335] «Народная воля» и «Чёрный передел». С. 48.

Харламов принимал идею К. Маркса о первостепенном значении экономических отношений в общественно-историческом развитии и полагал, что каждой форме экономических отношений соответствуют «свои особые формы политических учреждений и юридических институтов»[336]. В ходе дознания Харламов заявлял, что не разделяет революционных идей, поскольку «не убеждён в их истинности», напротив, считая их «по большей части заблуждением или даже слабостью». Революционные сообщества он признавал «вредными, не достигающими цели улучшения народного и не могущими по самому существу достигнуть её»[337]. Здесь, естественно, следует принимать во внимание тот контекст, в котором были сделаны приведённые выше заявления, поскольку и в показаниях А.П. Буланова и А.О. Бонч-Осмоловского тоже нет признаний в участии в революционном подполье.

Учитывая сказанное, можно предположить, что Харламов мог, как и многие интеллигенты-народники, быть солидарен с чёрнопередельцами в тех моментах, которые касались их целей в отношении крестьянского населения – пробуждения сознательности, улучшения положения крестьянства при его непосредственном участии.

Стоит напомнить и о рассмотренном в предыдущем параграфе отношении Харламова к крестьянской общине как средстве противостояния революционным настроениям. В нём, по сути, выражено признание консерватизма традиционного крестьянства. Оно, на наш взгляд, является ещё одним аргументом против того, чтобы причислять народника к революционному лагерю.

Основную задачу, стоящую перед российским обществом второй половины XIX века, Харламов видел в расширении гражданских прав. «Все наши симпатии, – признавался он, – на стороне общественной самодеятельности, оживления действительно *гражданской* жизни»[338]. При

---

[336] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 61.
[337] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 608. Л. 51 об.
[338] *Харламов И.Н.* Старообрядческое братство // Страна. 1881. № 23 (22.02). С. 3 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).

этом нет никаких свидетельств в пользу того, что Харламов разделял методы революционной борьбы или принимал непосредственное участие в деятельности революционных организаций. Напротив, поставленные цели должны быть достигнуты в рамках правового поля. Все последующие годы негласного полицейского надзора за Харламовым не дают повода усомниться в этом выводе. Во всяком случае, очевиден факт, что Харламов пользовался возможностью выразить свои взгляды относительно политических свобод посредством легальной печати.

Таким образом, можно прийти к заключению, что форма государственного устройства, согласно взглядам Харламова, в обозримом будущем должна была бы представлять собой ограниченную монархию с широким народным представительством, определяющим основные направления политики.

В очередной раз возвращаясь к типологии народнической интеллигенции, можно утверждать, что Харламов стремился занять центристскую позицию: об этом свидетельствует, с одной стороны, его сочувствие идеям «постепенства», с другой – высказывания по злободневным политическим вопросам.

Признавая правомерность участия государства в общественной жизни, Харламов, вместе с тем, занимал бескомпромиссную позицию в отношении бюрократического аппарата, крепостнической партии и местного чиновничества. Для противодействия сложившемуся в обществе убеждению о всесилии бюрократии народники, как отмечает Г.Н. Мокшин, «активно продвигали идею о том, что чиновники это не государство, а всего лишь исполнители его функций»[339], использующие свое положение в корыстных целях. В качестве альтернативы бюрократии народниками предлагалась система всесословного земства, крестьянского самоуправления, основанная на коллективных началах.

---

[339] *Мокшин Г.Н.* Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований. С. 107.

В своих публицистических работах Харламов, касаясь актуальных вопросов деятельности земств пореформенного периода, не представил целостной и детальной программы реформирования земского института. Общие вопросы земств, освещённые в публикациях Харламова, касаются проблем управления, а также взаимодействия различных типов власти на местном уровне. Публицист отмечал, что, появившись, земства вступили в противоречие с существовавшими органами административного управления. Администрация, по мнению Харламова, «далеко не дружелюбно» восприняла новые общественные учреждения, чуждые ей «и по началам, и по духу, и полагавшие предел её полновластию»[340]. Очевидно, что народник смотрел на эту ситуацию сквозь призму идеи противостояния двух начал – «централизма и народоправства» и видел в ней изначально заложенный конфликт, породивший рассогласованность в системе местного управления. Её негативное последствие заключалось в подчинении «теоретически независимого» земства местной администрации, причём данная зависимость не являлась взаимной.

Харламов достаточно критично оценивал результаты деятельности земств за период с момента их появления в 1864 году, выделяя ряд негативных тенденций: чрезмерно высокую планку имущественного ценза на выборах в земские органы (преобладание крупных землевладельцев не только над крестьянами-общинниками, но и над мелкими индивидуальными землевладельцами), административное и сословное давление в процессе выборов, увеличение среди личного состава земских органов доли лиц, преследовавших не общественные интересы («народное благо»), а личные или сословные, неэффективность расходования бюджетных средств, значительные объёмы неотложных расходов при крайне ограниченных источниках пополнения бюджета, неравномерность налоговой нагрузки (стремление возложить основную долю налогового бремени на крестьянство), снижение общественного руководства и контроля, отсутствие

[340] *[Харламов И.Н.]*. Земское дело // Страна. 1882. № 11 (26.01). С. 3.

взаимодействия между земствами. Следствием обозначенных тенденций народник видел снижение авторитета земского института и разочарование в нём со стороны части общественности. При этом он отмечал также взаимное снижение интереса со стороны земств к общественным вопросам – «"самоуправление", – констатировал исследователь, – сводится, почти исключительно, на "самообложение"»[341]. Несмотря на указанные недостатки, Харламов воздерживается от критики в адрес разработчиков реформы, что вероятно обусловлено цензурными соображениями. В целом, подобную критику земских учреждений можно считать традиционной для либеральных исследователей конца 1870-х – начала 1880-х годов[342], представителем которых являлся Харламов.

Исправлению отмеченных выше недостатков, по мнению Харламова, мог бы способствовать пересмотр всей организации земского представительства. Реформирование составляло «настоятельнейшую необходимость», поскольку за прошедшие годы с момента утверждения Положения о земских учреждениях в этой сфере произошли существенные изменения[343]. Основные требования народника сводились к следующему.

Во-первых, пересмотру, с его точки зрения, должны были подвергнуться «посторонние примеси, противоречащие его духу». Можно предположить, что в данном случае речь идёт об ограничении административного произвола, стремлении избежать уподобления земств административным учреждениям, усилении роли крестьянского и разночинного элемента в земских учреждениях. Указывал Харламов и на необходимость расширения прав земских учреждений, однако не конкретизировал данное предложение. Очевидно, метафоричность речи и отсутствие конкретики также обусловлены требованиями цензуры.

---

[341] *[Харламов И.Н.].* Земское дело // Страна. 1882. № 11 (26.01). С. 3.
[342] Подробнее об этом см.: *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Международные отношения, 2002. С. 66.
[343] *[Харламов И.Н.].* Земское дело // Страна. 1882. № 11 (26.01). С. 3.

Во-вторых, Харламов полагал, что вернуть доверие к земскому институту в глазах общественности могло бы «обращение к земскому содействию в государственных делах». В этом народник видел обоюдовыгодные отношения: власть получала возможность ознакомиться с положением дел на местах, с нуждами и настроениями, а общество, видя к себе внимание и доверие со стороны власти, «найдёт побуждения высказываться откровенно»[344]. Иными словами, перед нами с одной стороны – противопоставление общественного и государственного начал, с другой – предложение к налаживанию диалога между властью и обществом, указание на необходимость свободы слова, т.е. альтернативный вариант выхода из проблемной ситуации.

В статье «Земское дело» Харламов приводил положительные примеры, когда власть демонстрировала заинтересованность в выстраивании диалога с земствами: в 1871 году в связи с обсуждением податной реформы, в 1878-м, когда земства заявляли о готовности оказать помощь правительству в борьбе с внутренними беспорядками (очевидно, имелось в виду воззвание, опубликованное а августе 1878 года после убийства С.М. Степняком-Кравчинским шефа жандармов М.В. Мезенцева, а также покушения А.К. Соловьёва на Александра II), в 1880-м году – в связи с краткой «эпохой новых веяний», вызванных обращением главного начальника Верховной распорядительной комиссии графа М.Т. Лорис-Меликова 14 февраля 1880 года. Харламов признавал, что не все перечисленные попытки приводили к практическим шагам, однако подчёркивал принципиальную важность опоры на общественность в деле «возобновления правильного течения государственной жизни»[345]. Здесь в очередной раз можно отметить приверженность Харламова легальным формам общественно-политической деятельности. Публицист полагал, что представители земств в процессе реформирования системы управления должны донести до правительства

---

[344] *[Харламов И.Н.]*. Земское дело // Страна. 1882. № 11 (26.01). С. 4.
[345] Там же. С. 3.

мнения народа относительно устройства системы местного самоуправления. В этой связи он высказывался за объединение усилий земств посредством губернских и общероссийских съездов. Подобные объединения способствовали бы обмену опытом, выработке единообразного направления деятельности. Народник напоминал, что на это ещё в 1872 году указывало Владимирское земство. Таким образом, земствам отводилась роль посредника, между обществом и правительством. Учитывая «эзопов язык» публицистики той поры, нельзя исключать и скрытого намёка на введение представительных форм правления[346]. А.Н. Верещагин отмечает, что видение земств в качестве наиболее подходящей опоры для центрального представительного учреждения было единодушным среди либеральных теоретиков того времени[347]. Вместе с тем, необходимо отметить, что правительство в рассматриваемый период препятствовало созданию общероссийских общественных организаций, хотя и разрешало губернские. Тем самым, несмотря на выявленные серьёзные недостатки в деятельности земств, приведённые соображения свидетельствуют о безусловной важности земского института в глазах публициста, его без альтернативности в вопросе социально-экономической и общественно-политической модернизации страны. Заметим также, что «земская» тема, как и «общинная», позволяла Харламову выразить не только социально-экономические взгляды, но и общественно-политические.

Часть публикаций народника посвящена отдельным аспектам деятельности земств, в основном – в сельской местности. В области народного образования исследователь обращал внимание на сословную обусловленность размеров ассигнований на эту статью расхода: «где в земствах преобладает элемент крупных землевладельцев, там есть тенденция уменьшать суммы образования до крайнего минимума; где, наоборот,

---

[346] Более открыто этот призыв прозвучал в передовице «Страны» сразу после убийства Александра II в марте 1881 года, о чём говорилось выше.

[347] *Верещагин А.Н.* Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Международные отношения, 2002. С. 99.

крестьянство получило некоторый голос в земстве, там ассигновки на образование высоки, в некоторых случаях даже превышают ассигновки на медицину»[348]. Здесь наглядно проявляется народническая, антипомещичья установка Харламова.

Рассматривая вопросы земской медицины, исследователь отмечал как объективные проблемы, существовавшие в этой области – недостаток зданий, инструментов и медикаментов, так и субъективные – недоверие крестьянского населения к «врачу-барину», характеризующее сословную разобщённость, низкий уровень культурного развития крестьянства. Впрочем, полагал он, у земского врача есть все шансы завоевать доверие сельского населения посредством внимательного отношения к пациентам. С народнических позиций он рассуждает о высокой моральной миссии земского врача, противопоставляя сельскую патриархальную среду уездной, городской – «с картами, сплетнями, беспробудным пьянством; отсутствие людей, с которыми можно было бы "отвесть душу", отсутствие книг и пр., и пр.»[349]. В качестве конкретных мер по совершенствованию земской медицины, публицист предлагал ввести должности санитарных фельдшеров в каждой больнице или врачебном пункте с целью профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями и эпидемиями.

Несмотря на высказываемую критику, очевидно, что народник отводил земскому институту важнейшую роль как в экономической, так и в общественно-политической жизни страны, а его воззрения в целом находятся в рамках либерального подхода к оценке земств. Хотя и тематика публицистики, и практическая служба в земстве соответствуют идее служения народу, выявить точки их пересечения в рассматриваемых текстах Харламова не удалось, поскольку рассмотренные выше статьи были

---

[348] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 142 (01.12). С. 6. – Рец. на ст.: *Земец [Берви-Флеровский В.В.]*. Заметки земца о земских изданиях и земских приёмах // Дело. 1881. № 8-11, *Ленский [Онгирский Б.П.]*. Семейные разделы // Дело. 1881. № 11, *Личков Л.С.* Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. № 11.

[349] *Его же*. Гигиенические условия народной жизни // Страна. 1881. № 25 (26.02). С. 5. – Рец. на кн.: *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1880.

опубликованы Харламовым ещё до поступления на земскую службу. К сожалению, и «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии», имеющий справочный характер, не способствует прояснению вопроса. В этом видится определённая сложность. Отсутствие опоры на собственный практический земский опыт, на наш взгляд, ослабляет позиции Харламова – публициста. В качестве оправдания можно добавить, что краткий срок его деятельности и публицистом, и земским статистиком не позволил в полной мере реализовать заложенный в нём потенциал.

Одним из важных общественных институтов, по мнению народника, являлась *церковь*. Институт церкви рассматривался Харламовым в рамках социологической теории Г. Спенсера и определялся, согласно ей, не как «общество», а как «культурная группа». Это определение обуславливалось степенью наличия так называемого «социального элемента», поскольку связь членов церкви определялась как «связь психического взаимодействия» и ещё не могла быть названа социальной связью. Последней же, согласно Г. Спенсеру, являлась «только *кооперация*, известная система *экономических* отношений, охраняемая собственной политической организацией»[350].

Церковь пореформенного периода Харламов считал частью государственного механизма, под контроль которого в ходе исторического развития она перешла из ведения гражданского общества. Здесь прослеживается явная аналогия с проблемой утраты гражданских свобод. Став частью административно-бюрократической системы, представители церкви оказывались неспособными противостоять «деспотическим замашкам "высокоучёных" и "высокочиновных" людей» и выступать защитниками крестьянского народа в царившей атмосфере «общего бесправия, унижения личности, холопства»[351]. В связи с этим народник констатировал падение авторитета духовенства в общественной (в том числе крестьянской) среде. Упрёки в адрес официальной церкви были не безосновательны: Православная

---

[350] *Спенсер Г.* Развитие политических учреждений. СПб., 1882. С. 17-18; *Харламов И.Н.* Духоборцы // Русская мысль. 1884. № 11. С. 141 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).
[351] *Харламов И.Н.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. №92 (20.11). С. 3.

церковь действительно была тесно связана с государственной политикой. Имея господствующее привилегированное положение, которое было закреплено законодательно, церковь находилась в определённой зависимости от государства[352]. Это проявилось как в непосредственном управлении церковью со стороны государственных органов, так и в бюрократизации приходского духовенства через перевод его на государственное жалование. Анализируя структуру церковного управления конца XIX века, Н.Ф. Гриценко констатирует, что Синод, стоящий во главе церкви, по сути, оказывался исполнительным органом, подчинённым обер-прокурору. При этом, как отмечает исследователь, «о полном включении церковного института в систему государственной машины говорить не приходится»[353].

Надо сказать, что категоричный тон выдвигаемых Харламовым предложений можно объяснить, в том числе, личным опытом человека, вышедшего из многодетной семьи сельского священника и прошедшего ступени духовного училища и семинарии. Однако, в его отождествлении духовенства и чиновничества слышатся также отзвуки идеи «беспощадной борьбы с лицемерной моралью государственного Православия» первых нигилистов[354]. Необходимо также подчеркнуть, что Харламов, стоя на народнических позициях и отмечая влияние на сельское духовенство духовной и светской власти, не учитывал роль третьей силы – народа. Сложность положения сельского священника, по словам Т.Г. Леонтьевой, заключалась в том, что в реальности он оказывался «как бы сдавлен между духовной и светской властью, с одной стороны, и массой (причем в сельской местности общинно консолидированной) прихожан – с другой»[355].

Основной целью, которая, по мнению Харламова, стояла перед сельским духовенством, являлось восстановление его авторитета в глазах

---

[352] *Гриценко Н.Ф.* Консервативная стабилизация в России в 1881 – 1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М.: Русский путь, 2000. С. 135.
[353] Там же. С. 135-136.
[354] *Андреева Л.А.* Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. С. 201.
[355] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. С. 11.

народа. Программа реформирования церковного института изложена Харламовым в статье «К вопросу о положении духовенства» на страницах газеты «Страна». По словам А.Ю. Полунова, недостатка в общественных программах преобразований церкви в начале 1880-х годов не было. Их высказывали издания разных направлений и толков, в том числе консервативные, такие как «Русь» и «Восток».

Прежде всего, считал Харламов, требовалась общая реформа церковного управления «на началах выборно-соборных». Именно она, по мнению народника, позволила бы духовенству с течением времени «сбросить с себя рабские привычки». Предложения о введении принципа соборности в церковном управлении, проведении административной децентрализации, участии мирян в церковных делах звучали в этот период также со страниц газет «Современные известия», «Голос», «Церковно-общественный вестник»[356]. При этом в Харламов не отмечает, что данная проблема в тот период вызывала обеспокоенность и внутри самого духовенства[357].

Второе направление было связано с преодолением сословной замкнутости духовенства. В художественных очерках Харламов рисует состояние сословной разобщённости между священством, церковнослужителями и крестьянством. В этой связи характерен вопрос членов сельского мира к церковным живописцам в очерке «Стенное писание»: «На мир или на попа хочет он потрафить?.. Коли на мир, давай разговоры заводить, а коли на попа, так проваливай!»[358]. Подчеркнём, что это противостояние Харламов видит даже в «хлопотах для Бога». По мнению народника, особое духовное сословие, «по нынешнему времени – учреждение невозможное, не ему играть какую-нибудь роль в будущем развитии русской жизни»[359].

---

[356] *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. С. 32.
[357] На эту тенденцию указывает, например, Т.Г. Леонтьева – см.: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 23.
[358] *Харламов И.Н.* Стенное писание (Очерк) // Дело. 1882. №7. С. 242.
[359] *Его же.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 92 (20.11). С. 4.

Меры по преодолению сословной замкнутости духовенства, с точки зрения народника, предполагали реформирование низших и средних духовных учебных заведений и выбор священников и церковнослужителей из крестьянской среды. Семинария, в том виде, в каком она существовала, по словам публициста, отжила свой век, и со временем её необходимо будет передать в руки народа. Харламов предлагал реорганизовать программу обучения в духовных училищах и семинариях и подготовки к священству. Общий курс (духовное училище и семинария) предлагалось сократить с десяти до шести лет, упразднив низшие классы семинарий. В примерный учебный курс входили такие предметы, как арифметика, русская гражданская и церковная история, география России, закон Божий, богословие[360].

Выбор и обучение кандидатов на священнический сан из крестьянской среды давал бы возможность крестьянину «поднять уважение к своей личности <…> развить в нём сознание, что он действительно человек, а не только платёжная единица»[361]. Предвидя возможные возражения скептиков по поводу компетентности будущих пастырей, Харламов замечал, что «…пока общий уровень народного образования не возвысится, "образованный" священник из семинаристов этого уровня не возвысит, как не возвысил до сих пор…»[362]. Таким образом, проблема повышения авторитета духовенства в обществе, преодоления «кризиса доверия» решалась Харламовым исходя из народнических позиций – в рамках обеспечения *народного* просвещения и была им наиболее детально разработана.

Примечательно, что подобные идеи, хотя, безусловно, из иных соображений, высказывал обер-прокурор К.П. Победоносцев. Рассуждая о том, как решить проблему материального обеспечения сельского духовенства, обер-прокурор признавался С.А. Рачинскому: «Пастыри церковные для народа всего проще могли бы… образовываться из той же

---

[360] *Харламов И.Н.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 92. С. 2.
[361] Там же. С. 3.
[362] Там же.

среды народной, не возвышая в себе чрез меру ни потребностей, ни учёного высокого мнения»[363]. Здесь, на первом плане оказывалось не просвещение народа, а, как полагает А.Ю. Полунов, недоверие К.П. Победоносцева к «сложной высокой культуре, развитой индивидуальности», и, тем самым, отрицалась важнейшая пореформенная идея – «создание слоя обеспеченных и культурных пастырей»[364]. Предложение о назначении священников-простолюдинов, сформулированное К.П. Победоносцевым и епископом Амвросием Дмитровским, было разослано обер-прокурором (без подписи) в октябре 1880 года и вызвало неприятие со стороны высшего духовенства. В частности, епископ Владимирский выражал сомнение, что священники-простолюдины «должным образом поведут себя во время чрезвычайных государственных событий, когда на них ляжет особая политическая ответственность»[365]. Приведённый отзыв ценен тем, что позволяет спрогнозировать реакцию высшего духовенства на схожие идеи, высказанные Харламовым на страницах либеральной «Страна» в тот же период (ноябрь 1880 года).

Харламов также акцентировал внимание читающей публики на том, что духовенство образует «служебно-чиновничью иерархию», а государство налагает на него «известные политические обязанности». Следовательно, власти должны «дать и обеспечение духовенству так же, как и остальному чиновничеству»[366]. О том, что данная проблема действительно была значимой в рассматриваемый период свидетельствует тот факт, что к началу 90-х годов XIX века лишь 18 тыс. причтов состояли на государственном обеспечении[367]. В качестве альтернативы Харламов предлагал духовенству обратиться к прихожанам с тем, чтобы «присчитать его доход к земским

---

[363] НИОР РГБ. Ф. 631. Письма к С.А. Рачинскому. 1881, январь-август. Л. 124. К.П. Победоносцев в письмах к друзьям // Вопросы литературы. 1986. № 4. С. 279-280. – цит. по: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. С. 47-48.
[364] *Полунов А.Ю.* Указ. соч. С. 48.
[365] Там же. С. 48-49.
[366] *Харламов И.Н.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 92 (20.11). С. 3.
[367] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории церкви. 1700-1890. М., 1893. С. 186. – цит. по: *Леонтьева Т.Г.* Указ. соч. С. 29.

сборам», а также ходатайствовать о помощи монастырей. По словам А.Ю. Полунова, светские издания предлагали обеспечить священникам жалованье за счёт прихожан, введя выборность клириков, однако духовные лица были против этой меры, отдавая предпочтение казённому жалованью[368].

Сходные с Харламовым мысли в это время высказывал и публицист-народник Г.З. Елисеев в «Отечественных записках». Он также предлагал альтернативу: либо включить священника в ряды чиновников, но «чиновником приличным, который взяток не берёт, тем более не прибегает к вымогательству, не занимается кулачеством и вообще никакими компрометирующими священный сан способами наживы», либо, что лучше, «пусть государство уничтожит духовенство как касту, пусть уничтожит духовные школы, низшие и средние, и предоставит, как было в древнее время, самому обществу приискание священников для себя, где и как оно знает»[369].

К этому следует добавить, что в лице дворянского сословия он также видел непригодных учителей» для народа, что вполне закономерно вписывается в народническую доктрину.

Таким образом, представленные выше взгляды Харламова, во-первых, можно рассматривать как народническую реакцию на половинчатый характер церковной реформы, проводимой государством наряду с прочими реформами. Во-вторых, очевидно, что пути преобразования института церкви в условиях пореформенной России виделись исследователю сквозь призму идеи народной пользы. Такая позиция представляется не случайной. Русский религиозный философ С.Л. Франк, размышляя на страницах известного сборника «Вехи» о русской интеллигенции, подчёркивал, что «и чистая наука, и искусство, и религия – несовместимо с морализмом, со служением народу; всё это опирается на любовь к объективным ценностям и,

---

[368] *Полунов А.Ю.* Указ. соч. С. 46.

[369] Цит. по: *Бик-Булатов А.Ш.* Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 86.

следовательно, чуждо, а тем самым и враждебно той утилитарной вере, которую исповедует русский интеллигент»[370].

Рассматриваемый период отличался обострением дискуссий вокруг проблемы иноверия. В них включились многие либеральные газеты, например, «Голос», «Неделя», «Новости», «Порядок», «Русские ведомости», как отмечает А.Ю. Полунов, отстаивали идею свободы совести, как одну из основополагающих общественных свобод, а также требовали «бороться с иноверием чисто духовными средствами», стремясь при этом к «деэтатизации» общества[371]. Схожие мысли по поводу действий официальной церкви в отношении религиозных меньшинств выражала и славянофильская газета «Русь». Закономерно, что противоположные высказывания исходили от иерархов Русской Православной церкви, которые можно встретить на страницах «Церковного вестника».

Свобода совести, – настаивал Харламов, – не роскошь, не причуда, не разрушительное начало государства, – а потребность святая, высокая, неискоренимая. Это прирождённое право разумного существа, это стихия, без которой, как без воздуха, немыслима уважающая себя и других и верующая личность»[372]. В рамках этой проблемы на страницах «Страны» Харламов адресовал немало упрёков представителям господствующей церкви по поводу борьбы со старообрядцами и религиозными сектантами. По его мнению, духовенство «всегда так стремилось оправдать своё бессилие и бездействие ввиду раскола и свалить тяжёлую обузу борьбы с ним на плечи государства»[373]. Государство же, как в случае и с общественными движениями, должно оставаться «над схваткой». Народник полагал, что определение правильности или ложности религиозного учения выходит за рамки компетенций государства. Принципиальным является утверждение Харламова о необходимости уравнять в правах различные вероисповедания

---

[370] *Франк С.Л.* Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011. С. 222.
[371] *Полунов А.Ю.* Указ. соч. С. 98.
[372] *Харламов И.Н.* Современное значение раскола // Страна. 1880. № 64 (17.08). С. 3-4.
[373] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 8.

«не раздачей новых привилегий, а уничтожением привилегий, данных одним в ущерб другим». При этом он оговаривался, что «…требование свободы для верований преследуемых ещё не исключает уважения к верованию, пользующемуся официальным признанием»[374]. В этом отношении он горячо поддерживал закон от 3 мая 1883 года, согласно которому нетерпимость по отношению к старообрядцам и сектантам сменила, пусть и неустойчивая, изменчивая терпимость[375]. Харламов поднимал интересную проблему браков между представителями разных религий, а также различных течений одной религии. Для решения столь непростой коллизии он предлагал ввести гражданскую регистрацию браков, дабы уравнять в правах представителей различных религиозных вероисповеданий. Высказанные народником идеи стали частично реализовываться лишь спустя два десятилетия в связи с Именным указом императора от 17 апреля 1905 года.

Развивая идею свободы совести, Харламов высказывал убеждение, что церковь со своей стороны могла бы оказать помощь государству в борьбе с революционной угрозой: «Религия <…> является оплотом против революционных учений; но таким оплотом, конечно, религия может служить только тогда, когда она *свободно* вынашивается в душе человека, когда для проявления религиозной мысли нет никаких стесняющих рамок, никаких мертвящих уз авторитета»[376]. Тем самым, эффективность социального института церкви в профилактике деструктивных политических процессов обуславливалась реализацией требования свободы совести.

Закономерным представляется вопрос о месте Харламова в интеллигентской среде и о его отношении к народническому движению.

Анализ текстов Харламова позволяет утверждать, что термин «народничество» им употреблён лишь единожды в отношении третьих лиц.

---

[374] *Харламов И.Н.* К вопросу о веротерпимости // Русский курьер. 1880. № 256 (20.09). С. 1, № 263 (27.09). С. 4.

[375] Подробнее о законе 3 мая 1883 года см.: *Александров И.А.* Закон от 3 мая 1883 года и трансформация ответственности сектантов за некоторые религиозные преступления // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 7-10.

[376] *Харламов И.Н.* [Рецензия] // Страна. 1881. № 47 (21.04). С. 5-6. – Рец. на ст.: *Антропов Л.Н.* Русские раскольники и английские диссиденты // Русская речь. 1881. № 4 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).

Себя он народником не именовал. Подобная ситуация вполне объяснима: «“Легальное народничество” – не самоназвание, – полагает Г.Н. Мокшин. – Большинство сторонников эволюционного пути к крестьянскому социализму считали себя демократами, но не народниками. Дело в том, что в легальной печати 1880-х – начала 1890-х гг. народничество ассоциировалось с крайним его представителем – И. И. Каблицем»[377]. Иллюстрирует эту проблему и реакция Н.Н. Златовратского: «Когда мне приходится н разных журфиксах об этом пресловутом народничестве разговоры разговаривать, – признавался он А.И. Эртелю, – я теряю всякую способность понимать и себя и своего собеседника, потому что у меня от всяких там разных категорий да теорий – в глазах рябит только. Но вот, когда, как например, недавно, подряд три дня ко мне заявляются разные «живые души» и, чуть не ломая руки, стонут стоном сердца и вместо разных вопросов: – в чём же, наконец, ваша программа? – заикаясь, дрожа, волнуясь, спрашивают – жить им завтра или нет? Наслаждаться благами любви с возлюбленной, или пустить пулю в лоб? Где и в чём смысл их жизни? – тогда для меня всё ясно: я понимаю и себя, и своего собеседника, и так называемое народничество»[378]. К сказанному следует добавить, что народником Харламов не именовался и в опубликованных некрологах, и в работах его современников – В.П. Воронцова, Г.В. Плеханова, А.В. Смирнова. Можно говорить о том, что Харламов относил себя к интеллигентам-разночинцам.

Тем не менее, присутствие определения «народнический» в названии диссертационного исследования требует прояснения. Харламов формально не входил ни в какие кружки или объединения. Близость во взглядах с Н.Н. Златовратским проявлялась и в жизни, и в творчестве Харламова, а вот упоминаний имён таких народнических лидеров, как Л.П. Лавров, М.А.

---

[377] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 33. См. также: *Козьмин Б.* «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 116-135 (Электронный ресурс: https://voplit.ru/article/narodniki-i-narodnichestvo/ – дата обращения 31.10.2022); *Зверев В.В.* Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2008. № 4. С. 56.

[378] ИРЛИ РАН. Архив Златовратского. Письмо от 21 ноября 1885 года. Рукопись (копия). Цит. по изд.: *Буш В.В.* Указ. соч. С. 11.

Бакунин, П.Н. Ткачёв, Н.К. Михайловский, в эпистолярном наследии и работах Харламова не обнаружено. Подобную ситуацию в отношении Н.Н. Златовратского отмечает С.Б. Михайлова: «О влиянии идеологов народничества (Лаврова, Бакунина) Златовратский никогда не говорил. Даже влияние видного публициста Н.К. Михайловского происходило скорее в общелитературном плане, хотя несомненно, что народническая направленность его статей играла известную роль в формировании идейных и эстетических взглядов начинающего писателя»[379].

Об идейных склонностях Харламова мы можем судить косвенно, например, исходя из направленности изданий, в которых он публиковался. «Русское богатство», «Дело», «Древняя и новая Россия», «Страна», «Русские ведомости» – все они имеют либеральный, демократический или народнический оттенок. Издания, которым симпатизировал Харламов – «Отечественные записки», «Современник» – тоже из их числа. Резкая критика в адрес «Руси», «Московских ведомостей» – свидетельства в пользу неприятия консервативно-славянофильских взглядов. В кругу его знакомств наверняка были представители разных течений народничества, включая революционного, о чём речь шла выше. Выбор мест службы – редакция «Страны», Смоленское земство – аргументы в пользу легальных методов деятельности. Эпистолярное наследие Харламова невелико, поэтому не может оказать значительную помощь в ответе на поставленный вопрос. Таким образом, нам остаётся в основном опираться на его произведения.

Сочетание идей позитивизма, марксизма и эволюционизма, с одной стороны, и особого отношения к крестьянству, поиск возможных альтернатив капиталистическим отношениям свидетельствует о своеобразном синтезе во взглядах Харламова идей западников и славянофилов. Эту особенность в мировоззрении народников отмечает отечественный исследователь Г.Н.

---

[379] *Михайлова С.Б.* Н.Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в.: Дисс. … к. филол. н. Л., 1971. С. 57.

Мокшин[380]. Напомним, однако, резкие высказывания Харламова в адрес славянофилов. Внимание, уделяемое вопросам эволюционного общественно-исторического развития, закономерностям общественных отношений, наводит на мысль о близости взглядов народника кругу сторонников эволюционного пути развития общества – И.С. Тургенева, Л.А. Полонского и Я.В. Абрамова[381]. Признание исторической неизбежности распространения капитализма в России свидетельствует о расхождении во взглядах с В.П. Воронцовым. Внимание, проявляемое Харламовым к политическим вопросам, также не позволяет безоговорочно причислять его к категории сторонников теории «малых дел», вместе с тем нет и убедительных доказательств в пользу его непосредственного участия в политической деятельности. Зачастую критические оценки, которые он даёт тем или иным народникам касаются, как правило, их публицистических произведений или беллетристики. Подобные высказывания в его текстах можно встретить в адрес В.П. Воронцова, А.С. Пругавина, И.И. Каблица, Я.В. Абрамова, А.И. Эртеля, Г.И. Успенского и др.

Призыв к равноправному диалогу между интеллигенцией и народом, признание того, что интеллигенция должна оставить идею о роли народного вожака, активная роль государства в общественной жизни, внимание к земствам – всё сказанное позволяет утверждать, что Харламова нельзя отнести к крайне левым или правым народникам. Г.Н. Мокшин говорит о том, что позицию между левым и правым флангами народников занимали центристы, именуемые «практическим» или «созидательными» народниками. К их числу он относит Я.В. Абрамова, В.П. Воронцова, Н.Н. Златовратского, Г.И. Успенского, М.А. Протопопова, С.Н. Кривенко, П.В. Засодимского, А.М. Скабичевского[382]. Несмотря на противоречия с некоторыми из них по

---

[380] *Мокшин Г.Н.* Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. … д.и.н. Саратов, 2010. С. 23.

[381] *Головко В.М.* Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я.В. Абрамова // История и историография правого народничества: Сборник статей. Воронеж: Истоки, 2014. С. 200.

[382] *Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. С. 49-50, 58, 122.

отдельным вопросам, о чём говорилось выше, Харламова, по всей видимости, следует отнести к этому кругу.

2.3. Правовые взгляды

Правовые взгляды Харламова вписываются в представленную выше схему противостояния индивидуального и коллективного начал, пронизывавшее все сферы жизни, она «отражается и на всём складе народных верований и воззрений на природу и общественные отношения, на всей народной нравственности, а тем самым и на народном праве»[383]. Правовые взгляды, в том числе соображения по гендерному вопросу, нашли отражение в очерках и статьях Харламова «Женщина в русской семье», «Юридические журналы», «Столкновение закона и обычая», «Старообрядческое братство», «Веротерпимость и брак», «Заметка о женских врачебных курсах», рецензии на книгу П.Е. Березанского «Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии», опубликованные в журнале «Русское богатство», газетах «Русский курьер», «Страна». В своих работах исследователь опирался на труды С.В. Пахмана, А.Я. Ефименко, Е.И. Якушкина, Н.В. Калачова, В.И. Сергеевича, П.Е. Березанского, М.И. Зарудного, Г. Данкварта, Э. де Лавеле, К.А. Неволина и др.

В рассмотренных работах Харламов не дал общего анализа правовой системы и её эволюции, сосредоточив внимание на исследовании обычного права, продолжавшего и в пореформенный период играть огромную роль в жизни подавляющей части населения страны[384], а также брачно-семейного права. В вопросе развития государственно-правовых отношений принципиально важным является утверждение народника, что процесс замещения обычая законом, как регулятором общественных отношений,

---

[383] *Харламов И.Н.* [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 583. – Рец. на кн.: *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов ун-та св. Владимира. Киев, 1880.

[384] *Браславский Р.Г.* Социологический диагноз правовой культуры дореволюционной России // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. Материалы международной научной конференции 15-17 ноября 2007 г. Санкт-Петербург. СПб, 2007. С. 18.

происходил параллельно с процессом разделения интересов большинства и меньшинства, при этом закон исходил от меньшинства, и имел целью «охранить его привилегии, приобретённые путём насилия»[385]. Данная точка зрения имела широкое распространение в демократической среде второй половины XIX века. По мнению современного исследователя Г.В. Шалашникова, представление о праве как о «навязанной доктрине поведения состоятельным меньшинством в своих корыстных интересах» послужило основой критики народниками идеи торжества права как универсального начала социального бытия[386]. Очевидно, что приведённое выше утверждение Харламова, касающееся общественно-политических систем, коррелирует с рассмотренным в предыдущем параграфе суждением о политогенезе.

Прозрачность судебной системы, гласность, критика существующих недостатков, поскольку «ничто больше не содействует возвышению правосудия, морализации суда, как подобная критика» должны сыграть, по мнению Харламова, важную роль в демократизации страны, укреплении правового государства, противодействии бюрократизации и коррупции[387]. Подобные идеи Харламова, высказанные ещё родоначальниками народнического движения, вписываются в рамки традиционной народнической идеологии. Очевидно, что в этих словах содержится также намёк на необходимость смягчения политической цензуры.

В области современного Харламову крестьянского правосудия исследователь представляет противостояние индивидуального и коллективного начал через столкновение формального греко-римского права – с одной стороны, и обычного – с другой. Обычное право, по мнению Харламова, представляло собой особый вид права, определяющийся крестьянским традиционным правосознанием, и отличный от официальной правовой системы. Подобной точки зрения в отечественной науке того

---

[385] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 90.
[386] *Шалашников Г.В.* Этические категории в народнической традиции русской философии права третьей четверти XIX века // Философия права. 2008. № 1. С. 13.
[387] *Харламов И.Н.* Юридические журналы // Страна. 1881. № 42 (07.04). С. 5.

периода придерживались А.Я. Ефименко, Е.И. Якушкин, И.Г. Оршанский, К.Р. Качоровский[388] и др. Идея органического происхождения норм обычного права и искусственности, произвольности формальных правовых норм конкретизирует описанную выше схему общественно-политических систем, отстаиваемую Харламовым. Столкновение различных правовых норм в крестьянской среде народник рассматривал на материале деятельности волостных и общественных крестьянских судов, исследований семейных взаимоотношений в традиционных крестьянских и «культурных» (городских) семьях.

Волостной суд по крестьянским делам являлся по своему характеру сословным судом и не входил в систему судов, введённую уставами 1864 года. Его эволюцию он основывает на работе Н.В. Калачова «О волостных и сельских судах в древней и нынешней России», выводя волостной суд из слободского суда, сложившегося естественным образом к XVI–XVII векам. «община становилась центром волости, в ней жили выборные, в ней творился суд»[389], – размышлял Харламов. Здесь очевидным образом прослеживается взаимосвязь общинного устройства и волостного суда. При этом названный суд на современном для Харламова этапе виделся ему не собственно народным судом, а лишь «административно-полицейской расправой»[390]. Может сложиться впечатление, что волостному суду народник противопоставляет сельский суд, общественный по характеру, не санкционированный правительством, основанный на положениях обычного права. Именно такой суд, считал исследователь, служит «главнейшим прибежищем обычной народной правды». Он видел преимущества общественного суда, прежде всего, в неподкупности судей и наличии авторитета среди местного населения, поскольку «старики» выбираются

---

[388] *Браславский Р.Г.* Социологический диагноз правовой культуры дореволюционной России. С. 19.
[389] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 564. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.
[390] *Там же*. С. 583.

«действительно из лучших, исправных, воздержанных, независимых и умных домохозяев»[391], отсутствии бюрократической волокиты, доступности для сельского обывателя – «ввиду однородности общинного мировоззрения». В перечисленных преимуществах общественного суда мы в очередной раз можем отметить приоритет этического фактора как главного социального регулятора и недооценку правового начала, свойственную народникам[392], в том числе и Харламову.

При более детальном знакомстве с работами исследователя становится очевидным, что при всех различиях двух описанных выше типов судов взаимоотношения между ними в пореформенную эпоху не вписывались в схему простого противостояния. Волостной суд, отмечал народник, «как ни сильно здесь влияние законника писаря, – массу дел решает на основании правовых обычных понятий своих»[393], т.е. руководствуясь нормами обычного права, отличными от норм гражданского права. Современный исследователь Э.Х. Хабибова подчёркивает влияние обычного права на официальное нормотворчество, где «целые отрасли права (как, например, крестьянское право) отражали его, но вместе с тем они всегда отделялись от публично обсуждающихся отраслей, их статус в обществе всегда был ниже, чем статус заимствованных отраслей права и институтов»[394]. Более того, участие крестьян в институте суда присяжных, где они руководствовались привычными для себя нормами, свидетельствует о расширении сферы влияния обычного права на области законодательного регулирования. Тем самым, можно говорить о том, что народ выступал в качестве

---

[391] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 570. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.

[392] *Шалашников Г.В.* Этические категории в народнической традиции русской философии права третьей четверти XIX века // Философия права. 2008. № 1. С. 17.

[393] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 580. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.

[394] *Хабибова Э.Х.* Исследования народной жизни А.Я. Ефименко: субъективизм русского обычного права // Сумма философии. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 185.

правотворческого субъекта. В связи с этим Харламов признавал, что волостной суд, несмотря на очевидные недостатки, всё же «свой, крестьянский суд». Этим народник объяснял выбор крестьян в пользу волостного суда перед мировым судьёй, поскольку мировой суд – «барский, панский»[395], подтверждение этому можно найти в диссертационном исследовании М.В. Немытиной[396]. Здесь же необходимо отметить проявление традиционализма крестьянского мышления. Изменения в деятельности волостных судов с принятием закона 1889 года, значительно ограничивавших их самостоятельность, Харламов уже не застал.

Тем самым, исходя из логики Харламова, волостной суд занимал некое промежуточное положение между общинным и официальным судом[397]. Не вызывает сомнения, что критика волостных судов, которую он высказывал, кардинально отличалась от критики, шедшей стороны консервативных кругов в адрес судебных уставов 1864 года.

Происходившие в пореформенной российской деревне социально-экономические процессы неминуемо накладывали свой отпечаток и на общественные суды. Развитие капиталистической конкуренции, как уже отмечалось выше, являлось, с точки зрения Харламова, одним из проявлений индивидуализма. «Новые люди» деревни, противопоставляя себя сельскому миру, всё чаще прибегали к административному суду, либо стремились подчинить общественный суд своим интересам. Кроме того, в деревне эта борьба выдвинула на первый план новую разновидность общественного суда – суд «по человеку», «по обстоятельствам». Названный суд, пришедший на смену суду «по старине», Харламов рассматривал в качестве основного

---

[395] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 569. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.

[396] *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс. на соискание уч. ст. д.ю.н. М., 1999. С. 189.

[397] Сходное мнение высказывает Т.В. Шатковская – см.: *Шатковская Т.В.* Правовой быт российских крестьян второй половины XIX века. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Ростов-на-Дону, 2000. С. 29.

современного юридического обычая[398]. Следствием описанной тенденции явилось крайнее разнообразие мнений, так что по самому элементарному вопросу оказывалось «столько умов, сколько голов». Отмеченную народником особенность стоит рассматривать в более широком контексте, поскольку она была характерна не только для общественных судов, но и сельских сходов, которые попали под влияние «либо зажиточных хозяев, либо шумных “горлопанов”[399].

Таким образом, во-первых, отмеченная Харламовым тенденция усиления индивидуализма, затрагивавшая в том числе и правовую сферу, представлена народником как универсальный процесс. Во-вторых, рисуя картину столкновения различных типов судов, Харламов, на наш взгляд, заострял перед читателем проблему существования правовых крайностей пореформенного периода: объективизма и формализма административного суда и явного субъективизма суда общественного. Наряду с очевидным сожалением по поводу исчезновения «народной правды» из среды сельского судопроизводства, Харламов признавал историческую неизбежность и закономерность действия единых общественно-исторических процессов.

Какой же выход был возможен в данной ситуации? Наиболее оптимальным, с точки зрения народника, было бы «согласить обычай и закон, в чём давно явилась потребность»[400]. Тем самым позиция Харламова может быть охарактеризована как компромиссная: народник старался учесть и сложившиеся народные традиции общественного суда, и современные социально-правовые реалии. Однако, необходимо заметить, что исследователь не конкретизировал свою идею. В целом, можно констатировать, что правовая система пореформенной России,

---

[398] *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 582-583. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.

[399] *Харламов И.Н.* Организация крестьянских переселений // Страна. 1881. № 122 (15.10). С. 2.

[399] *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 179.

[400] *Харламов И.Н.* Столкновение закона и обычая // Страна. 1881. № 66. (07.06). С. 2.

эволюционировавшая в направлении европейского законодательства, но сохранявшая при этом сословные признаки (волостные суды по крестьянским делам, нормы обычного права), отражала существовавшие на тот момент противоречия российского общества.

Не менее остро стоял вопрос о свободе личности общинника. Харламов стремился занять здесь компромиссную позицию, отвергая как мнение некоторых безоговорочных защитников общины, так и сторонников её упразднения. По мнению народника, община могла ограничивать лишь экономическую свободу своих членов, да и то в определённых рамках: «только тогда на вас накладывается тягло, когда вы уже можете зарабатывать на подати сами»[401]. При этом личная свобода ограничивалась не членами общины, а теми неписаными правилами, которым добровольно следовал крестьянин-общинник, т.е. нормами обычного права. Давая «свободы личности» и обеспечивая наилучшие условия для полноценного развития индивидуальности (не индивидуализма) своим членам, община тем самым соблюдала, по мнению Харламова, баланс между индивидуальными и коллективными интересами. Вопрос о соотношении общинных и частных интересов является дискуссионным, среди исследователей более распространённой является точка зрения о преобладании общественных интересов над личными[402].

Признавая стремление народника к объективности, необходимо, тем не менее, отметить известную категоричность и односторонность его позиции: сельские жители, покинувшие общину (кулаки, лавочники, приказчики, извозчики и пр.), представлялись Харламову «лишними людьми», наглядной иллюстрацией чему служат его художественные очерки. Главными персонажами многих из них являются люди из народа, которых объединяет стремление преодолеть жизненные трудности и найти себя в жизни вне

---

[401] *Харламов И.Н.* Факты общинного владения // Московское обозрение. 1878. № 1. С. 44.

[402] См., например: *Шатковская Т.В.* Правовой быт российских крестьян второй половины XIX века. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Ростов-на-Дону, 2000. С. 17; *Давыдов М.А.* Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнительно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 1. С. 13.

сельского мира. Все они, в той или иной степени, терпят неудачу и имеют шанс найти спасение только в деревне, в тяжёлом повседневном крестьянском труде, поскольку развитие индивидуальности бывшего представителя сельского мира возможно только в общине[403].

Различия коллективного и индивидуального начал в сфере *семейно-правовых отношений* наглядно представлены Харламовым в работе «Женщина в русской семье»[404] через противопоставление организации традиционной (сельской) и «культурной» (городской) семьи. В основе устройства традиционной семьи народник, следуя модели обусловленности юридических институтов экономическими отношениями, видит экономический фактор: семья, по его мнению, «не столько родственный, сколько экономический союз»[405].

В рамках сказанного можно рассматривать изучаемые Харламовым исторические формы брака: «договорный брак» и «брак через захват». «Договорный брак» народник характеризует как основанный на взаимном согласии родителей и детей. Важную роль здесь играло приданое невесты, при наличии которого договорный брак, по мнению исследователя, не только «обеспечивает личность и права женщины в семье мужа», но и вносит равенство в отношениях между супругами. Выдвигая тезис о распространённости договорной формы брака в догосударственный период на Руси, Харламов приходит к существенному заключению о том, что у славян в рассматриваемую эпоху «уже имело место значительное развитие личности, её требований и завоеванных ею прав». Следствием данного процесса, по мнению народника, явилось признание личности женщины «равной личности мужчины во всех отношениях первобытной жизни»[406]. В случае же «захватного брака», полагал Харламов, «на жену давит всей силой

---

[403] *Харламов И.Н.* Факты общинного владения. С. 46. Подробно эта проблема рассмотрена в параграфе 3.1.
[404] Дата и место публикации работы – в 1880 году в журнале «Русское богатство», редактируемом Н.Н. Златовратским, совпадает с интересом последнего к проблематике обычного права – см.: *Буш В.В.* Очерки литературного народничества 70 – 80-х гг. М.; Л., 1931. С. 155-156.
[405] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 77.
[406] Там же. С. 72.

деспотизм мужа, она становится вещью, которой муж может распоряжаться по своему желанию»[407].

Существенную роль в вопросах семейно-правовых отношений исследователь видел во влиянии религиозных норм. В соответствии с церковным законодательством, как отмечал Харламов, в процессе устройства брака почти устраняется свободное согласие самих молодожёнов. Муж, согласно церковно-нравственному учению – глава жены и семьи, поэтому он должен «держать семью в страхе Божьем, наказывать детей и держать жену в послушании»[408]. На основе этого народник делал вывод, что церковь проводила в своих решениях «совершенно чуждые общинному строю начала греко-римского права»[409].

Актуальным в пореформенный период был вопрос статуса супружества. Современный американский исследователь Г. Фриз отмечает, что «к началу XIX века церковь создала административный аппарат (оснащённый должной документацией), обеспечивавший беспрецедентный контроль над браком»[410]. Данная тенденция была закреплена в «Уставе духовных консисторий 1841 года». В итоге, по мнению исследователя, развод оказывался фактически невозможной процедурой, «как того и желала церковь».

Г. Фриз отмечает значительное расхождение, выраженное в различном видении брака: официальное православие основывалось на сакраменталистской позиции, в то время как миряне разделяли секулярное воззрение, основанное либо на патриархате, или современной идее партнёрства в браке[411]. В противовес религиозной традиции Харламов отстаивает прагматичный секулярный взгляд на брак, как на форму гражданского договора, поднимает актуальную для пореформенного периода

---

[407] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 69.
[408] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 92.
[409] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 81.
[410] *Фриз Г.* Мирские нарративы о священном таинстве: Брак и развод в позднеимперской России // Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII-XX вв.): Сборник научных работ / под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 126.
[411] Там же. С. 124-125.

проблему разрыва между официальным и народным православием. Закономерно, что Харламов, выражая современные секулярные взгляды, находил аргументы для их обоснования в общинных традициях.

Практика гражданской регистрации брака, по мнению народника, могла бы решить проблему заключения брачных союзов представителями разных вероисповеданий и дополнить то, чего не давал церковный обряд – «сознание нравственной и юридической ответственности за обязательство, принятое при свидетелях, в присутствии гражданской власти»[412]. Исходя из этого, и проблема супружеских разводов рассматривалась им как один из аспектов гражданского договора: его прекращение могло бы происходить в присутствии общины, как коллективного свидетеля, в том случае, когда нравственная связь в семье нарушена. В данном случае исследователь, руководствуясь народническими установками, сосредоточивал внимание на традиционном сельском населении.

Важными показателями, характеризующими различия между «культурной» и традиционной семьёй, являются способы организации власти в семье и отношение к собственности. Формирование семейной системы, основанной на принципе руководства/подчинения, начинается, по мнению исследователя, прежде всего, в семье представителя знати, «лучшего» человека, выделившегося из общины и противопоставившего свои интересы интересам рядовых общинников. Как видим, здесь исследователь применяет рассмотренную выше схему развития индивидуализма как источник не только социальных, но и внутрисемейных конфликтов.

Община, считал Харламов, всегда противопоставляла развивающейся семейной власти свою власть, «принимая под свою защиту приниженную личность, наказывая обидчика, даже разводя брачную пару, если уже не действуют так называемые дисциплинарные меры»[413]. Благодаря этому сохранялось постоянно колеблющееся равновесие в общинной жизни.

---

[412] *Харламов И.Н.* Веротерпимость и брак // Русский курьер. 1883. № 126 (22.07). С. 2.
[413] *Его же.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 96.

Проявления равенства и солидарности в современной (на тот момент) семье общинника народник расценивал как итог закономерного исторического развития института общины. Исключения из этого правила, безусловно, имели место – Харламов не отрицал их существования, однако истоки этих явлений он усматривал в деморализующей среде «города».

Образцом для исследователя служила «отделённая» (нуклеарная) семья, принадлежавшая к сельскому обществу. Супруги в такой семье, по мнению Харламова, имели «равное участие в семейных делах, и равное право ручательства в общем имуществе, и равную ответственность одного супруга за другого»[414]. Это роднит взгляды Харламова с трудовой теорией происхождения собственности в крестьянской среде, разработанной А.Я. Ефименко. Современный исследователь Г.В. Лаухина отмечает, что Харламов справедливо указывал на взаимосвязь женского крестьянского труда и прав женщины внутри семьи[415]. В отношении положения женщины в допетровской Руси Харламов расходился во мнениях с А.П. Щаповым, считавшим, что личность женщины, как «богообречённой рабы мужа, и в нравственно-юридическом отношении была несамостоятельной, бесправной, и подчинена была юридической гегемонии мужчины»[416]. На это расхождение указывает в своей работе М.Г. Муравьева[417]. В этой связи стоит отметить дискуссионность вопроса женского статуса в крестьянской семье как среди исследователей XIX века, так и в современной историографии[418].

Описывая характер отношений в традиционной семье, Харламов касался проблемы существования больших родовых семей, сохранявшихся во второй половине XIX века. Большему развитию личности, расширению её

---

[414] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 72-73.
[415] *Лаухина Г.В.* Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX в. – начало XX в.). Автореферат дисс. … к. и. н. Тамбов, 2012. С. 5.
[416] *Щапов А.П.* Положение женщины в России по допетровскому воззрению // *Щапов А.П.* Сочинения. Т. 2. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1906. С. 11.
[417] *Муравьева М.Г.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII века // Электронный научный журнал «Социальная история». 2013. Выпуск 1 (1). С. 82.
[418] Подробнее об этом вопросе см.: *Муравьева М.Г.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII века. С. 82-83; *Лаухина Г.В.* Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX в. – начало XX в.). С. 7.

«умственно-нравственного горизонта» сопутствовал естественный процесс сокращения численного состава семьи, дробление больших семей на малые. Искусственная задержка этого процесса оказывала, по мнению Харламова, негативное влияние на крестьянские семьи, способствовала проявлению семейного деспотизма. Неизбежным протестом против него являлись семейные разделы, поддержанные общиной и составившие «хороший противовес против деморализующих влияний»[419]. При этом крепостное население и жители городов были в той или иной степени лишены подобной поддержки со стороны общины. В данном суждении, очевидно, отражена позиция типичного народника. Именно малая семья, по мнению исследователя, имела перспективы на существование. В этом отношении Харламов в своих взглядах был близок к А.Я. Ефименко, считавшей, что малой семье «принадлежит будущее»[420]. Здесь стоит отметить, что процесс сокращения родовых семей и рост популярности малой семьи – одно из знамений времени, связанное, прежде всего, с развитием промышленности. Поддержка института нуклеарной семьи, идеи эмансипации, расширяют, таким образом, стереотипное представление о взглядах народников как идейных традиционалистов. Примечательно, что государством в этот период в рамках реализуемых контрреформ проводилась линия на усиление патриархальных начал, которая была закреплена в законе 1886 года, регламентировавшая (фактически – ограничивавшая) практику семейных разделов.

Значительной ролью общины объясняется, по мнению исследователя, доступность разводов в семьях общинников. Важно отметить, что практику разводов в традиционных семьях он рассматривал не как проявление непрочности брачных уз, а как свидетельство реализации гражданских прав супругов – «полной возможности и свободы развития»[421].

---

[419] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 85.
[420] *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Выпуск первый: обычное право. М.: Изд. В.И. Касперова, 1884. С. 67.
[421] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 108.

Семейные отношения, отношения к собственности в семье «культурного» человека (речь идёт, прежде всего, о привилегированных и зажиточных слоях общества) формировались по принципу господства/подчинения, противопоставляемому Харламовым принципу трудового равенства супругов. Характерно, что жена в подобной семье, рабски подчиняясь мужу-деспоту, «распоряжалась с полнотой власти чадами и домочадцами». Тем самым, силовая авторитарная модель поведения, воспринятая главой семьи в социуме, транслировалась на всех остальных домочадцев.

Размышляя о характере имущественных отношений в «культурной» семье, основанных на нормах современного (на тот момент) вещного права, народник приходит к выводу, что муж и жена – «по имуществу совсем чужие». Уравнителем в отношениях супругов в «культурных» семьях выступают деньги, соответственно, «каждого из супругов делают они или зависимым, или независимым, смотря по тому, у кого их больше»[422]. На наш взгляд, здесь также можно отметить приоритет этического начала над правовым, а также некоторый схематизм. Например, утверждённый в Своде законов Российской империи (в отличие от законодательства европейских стран) принцип раздельного владения супругов имуществом, рассматриваемый современными исследователями в качестве свидетельства имущественной самостоятельности женщины[423], Харламов, руководствуясь идеей совместного трудового хозяйства, представляет как недостаток.

Отражением общественной структуры и закономерным продуктом двух описанных моделей семейных отношений Харламов рисует соответствующие женские социально-психологические стереотипы. Один из них, сложившийся на почве общинно-семейных отношений народник именует типом «бой-бабы», второй, сформировавшийся под влиянием «прогресса», византизма, татарского ига и крепостного права, «которое мы

---

[422] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 60.
[423] *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. … д. ю. н. Саратов, 2011. С. 36.

знаем в виде кабалы» (отметим, что всё перечисленное Харламов ставит на одну планку) – «культурным типом».

«Бой-баба» – тип, который, по мнению исследователя, «наиболее цельно выработался в чистых условиях» народного быта. Основными чертами её характера исследователь называет практическую сметливость, развитую семейными заботами, серьёзное, деловое отношение к жизни, а также смелость и прямоту в общении с окружающими, невзирая на чины и ранги. Женщина этого типа, по мнению Харламова, «не колеблясь, выполнит принятое решение, как бы оно ни было трудно, не побоится тех людей, к которым другие подходят, творя мысленно крестное знамение и поминая "Царя Давида и всю кротость его"»[424].

«Бой-бабу» Харламов характеризует как тип активного действия, борьбы и сопротивления, не готового мириться с угнетающими условиями действительности: попадая в зажиточные семьи (кулаков, купцов и пр.), «считающих за бесчестье пускать своих жён на работу в поле и желающих устроить их "на барском положении"», подобные женщины стараются работать «хоть тайком». Если же такой возможности не представляется, то женщине грозит «принижение личности, порча типа в его нравственной основе»[425]. Основанием подобной борьбы, по мнению Харламова, является стремление личности к самосохранению и развитию. В связи с этим залогом сохранения подобного типа должно было стать признание за женщиной прав равных с мужчинами: начиная с детского возраста, далее – в выборе спутника жизни и в супружеских отношениях. Закономерно, что такая женщина, «в силу резко очерченной индивидуальности», выступает за разрушение больших родовых семей и формирование малых, нуклеарных. Как уже отмечалось выше, поддержку в этом ей могла оказать сельская община. Таким образом, перед нами портрет, сочетающий в себе черты традиционного уклада жизни и личностной эмансипации. По замечанию

---

[424] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 80-81.
[425] Там же.

Харламова, в отечественной беллетристике тип «бой-бабы» наиболее ярко выразился в девушках или вдовах, т.е. наименее социально защищённых представительницах общества, оказавшихся в кризисных жизненных ситуациях. Исследователь в своём очерке приводит примеры проявлений обрисованного им женского типа в мифах, былинах, народных песнях, свадебных обрядах, а также среди исторических персонажей.

Противоположностью «бой-бабе» является женщина «культурного» типа. Девушки, воспитанные в обстановке «теремного замка», не имели личной свободы до брака. Вполне закономерным являлось и отсутствие их согласия на вступление в брак. Поскольку брачными узами сочетались люди, совершенно незнакомые и чуждые друг другу, то и замужество, по мнению Харламова, не давало освобождения личности женщины – родительский деспотизм сменялся супружеским. Харламов видел в этом влияние «татарских обычаев XIII –XIV веков», когда начала развиваться «гаремная замкнутость женщины особенно высших классов»[426]. Рассматривая имущественные права замужней женщины в историческом процессе, народник констатирует тенденцию к их ограничению, приводящую в итоге к утрате женщиной социальной независимости: приданое постепенно переходит в собственность мужа, жена теряет необходимость трудиться, потому что эту функцию выполняет многочисленная дворня. В случае смерти мужа, при условии наличия его родственников, женщина лишается и права наследования.

Процесс утраты имущественной и социальной независимости сопровождается нравственной деградацией женщины: под воздействием плети и палки, «вековой указки чужой силы и чужой воли» «бой-баба» превращается в «жалкую женщину-самку»[427]. Против деспотизма мужа жена могла выставить свою умственную силу, хитрость, которую она развила в противовес физической силе «для более удобной борьбы за свободу своей

---

[426] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 95.
[427] Там же. С. 103-104.

личности»[428]. Проявлениями этой борьбы «исподтишка, с помощью хитрости и коварства», по мнению исследователя, могло стать увлечение знахарством, ведовством, кроме того, следствием семейного деспотизма и гаремных порядков стала нормой супружеская измена. Со второй половины XVII века, по мнению Харламова, начинается легальная борьба женщины за имущественные права – прежде всего, за право владения приданым. Таким образом, рисуемая народником картина брака, принятого в привилегированных сословиях приводила к фрустрации у женщин базовых социальных потребностей: в любви, в свободе, в уважении к личности.

Мир женщины привилегированных слоёв в реалиях пореформенной России Харламов, вслед за Н.А. Добролюбовым, именует «тёмным царством», которому свойственен фальшивый блеск: жизнь женщины определяется жаждой наслаждений, презрением к физическому и умственному труду, идеей, что её назначение – «нравиться мужчине за определённое годовое содержание – всё равно в качестве ли жены или любовницы»[429]. Пути разрешения «женского вопроса» Харламов, исходя из народнических установок, видит в «нравственном и умственном развитии личности», устройстве семьи на началах труда и равенства. Речь здесь идёт не только о зажиточных сословиях, но и о представителях интеллигенции. Залог же сохранения традиционного женского типа – в поддержании общинных устоев.

Таким образом, проведённый анализ социально-экономических, общественно-политических, правовых и гендерных взглядов Харламова позволяет выявить их особенности и общие закономерности.

Следует отметить, что народник признавал поступательное развитие капитализма в пореформенной России. Внимание Харламова привлекала этическая сторона данного процесса, который ассоциировался им с проявлениями индивидуализма, стремившегося, по мнению народника,

---

[428] *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 89.
[429] Там же. С. 106-107.

потеснить традиционный народный коллективизм. Эти проявления исследователь отмечал в различных областях – в распространении кулачества в крестьянском хозяйстве, разрушении сельской общины, усложнении практик общественного суда, семейных разделах и т.д. Тем самым, проблема распространения индивидуализма, как закономерное следствие усиления авторитарных тенденций, охватывала самые различные стороны российского пореформенного общества. В рамках системного подхода схематично её можно представить в виде горизонтально расположенных сфер жизни и вертикально пронизывающих их глобальных процессов[430]. При подобном рассмотрении проблема противостояния индивидуального и коллективного начала приобретает в текстах народника, с одной стороны, системный характер, с другой стороны, выступает некоей схематизацией, генерализацией.

Сфокусировавшись на проблемах крестьянства, исследователь видел альтернативу развивавшемуся капитализму в поддержке сельской общины, крестьянских промыслов. В противовес промышленному протекционизму, он считал необходимым сокращать размеры выкупных платежей, выстраивать грамотную последовательную переселенческую политику, препятствуя тем самым разорению и обезземеливанию крестьянских хозяйств, оттоку сельского населения в города. В области правовых отношений альтернативой официальному административному суду народник рассматривал общественный крестьянский суд, помогавший избежать некоторых недостатков официальной судебной системы – бюрократизм, произвол, коррупцию. Необходимо подчеркнуть, что Харламов был противником искусственного сохранения или насильственного насаждения общинных порядков, кустарных промыслов или общественного суда, тем самым стремясь к многоукладности общественно-экономической системы, поиску

---

[430] Подробнее об этом см.: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 242-243.

социального компромисса, укреплению идей политико-правового плюрализма.

Упомянутый выше этический аспект, связанный с идеями равенства, солидарности, приоритета трудового начала над экономическим не имел религиозной окраски, напротив, церковные институты, религиозно-правовые отношения рассматривались им в сугубо светском, народническом ключе. Во взглядах Харламова ярко проявилось стремление к традиционным демократическим ценностям – свободе слова, печати, вероисповеданий. Эти свободы он считал базовыми, способствовавшими укреплению гражданского общества, формированию равноправного гражданского диалога, гарантом которого должно было выступать государство. Как следствие, Харламов высказывался за формирование представительной формы государственного правления, реформирование и укрепление института земства, что можно рассматривать в качестве политической альтернативы. На основании сказанного можно заключить, что демократические свободы, поддерживаемые Харламовым, очевидно, имели социалистический окрас. Закономерно также, что разночинец, сын сельского священника выступал за преодоление сословных барьеров, прежде всего в отношении крестьянства и духовенства. Идеи равенства и солидарности во взглядах Харламова связаны также со стремлением выступать в отношении народа в роли не наставника, а скорее помощника, равноценного участника диалога и отрицанием интеллигентского лозунга «всё для народа, но не при посредстве его». Тем самым в работах Харламова можно проследить попытку (сознательную или подсознательную – сказать определённо нельзя) к системному рассмотрению проблем в различных сферах – социально-экономической, правовой, имущественных, межличностных и внутрисемейных отношений и выдвижение альтернативной (народнической) модели преобразований.

Взгляды Харламова по социально-экономическим, правовым и общественно-политическим вопросам, нашедшие отражение в публикациях, характеризуют его как сторонника эволюционных преобразований. Земская

служба дает право формально отнести Харламова к сторонникам теории «малых дел», однако, внимание к политическим вопросам не позволяет безоговорочно причислить его к приверженцам этой теории. Поддержка идеи диалогичности, упор на развитие сознательности среди народных масс не способствовали сближению народника с революционными кругами, хотя нельзя полностью исключать возможность сочувствия с его стороны идеям чёрнопередельцев, чему, однако, нет документальных подтверждений. В целом его можно отнести кругу центристов, наряду с Я.В. Абрамовым, В.П. Воронцовым, Н.Н. Златовратским, С.Н. Кривенко.

Перевес этического компонента над сугубо научным (правовым, экономическим или историческим), а также определённый схематизм (генерализация) в работах Харламова, неизбежно приводила к определённой односторонности. Подобная тенденция обусловлена, на наш взгляд, во-первых, прагматическими соображениями – стремлением привлечь внимание широкой читающей публики (для этих целей им был выбран жанр журнальной и газетной публицистики и беллетристики), а во-вторых – идеей служения народу, реализованной им, помимо литературной деятельности, в земской службе.

Глава III

И.Н. Харламов о нравственно-религиозных особенностях самосознания представителей пореформенного российского общества

3.1. Отражение нравственных ценностей представителей пореформенного российского общества в художественных очерках и критических статьях И.Н. Харламова

В Главе 1 отмечалось, что многие работы Харламова созданы на стыке жанров беллетристики, публицистики и научного исследования. Анализ социально-экономических, общественно-политических, правовых и гендерных взглядов писателя, проведённый в предыдущей главе, был основан на публицистических работах народника. Вместе с тем, нельзя обойти стороной его художественные очерки. В пользу данного аргумента можно привести мнение современного исследователя А.Ш. Бик-Булатова, подчёркивающего, что литература и публицистика второй половины XIX века составляли единое медиаполе, причём в системе журнальных жанров превалировали «диффузные формы, соединяющие элементы художественной литературы и публицистики»[431]. Советская исследовательница А.А. Жук, пользовавшаяся понятиями «малая журнальная проза», «малые прозаические жанры», полагала, что эти произведения, «заточенные под журнальный формат», запечатлевали текущий момент времени[432].

Таким образом, беллетристика виделась народнику способом донесения автором своих социальных воззрений до читателя, своеобразным исследовательским полем, а далеко не средством приятного времяпрепровождения. В его работах мы можем обнаружить черты «реальной критики» разработанной Н.А. Добролюбовым, целью которой было «выявить общественную пользу художественных произведений, направить всю литературу на всестороннее обличение социальных

---

[431] *Бик-Булатов А.Ш.* Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX– начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 27, 95.
[432] Там же. С. 27.

порядков»[433]. В этом, на наш взгляд, заключается односторонность выбранного Харламовым подхода.

В процессе работы над данным параграфом были проанализированы все известные на данный момент художественные произведения Харламова (таковых удалось обнаружить тридцать). Кроме этого, исследованы рецензии и обзоры, данные Харламовым на беллетристические произведения иных писателей, сюда же была отнесена его рецензия «Русский народный юмор», посвящённая фольклорной проблематике. Названные работы публиковались Харламовым в газетах и «толстых» журналах на протяжении всего десятилетнего творческого пути.

Ниже будут рассмотрены особенности отражения Харламовым пореформенной среды села и уездного города, проанализированы основные социальные типы, олицетворением которых можно считать персонажей его очерков. Важно также выявить и провести анализ характерных для описываемой среды проблем, с которыми сталкивались её представители. Взаимосвязь перечисленных компонентов, на наш взгляд, даст возможность сконструировать представление Харламова о нравственно-религиозных ценностях представителей пореформенного российского общества, отражённых им в своих произведениях, а также сделать опосредованный вывод о том, какие ценности были характерны для самого народника.

В художественных произведениях, как и в публицистике, главный объект исследований Харламова – крестьянство. «Крестьянский вопрос, – писал народник, – один из самых жгучих и неотложных вопросов дня, неотложное решение его так или иначе в сознании и общества, и правительства представляется справедливо одним из самых первых шагов в деле уврачевания наших общественных недугов. Потому-то, конечно, и литературу так заполонил мужик»[434].

---

[433] *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII-XIX веков. Учеб. пособие для ст-тов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М., 1972. С. 259.
[434] *Харламов И.Н.* Литературный отдел // Страна. 1881. № 97 (18.08). С. 6. – Рец. на журн. Вестник Европы. 1881. № 8, Дело. 1881. № 7.

По мнению современных отечественных исследователей А.А. Фокеева и Е.Г. Чеботарёвой, изучение обозначенной темы в литературе народников «выразилось не только в изображении крестьянского быта, но и в анализе расслоения крестьянской массы, её социальных сдвигов»[435]. Это утверждение в полной мере относится к прозе Харламова, которая, в первую очередь, отражает процесс трансформации пореформенной российской деревни под воздействием развивающихся капиталистических отношений, постепенного ослабления влияния традиционных институтов, прежде всего, общины. В этом смысле проза Харламова отличается от произведений Н.Н. Златовратского, которого упрекали в «обрисовке общинных отношений» в ущерб «социальным противоречиям деревни»[436]. При этом интерес к нравственным вопросам был характерен для писателей народнического направления. В частности, тот же Н.Н. Златовратский в своих произведениях обращался к тем сторонам мировоззрения крестьян, которые характеризовали их как «носителей высших и наиболее справедливых принципов нравственного поведения, по сравнению не только с антагонистами общины (кулачество, чиновники, помещики), но и с теми выходцами из деревенского мира, которые, порвав с ним, приобщаются к трактирной "цивилизации"»[437].

Символом проникновения капиталистических ценностей в одном из очерков Харламова представлена железная дорога, изменившая не только быт, темп жизни, но и психологию крестьян: «Как будто с дорогой и с бывалыми людьми приехала и поселилась здесь и особенная, дотоле невиданная, забота о копейке, о лишнем заработке, старанье возможно лучше утилизировать своё время»[438]. Менялся внешний облик жителей деревни. Особенно восприимчива к новым веяниям молодёжь, предпочитавшая, модный «пенжак» вместо плюсовой рубашки, а по праздникам – шерстяную

---

[435] *Фокеев А.А., Чеботарёва Е.Г.* Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятского гос. ун-та. 2009. Т. 2. № 4. С. 132.
[436] *Соколов Н.И.* Н.Н. Златовратский // Русская литература и народничество. «Учёные записки» Лен. гос. ун-та. Вып. 74. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1971. С. 68.
[437] Идеи социализма в русской классической литературе. Под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука, 1969. С. 401.
[438] *Харламов И.Н.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 193 (27.09). С. 2.

зелёную или синюю рубаху[439]. В этом наиболее ярко проявилось влияние урбанизации. Неоднозначным было отношение сельских жителей к односельчанам, регулярно отправлявшимся в город на заработки. Хотя и признавалось, что отходники «чисто живут», «разодеты», однако их сугубо внешнее уподобление горожанам породило ироничную поговорку «на пузе то шёлк, а в пузе то щёлк»[440]. В качестве иллюстрации можно привести описание нелепого наряда молодой крестьянки, переселившейся в город – «городской деревни», как наименовал её Харламов: «Пёстрая, как выставка маленькой ситцевой лавочки где-нибудь около Сухаревки, в платке самых ярких цветов, в неуклюжем до смешного пальто-"дипломате", из-под которого виднелось какое-то невероятного цвета платье»[441].

Изменился и характер коммуникаций внутри сельского социума: представления о хозяйственности, основанные на индивидуалистических мотивах, вызвали чувство соперничества, подозрительность, стремление к обособленности. Разрушалась привычка жить сообща, «целой артелью, деревней, жить на улице даже с семьёй», сельские жители «на улицу являются с оглядкой, предварительно удостоверившись, всё ли в порядке, нельзя ли подать повода к осуждению, а за последним, наверное, дело не станет»[442]. Соответственно, постепенно сходили на нет деревенские обычаи, сплачивавшие односельчан, например, варить «общественные пива´». Данный обычай, описанный в очерке «Две сестры», был связан с окончанием сбора урожая, когда деревня заметно преображалась и веселела, отмечались престольные праздники, по вечерам устраивались хороводы, были слышны гармоники и бубны.

Народник отмечал, что новые индивидуалистические тенденции пока неглубоко укоренились в психологии крестьян. Главное их последствие писатель видел в том, что они формируют особенное настроение в

---

[439] *Харламов И.Н.* Две сестры (Очерк) // Русские ведомости. 1880. № 6 (06.01). С. 1.
[440] Там же. С. 2.
[441] Там же. С. 4.
[442] *Его же.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 198 (02.10). С. 3.

крестьянской среде – «кряжистое, насмешливое, неподатливое к внушениям старого общинного быта, презрительное в отношении к наивному деревенскому легкомыслию и "разгильдяйству"»[443]. Соответственно общим фоном в очерках Харламова являются тревожные ноты, свидетельствующие о подрыве традиционных ценностей. «Мир силу стал терять!... народу неподходящего много разводится… плохо!» – говорит с досадой волостной старшина, главный герой одноимённого очерка[444]. С этой точки зрения показательны описания сельских сходов в очерках «Дьячки», «Стенное писание», «На наделе», отражающие особенности принятия деревенской общественностью коллективного решения «по обстоятельствам», «по человеку», когда прежнее единодушие сменили жаркие споры: «Ишь ведь, рвут как правду то на все стороны, ровно собаки! – отмечал один из участников собрания. – Всяк норовит её на свой аршин мерять; всё чтобы ему было, а другие, мол, как хотят»[445]. В данном случае перед нами ещё одно наглядное проявление процесса индивидуализации.

Зачастую мир сталкивался со случаями, когда приходилось противостоять попыткам деревенской буржуазии нажиться за счёт односельчан. О противостоянии мира и кулаков рассказывается в очерках «Старшина», «Укрепили», «Мир и кулак». Тип кулака, полагал Харламов, к его времени был уже «истрепан донельзя»[446]. Литераторов, эксплуатировавших этот персонаж, он обвинял в односторонности[447]. В последнем описаны сцены мошенничества приказчиков и кулаков, пользовавшихся доверием и низкой правовой и финансовой грамотностью крестьянства. «Полезай ты ему, дураку в рот, он и рот растяпит, ей Богу» – с

---

[443] *Харламов И.Н.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 193 (27.09). С. 2.
[444] *Его же.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 380
[445] *Его же.* На наделе (Очерк) // Дело. 1883. № 2. С. 110.
[446] *Его же*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 79 (07.07). С. 5. – Рец. на журн.: Отечественные записки. 1881. № 6.
[447] Справедливости ради стоит сказать, что кулак в художественных очерках Харламова также показан весьма односторонне

насмешкой замечает приказчик[448]. По мнению Харламова, подобные махинации «теперь не редкость у "почётных" приходских людей»[449].

Причину низкой правовой грамотности автор видел в столкновении норм обычного и формального права[450]: мир привык жить по нормам обычного права, принципам доверия и солидарности («как Бог, по совести»), а в изменившихся реалиях пореформенной эпохи ему приходилось сталкиваться с формальными нормами, документально оформленными договорными отношениями, нечестной конкуренцией и т.п. В таких случаях мир оказывался в заведомо проигрышной позиции. Иллюстрацией этому может служить процедура заключения купчей на приобретение земельного участка по всем юридическим нормам. Насколько она оказалась сложна для неграмотных крестьян, свидетельствует их реплика: «Уж, братцы, мы в городу то энту бумагу пятерым читать давали. На улице встретим человека и кланяемся: "Почитай, Христа ради!"… Верно!... Все на один манер читали»[451].

В очерке «Старшина» народник, устами главного героя, подчёркивает обоснованность применения в волостных судах норм обычного права, поскольку «и в законе указано по местному обычаю, а ино и по совести»[452], тем самым поддерживая практику параллельного существования двух правовых систем. Харламов отмечал, что крестьяне далеко не всегда получали помощь от волостных судов и мировых посредников, действовавших чаще по нормам формального права и становившихся на сторону кулака. В очерке «Старшина» на стороне кулака была расписка, данная представителями мира, на мирской стороне – устные показания. Несмотря на наличие документального свидетельства, судьи приняли

---

[448] *Харламов И.Н.* Мир и кулак (Очерк) // Русские ведомости. 1878. № 237 (20.09). С.1.
[449] *Его же.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 383.
[450] Подробнее об этом см. параграф 2.3.
[451] *Харламов И.Н.* Укрепили (Очерк) // Развлечение. 1885. № 26 (04.07). С. 519. Современный американский исследователь Г. Фриз отмечает аналогичные сложности, с которыми сталкивались представители непривилегированных классов в бракоразводных процессах, где истцы, «как правило, полагались на свои бесхитростные представления о нравственности и справедливости, но никак не на «Устав духовных консисторий» – см.: *Фриз Г.* Указ. соч. С. 146.
[452] *Харламов И.Н.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 381.

сторону выборных от сельского схода. В очерке «Мир и кулак», напротив, «либеральный» мировой судья вынес постановление, в результате которого истцы от сельского общества были переквалифицированы в ответчиков и остались перед кулаком в должниках. В данном случае народник демонстрирует уязвимость норм обычного права перед формальным судом, опиравшимся на «очень обстоятельные жалобы», которыми кулаки могли даже очевидно проигрышные ситуации склонить в свою пользу, поскольку нормы обычного права, моральные установки в данном случае в расчёт не принимались.

Харламов видит закономерность в том, что мир, со своей стороны, отстаивал уважение к себе и следование традиционным принципам. Например, в устном постановлении мирского договора от исполнителя стенных росписей (очерк «Стенное писание»), прежде всего, требовалось, чтобы тот был «посовестливее и позаделистее,… с попом в сделку не входил, чтоб у мира был в струне, в отчёте, а не умничал, не воротил по-своему»[453].

В очерке «Несчастная» автор даёт описание ещё одного символа пореформенной эпохи в деревне – ткацкой светёлки («сельской фабрики»). Появление этих светёлок связано с деятельностью кулаков, получавших от фабриканта пряжу и раздававших её среди жителей села. Ими же устраивались и светёлки для удобства работы крестьян. Такая работа носила сезонный характер и производилась преимущественно зимой. Харламов в своём очерке ставит вопрос о сохранении морального облика фабричной молодёжи, поскольку обстановка во время работы достаточно непринуждённая: «Днём песни поют так, что даже хлопанья станков не слышно, а под вечер, пока огня не зажгут, приходят парни – и начинается пляска, игры. А то скучатся все около тёплой печки, расположатся как кому удобнее, и ведут разговоры»[454]. Ответ на поставленный вопрос даётся в рассуждениях молодых ткачих, заявлявших, что имеют возможность

---

[453] *Харламов И.Н.* Стенное писание (Очерк) // Дело. 1882. № 7. С. 229.
[454] *Его же.* Несчастная (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 47-48 (02.12). С. 95.

накладывать своего рода санкции на молодых людей за поддержку неподобающего поведения. В отличие от них «умники-парни», по словам девушек, «не остановят работы, не будут вести себя по-сельски неприлично. А появится такой "дурак" – так ведь и без невесты насидится – не пойдёт никто за такого»[455]. В данном случае подчёркивается самоорганизация сельской молодёжи, отстаивавшей нормы традиционной морали, которая, по всей видимости, импонирует народнику. Ссудо-сберегательные кассы, способствовавшие развитию капиталистического хозяйства и стимулирования промышленности в селе, также не остались без внимания Харламова. В одном из очерков подобная касса охарактеризована писателем как «одно из новейших утончённейших средств вежливо, с позволения ближнего залезать к нему в карман»[456].

Существенным фактором в формировании индивидуалистического мировоззрения среди крестьянства, судя по очеркам Харламова, являлся город. Современный исследователь Н.В. Зверев, рассуждая о дихотомии «город-деревня» в творчестве реформаторского народника М.О. Меньшикова, приходит к выводу, что города, как центры цивилизации «не только не становились для сельских жителей очагами просвещения, но, напротив, вели к нравственной деградации народа»[457]. Подобное утверждение вполне можно отнести и к текстам Харламова: народник не жалеет эпитетов для описания морального облика городской среды, наделяя её «мертвящим удушьем», «простодушной, наглой подлостью и пошлостью, с тупым самодовольством и со страхом "жупелов", пред которыми… дрожит и млеет суеверный обыватель»[458]. Наиболее ярко и полно образ провинциального города представлен в очерке «Без начала и без конца». Народник именует его «глухой городишка, богом спасаемый, но людьми

---

[455] *Харламов И.Н.* Несчастная (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 47-48 (02.12). С. 96.
[456] *Его же.* Мир и кулак (Очерк) // Русские ведомости. 1878. № 237 (20.09). С. 3.
[457] *Зверев Н.В.* Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова. Автореферат дисс. … к. и. н. М., 2013. С. 21.
[458] *Харламов И.Н.* Вражья сила (Очерк) // Мирской толк. 1879. №15 (20.04). С. 126, 127.

совершенно забытый»[459]. Наряду с картиной безмятежной провинциальности, автор заостряет внимание читателя на пороках городской жизни, на том, что среди жителей нередки «спесиво-задорные и наглые фигуры». Харламов не обходит стороной и чиновника-пьяницу полицейского управления, и городскую голытьбу; в красках рисует жизнь подростка на съёмной квартире, где тот становился свидетелем житейских пороков её постояльцев.

«…Я заметил, – размышляет народник о феномене притягательной силы города для крестьянского люда, – что эта жажда жизни "по-человечески", это стремление заявить свою личность вырастает, или, по крайности, может вырастать на туземной почве, без каких-нибудь особенных влияний извне. Можно подумать даже, что "город" вовсе не возбуждает сам чувства личности, а разве только растит, поддерживает его при известных, благоприятных условиях и очень часто направляет его развитие в совсем уж негодную сторону полной *разнузданности* личности насчёт всех других – приводящей опять к патриархальному деспотизму и в семье, и в общественных отношениях»[460]. Как видим, в данном случае народник акцентирует внимание на внутренних факторах трансформации нравственных ценностей, а также на том, что система этих ценностей, основанная на индивидуалистических мотивах, в итоге приводит новоиспечённых «горожан» к тем последствиям, от которых они стремились уйти, покидая деревню.

Субъективную резкость в оценках городского быта в очерке «Без начала и без конца» усиливает контраст с чистой безмятежной сельской жизнью в маленьком погосте, описание которого окрашено в сентиментально-идиллические тона. Стоит признать, что характеристика отношения крестьян к своему селу в очерках Харламова, напротив, порой выглядит идеализацией: «Мужик до такой степени влюблён в свою деревню,

---

[459] *Харламов И.Н.* Без начала и без конца. С. 527.В описании уездного города N угадывается город Суздаль Владимирской губернии.

[460] *Его же.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. №193 (27.09.). С. 2 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).

– размышляет писатель, – до такой степени сжился, сросся с родными местами, где каждый уголочек знает и любит во всех мельчайших деталях, что лучше этих мест он ничего не находит, и хочет, чтобы лучше их ничего не было»[461]. Сказанное выше свидетельствует о тенденциозности, с которой Харламов описывает противостоящие друг другу культурные реальности. Симпатии самого автора не вызывают сомнений: один из его очерков носит красноречивое название «Вражья сила», под которой народник подразумевает городскую среду.

Проблема проникновения в деревню капиталистических ценностей и отношений обуславливает и отбор Харламовым персонажей очерков: крестьяне-середняки, сторонники мирского уклада, если так можно выразиться, «социальная норма» – практически не отражены в его произведениях. Напротив, основное внимание уделено противоречиям, отклонениям от неё. Поэтому в очерках народника мы сталкиваемся с крестьянами, стремившимися отойти от традиционного уклада, порвать с мирскими ценностями, приобщиться к городской цивилизации. В очерке «Из-за раздела» это крестьянский сын Дмитрий, решивший попытать счастья в городе и ставший извозчиком; или Прохор из очерка «На волю», не нашедший себя в крестьянской жизни; Фёдор, главный герой очерка «Вражья сила», пробовавший себя в роли содержателя городской питейной лавки; Андрюха, основной персонаж очерка «Деревенский скандал», не уживший в семействе тестя – «богатеющего мужика». Очевидно, что в отборе персонажей Харламов ближе не к Н.Н. Златовратскому, уделившему много внимания изображению сторонников традиционных устоев, а, например, Н.И. Наумову. Как и последний, Харламов акцентирует внимание читателя на происходящем внутреннем разложении общины, порождённом не только

[461] *Харламов И.Н.* Стенное писание (Очерк) // Дело. 1882. №7. С. 236.

социальными реалиями пореформенного периода, но и самим характером крестьянина-собственника[462].

Для описания крестьян, не вписывающихся в традиционную среду, автор употребляет эпитеты «чудной», «лишний». Название очерка «Срамники» родилось от наименования в среде односельчан представителей семьи Ширины, протестовавших против крестьянских традиций, необходимости «терпеть, тянуть из себя жилы»[463] и во всём стремившихся к более комфортной жизни. Главное, что отличало Ширины от прочего сельского люда – «односторонне развитое чувство личности», которое проявлялось в подчёркнутом самоуважении, нежелании подчиняться иным авторитетам. В случае возникновения конфликтов (в том числе и внутри семьи) они признавали только собственную правоту, не готовы были брать на себя ответственность, не стремились к примирению. Таким образом, Харламов показывает, что стремление к обретению индивидуальной свободы, отстаивание собственных прав способно легко трансформироваться в попрание прав и интересов окружающих.

Харламов показывает изменение нравов бывших селян под влиянием города. Яркий тому пример – Дмитрий (очерк «На чужой стороне»), бывший крестьянский парень, ставший петербургским дворником. На смену простоте и трудолюбию пришли угодничество, лень, хитрость и мещанский идеал – «торговлишка», вылившаяся в итоге в скупку краденного. Наглядный показатель этической деградации вчерашнего крестьянина – чувство стыда перед такими же «отщепенцами деревни» за совершённый благородный поступок – спасение младенца-подкидыша – вызвавшее презрение к нему со стороны петербургской дворни. Во всём этом автор видит влияние «центров, обильных всякими "цивилизующими" благами», постепенно «выветривавшими деревенскую закваску»[464]. Подтверждение этим словам

---

[462] *Горячкина М.С.* Своеобразие реализма народнической прозы // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 384.
[463] *Харламов И.Н.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 193 (27.09). С. 2.
[464] *Его же.* На чужой стороне (Очерк) // Русские ведомости. 1878. № 60 (08.03). С. 2.

найдётся в вышедшем спустя полгода очерке «Мир и кулак», где уже знакомый Дмитрий, вернувшийся в родное село, будет беззастенчиво пользоваться деревенской простотой, открытостью и правовой безграмотностью своих односельчан.

Со всей очевидностью трансформация ценностей под воздействием города отражена в очерке «Две сестры». Автор описывает впечатления вчерашней деревенской девушки, попавшей в городскую купеческую среду: «Один у них разговор – деньги… это кого объехать, что выторговать, где как продать, с кого лишку взять – с языка нейдёт… Чтой-то, думаю, не уж так уж окромя денег ничего и на свете нет, ровно уж только в деньги и жизнь то людская идёт? Одначе ж опосля того скоро в разумение приходить стала, а сначала думала от этих слов с ума сойду – вот право слово!»[465]. Закономерно поэтому, что побывавший у неё в гостях отец с недоумением размышлял под впечатлением того, что был не принят дочерью и вынужден остановиться на постоялом дворе: «По старине мы и странного, и несчастного ещё приючаем, и по силе-мере покой даём, а тоже и у нас в последнее время тугонько стало насчёт этой старины»[466].

В очерке «Чудной человек» поднята проблема выбора между городом и деревней пересекается с вопросом поиска правды и справедливости. Главный герой произведения Гаврила («Гарька-пьяница») – «натура крайне деятельная в разрешении вопроса о правде». Поиски правды приводят его в столицу, где он отстаивал несправедливо призванного в солдаты односельчанина. Великолепие столицы произвело неизгладимые впечатления на деревенского человека, перевернуло мировоззрение, поэтому в дальнейшем Гаврила всё дальше уходил от традиционного крестьянства: на каждом сельском сходе «неутомимо кричал, советовал, решал», «читал Библию, бражничал и небрежно занимался хозяйством», передал «большину» (управление домом) жене. Повторно побывав в городе с тем, чтобы на этот раз уладить

---

[465] *Харламов И.Н.* Две сестры (Очерк) // Русские ведомости. 1880. № 6 (06.01). С. 5.
[466] Там же. С. 2.

«недоразумение» в отношении несправедливо призванного в солдаты сына, решил больше не возвращаться в родное село. Неудачная попытка прижиться в доме богатого тестя приводит героя очерка «Деревенский скандал» Андрюху на социальное дно, то же происходит и с героем очерка «Вражья сила» Фёдором.

Всех этих персонажей объединяет утрата мирского чувства и подверженность «разлагающему влиянию индивидуализма»[467], стремление преодолеть жизненные трудности и найти себя в жизни вне сельского мира. Ситуация требует от вчерашнего сельского жителя не просто внешнего уподобления городской культуре и образу жизни, но переоценки ценностей, что давалось мучительно, поскольку «слишком уж тяжело было ещё деревенскому по основным воззрениям человеку свыкаться с картинами людской подлости, вести систему постоянного обмана и грабежа»[468]. Драматизм ситуации, рисуемой Харламовым, заключался в том, что, пытаясь порвать с деревенской традицией, новоиспечённые «горожане» не могли полноценно адаптироваться к иной культуре. При этом, оставаясь на обочине городского социума, они не были готовы вернуться к прежнему крестьянскому образу жизни.

Заметим, что писатель акцентирует внимание не на экономических трудностях, с которыми могут столкнуться жители пореформенной деревни, не на разнице в образовательном уровне – речь идёт, прежде всего, о социально-этических проблемах, связанных с утратой традиционной идентичности в городском социуме. Эти процессы в очерках Харламова становились причинами различных девиаций – бродяжничества, алкоголизма, воровства, супружеских измен и т.п. Несмотря на очевидные сложности социального перехода, сопровождавшиеся ослаблением функции общественного контроля, с которыми сталкивались вчерашние жители деревни, считаем необходимым согласиться с мнением А.М. Яковлева в том,

---

[467] *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. М.: Наука, 1961. С. 430.
[468] *Харламов И.Н.* Вражья сила (Очерк) // Мирской толк. 1879. №16 (28.04). С. 139.

что следует «с большой осторожностью оценивать тенденцию отнесения городских условий к специфически порочным, а сельских – к порождающим добродетель»[469]. Учитывая сказанное, уместнее было бы рассматривать взаимосвязь городских социальных условий и отклонений саму по себе, а не как прискорбное следствие отклонения от исконной нормы бытия. Следует, однако, признать, что подобная идеализация нравственных качеств сельских жителей через противопоставление их с горожанами подкрепляет выявленное ранее стремление к схематизации и характеризует Харламова как типичного народника.

Имущественное расслоение деревни, стремление соответствовать городским стандартам представлены автором в описании сельской элиты. Демонстрация достатка в этой среде проявлялась во всём: и в домашней обстановке, и в обхождении с гостями, и при посещении храма. В очерке «Деревенский скандал» Харламов даёт описание обстановки дома зажиточного крестьянина Савельева (большой «гостиной», устроенной «по-городскому»), представляет круг его общения – среди гостей, «кроме неизбежных батюшки с о. дьяконом, тут были два или три савельевских приятеля из залесовских "хозяйных" мужичков, старшина и, затем, целая коллекция зятьев, сватов и шурьев». Достаток подчёркивала и одежда: «красные, синие, зелёные шёлковые рубашки, невероятных цветов городские "пенжаки", бабьи платки с невозможными узорами и разводами»[470]. В очерке «Песня-быль» на примере зажиточной деревенской семьи писатель акцентирует внимание на обусловленность отношения к труду имущественным статусом: в то время как мужчины в летний период исполняли различные подряды в Москве, дома оставались женщины и наёмные работники. «Бабы эти день-деньской пальцем не шевельнут… –

---

[469] *Яковлев А.М.* Социальная структура общества. Учебник. М.: Экзамен, 2003. С. 276; см. также: *Зверев Н.В.* Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова. Автореферат дисс. … к. и. н. М., 2013. С. 21.
[470] *Харламов И.Н.* Деревенский скандал (Очерк) // Свет и тени. 1880. № 40 (11.10). С. 190.

рассказывал главный герой очерка, – потому, ишь, это им мужья строго-настрого заказали, чтобы перед деревней им сраму не было»[471].

Внешнее подчёркивание статуса сопровождалось соответствующим отношением к односельчанам. Чувство собственного превосходства, нескрываемое презрение к окружающим, готовность не брезговать никакими средствами с целью наживы демонстрирует упомянутый выше Дмитрий (очерки «На чужой стороне», «Мир и кулак»). Сходны с ним подрядчик Андрей Никитич (очерк «Вражья сила»), внешне богобоязненный, но живущий по принципу «в нашем деле что урвёшь, тем и сыт», и Сидор Трофимыч (очерк «По старине»), исповедовавший индивидуализм, а потому, категорически не желавший трудиться на пользу сельского мира. Этот список при желании можно продолжить. На чувстве превосходства над остальной деревней, тщеславии, умении «обчистить» нерадивого соседа строилось воспитание детей. Несмотря на сказанное выше, Харламов призывал своих коллег по писательскому цеху отходить от привычных штампов в изображении кулака непременно в качестве «злого духа нашего времени, мерзавца и доносчика»[472]. При этом надо признать, что в произведениях самого Харламова не все отрицательные герои – кулаки, но все кулаки – отрицательные герои.

Закономерно, что в художественных очерках Харламов не мог пройти мимо проблемы взаимодействия сельского духовенства и общества. Как отмечает А.Ш. Бик-Булатов, ещё со времён В.Г. Белинского, «несоответствие идеала духовенства его подлинной физиономии… стало краеугольной концепцией писателей-реалистов»[473]. В частности, «сниженные образы духовенства» можно встретить в произведениях В.М. Гаршина и А.И. Эртеля рубежа 1870-80-х годов. Описание среды и образов сельского духовенства и церковнослужителей у Харламова во многом сходны с городской (очерки

---

[471] *Харламов И.Н.* Песня-быль (Дорожный рассказ) // Русские ведомости. 1879. № 5 (06.01). С. 1.
[472] *Его же.* Наши журналы // Мирской толк. 1883. № 36 (05.10). С. 389. – Рец. на журн. Отечественные записки. 1883. Июль, август, сентябрь.
[473] *Бик-Булатов А.Ш.* Указ. соч. С. 109.

«На перепутье», «Несчастная», «Солдатское счастье», «Дьячки», «Без начала и без конца», «Самоуправление», «На волю», «На наделе», «Конец – всему делу венец» и др.). В очерках «На перепутье», «Без начала и без конца» перед читателем открывается грязь, несправедливость и угнетённость бурсацкой обстановки, грубость и невежество учителей. Устами старого священника Тимофеича (очерк «На перепутье») автор отмечает изменения, происходящие в этот период в среде духовенства. Прежде всего, речь идёт о дискуссиях по проблемам сословной замкнутости духовенства и о вреде запрета на разводы в священнической среде – главные, по мнению священнослужителя, аргументы «против касты»[474]. Очевидно, что народник представляет проблемы духовенства как отражение состояния и тенденций общественной среды, где тема разводов, начиная с пореформенного времени, несмотря на все ограничения официальной церкви, отмечался неуклонный рост числа разводов[475]. В очерке «Самоуправление» упоминается проблема выдачи дочерей священников замуж без приданого. Этот вопрос был поднят самими священнослужителями на епархиальном съезде, но так и остался без ответа[476].

Закономерно также, что и моральный облик представителей этой среды во многом сходен с обликом горожан: им так же не чужды интриги, праздность, тщеславие, карьеризм, жадность, невежество, пьянство, угодничество (называемое Харламовым «политичностью»). В связи с этим на страницах очерков Харламова мы практически не встретим положительных примеров нелёгкого труда сельского священника, заботящегося о «спасении душ» своей паствы, активной общественной позиции. Интерес к наукам, изобретательству, который проявляли герои очерка «Без начала и без конца», был обусловлен во многом наличием свободного времени и выглядит скорее

---

[474] *Харламов И.Н.* На перепутье (Очерк) // Мирской толк. 1880. №19 (16.05). С. 222.
[475] *Фриз Г.* Указ. соч. С. 128.
[476] Отец Харламова с 1867 по 1879 годы занимал должность ведомственного депутата, являлся депутатом двух епархиальных съездов, уполномоченным от духовенства по Суздальскому учебному округу, поэтому, не исключено, что сюжет очерка имеет биографический характер – см.: ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 949. Л. 102 об.

исключением из общего правила. Всё это перекликается с мыслью Харламова о духовном сословии, что «не ему играть какую-нибудь роль в будущем развитии русской жизни»[477].

В рамках проблемы противостояния двух этических систем представлены в произведениях народника и женские образы. Упоминавшимся выше типам женщин из зажиточных семей, не желавших утруждать себя физическим трудом и склонных к семейным интригам, а иногда и к алкоголизму (очерк «Песня-быль»), можно противопоставить положительных героинь – Анну (очерк «Чудной человек»), Надежду Андреевну (очерк «Вражья сила»), Наталью (очерк «На перепутье») и др. Обобщённая характеристика положительного женского типажа дана в образе Анны: «Она принадлежала к тому часто встречающемуся типу женщин, которых в народе честят именем "золотых рук", рукодельниц, у которых "дело в руках кипит", "золотых баб" и пр. В большой семье такая женщина действительно "золото", потому что она "покладиста", делает, не споря, всё, что прикажут, не бранится попусту с свекровью и золовками и именно своею "покладистостью" приобретает независимое положение в семье; её никто не обидит, потому что до укоров в небрежности она себя не доведёт, а на незаслуженные пении воркотню у неё есть всегда способность смолчать или отшутиться (по человеку смотря), так что недовольный сам постарается свести дело на шутку… Баба "золото" постоянно что-нибудь делает, постоянно двигается потому, что в движении, в работе её нравственная сила»[478].

Закономерно, что в сложной ситуации Анна «ценою двойного труда поддерживала хозяйство в возможной исправности». Сходна с ней судьба Надежды Андреевны, жены Фёдора – главного героя очерка «Вражья сила». Несмотря на пьянство, обманы и бродяжничество мужа, противостояние собственной родни, она спасалась работой и была предана супругу, стремясь

---

[477] *Харламов И.Н.* К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. №92. С. 4.
[478] *Его же.* Чудной человек (Рассказ) // Русские ведомости. 1878. № 314 (12.12). С. 2.

«избежать всячески семейных попрёков, не заедать чужого хлеба»[479]. И когда Фёдор после совершённого преступления был отправлен в Сибирь, Надежда Андреевна ушла с мужем.

Романтизмом отличается образ Наташи, избранницы главного героя из очерка «На перепутье». Автор наделил её такими качествами, как прямодушие, чуждость фальши и кокетства. Ум, трезвый и здоровый взгляд, стремление к знаниям отличал её от «кисейных барышень». Многое из перечисленного Харламов объяснял деревенским воспитанием, сочувствием «деревенскому горю»[480]. Как видим, во всех случаях отличительными свойствами положительных женских образов можно назвать трудолюбие, высокие моральные качества, умение сглаживать конфликтные ситуации, преданность семейным ценностям – иными словами, те черты, которые народники видели в институте сельской общины.

Актуальной для народника являлась мысль о том, что проникающий в деревню капиталистический уклад оказывался способен развести по разные стороны баррикад не только жителей одной деревни, например, кулаков и бедноту, не только наполнить противоречиями сельский мир, но и внести разлад в отношения родственников, членов одной семьи. В качестве примера можно привести очерк «Из-за раздела», в котором показан конфликт двух братьев из-за раздела семейного имущества, спровоцированный желанием одного из братьев отделиться – из экономических соображений, преследуя, прежде всего, собственную выгоду. В данном случае автор оценивает идею раздела отрицательно, поскольку в итоге начинавшая крепнуть семья ослабела и распалась. Харламов видит в этом всё то же индивидуализм «городской цивилизации», где «не только сестры и братья, но и мужья и жёны, отцы и дети, тщательно стремятся разделить и ограничить свои карманы от карманов близких»[481].

---

[479] *Харламов И.Н.* Вражья сила (Очерк) // Мирской толк. 1879. № 16 (28.04). С. 139.
[480] *Его же.* На перепутье (Очерк) // Мирской толк. 1880. № 20 (25.05). С. 235.
[481] *Его же.* Из-за раздела (Очерк) // Московское обозрение. 1876. № 12 (19.12). С. 178.

Второй аспект темы разделов связан с проблемой устройства традиционной патриархальной семьи. Она нашла своё отражение в очерках «Последняя потеря», «По старине», «Срамники», «Из-за бабы». В очерке «По старине» показана проблема столкновения отца с сыном из-за неэтичного поведения отца. Сына он рассматривал как работника, который вместе со своей женой «в струне ходят», себя – как полноправного хозяина. Итогом столкновения стало судебное разбирательство и неминуемый раздел. К суду привела и размолвка в большой семье между свекровью и снохой, описанная в очерке «Из-за бабы». Причину подобных конфликтов Харламов видел в искусственно сохранявшихся больших семьях и запрете семейных разделов. «Какой же недруг людской, – восклицает автор, – догадал людей считать хорошим, святым делом задержку, стеснение жизни личности? Какая тёмная сила заставила вмешиваться со своим veto в дела живых людей?»[482]. Очевидно, что в данном случае на первый план выходит не экономический фактор, а идея свободы личности как ценность. Харламов, как уже было сказано выше (см. параграф 2.3) выступал противником семейного деспотизма, поэтому поддерживал идею раздела больших многопоколенных семей и создания малых (нуклеарных), построенных на принципах равенства, где было меньше шансов оказаться «под деспотической рукой большака». Т.е., по сути, поддерживал индивидуализацию на уровне нуклеарной семьи. Самый сильный протест и беспощадная общественная критика традиционно, по мнению писателя, обрушивались на «манию разделов», в то время как эти разделы – «суть продукты того же настроения»[483]. На примере семьи Шириных (очерк «Срамники») автор стремился показать, что перспектива многих крестьянских семей, на которых сказалось влияние капиталистических ценностей – синтез общинности и индивидуализма. В этом проявился субъективизм и компромиссный характер взглядов народника. Перечисленные выше проблемы крестьянского сословия

---

[482] *Харламов И.Н.* Из-за бабы (Очерк) // Русские ведомости. 1879. № 285 (12.11). С. 3.
[483] *Его же.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 193 (27.09). С. 2.

пореформенного периода, поднятые на страницах беллетристики Харламова, во-первых, свидетельствуют о корреляции его взглядов, выраженных в публицистике и беллетристике, а во-вторых, вынуждают с осторожностью смотреть на причисление его к лагерю «оптимистических народников».

Значимой для народнической литературы была тема правдоискательства, отражённая в нескольких очерках Харламова. М.С. Горячкина отмечает, что образы правдоискателей представлены народниками под разным углом. У П.В. Засодимского, С.М. Степняка-Кравчинского, Н.Е. Каронина, Н.И. Наумова эти образы отличались героическим романтизмом, «действенным, порождённым непримиримой борьбой героя за новые социальные отношения»[484]. Герои Ф.Д. Нефёдова и Н.Н. Златовратского характеризуются пассивным романтизмом, окрашенным «в сентиментально-морализующие тона», сближающим их с идеальными праведниками, а не революционными борцами.

Гаврила (сквозной персонаж очерков «Чудной человек», «Несчастная») обличает людские пороки и при этом поддерживает общинные ценности: «На миру не пропадёт твой внучек… – успокаивает он сельского дьячка, – Земли дадим, хрестьянином будет… нам, брат, всё одно, душа дорога: хошь законная, хошь незаконная… У нас исстари так…»[485]. Среди образов борцов за правду, защитников мирских порядков следует ещё раз упомянуть волостного старшину Павла Михайловича (очерк «Старшина») – «мужицкого печальника», отыскавшего в столице «далеко ушедшую от мира правду». Автор характеризует его как «одну из неповреждённых натур, которых не испортило, а лишь умудрило и заставило вокруг себя оглянуться столкновение с благами цивилизации»[486]. Харламов подчёркивает в нём такие личностные качества, как искренность, заботу о ближнем, душевность, обходительность, готовность к самопожертвованию, т.е. качества, характеризующие общинную солидарность. Старшина не жалел ни сил, ни

---

[484] *Горячкина М.С.* Художественная проза народничества. М.: Наука, 1970. С. 11-12.
[485] *Харламов И.Н.* Несчастная (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 47-48 (02.12). С. 101.
[486] *Его же.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 378.

здоровья в отстаивании интересов мира и в особенности деревенской бедноты. В финале очерка звучит завет умирающего старшины – «на миру жить, за мир стоять»[487].

Пожалуй, наиболее ярко тема борцов с человеческими пороками раскрыта в автобиографическом очерке «Без начала и без конца» в образах Ермолая Иваныча и заштатного дьячка Льва. В главе I отмечалось возможное влияние прототипов этих персонажей на мировоззрение автора. Здесь же хотелось бы отразить отношения героев-правдоискателей со средой – уездным городом. Как тот, так и другой персонаж направляли свои усилия на борьбу с мещанскими пороками. При этом интересна мотивация обличителей: если в рамках противостояния города и деревни имела место защита мирских идеалов от усиливающегося влияния индивидуализма, то какие ценности отстаивались внутри самого города? Ведь оба упомянутые выше героя не принадлежали к крестьянскому сословию.

Прежде всего, следует отметить общие черты названных персонажей. Оба отличались выдающимися способностями: Ермолай Иваныч, нигде не учившийся мещанин, для поддержания общения с детьми «на наших глазах, по нашим книжкам выучился по-латыни и по-гречески, сколько было нужно для нас»[488], кроме того, очень хорошо играл на скрипке, рисовал, прекрасно декламировал, был деловым и хозяйственным человеком. Лев мастерски шил сапоги, некогда был успешным хозяйственником. Оба жителя города N питали неподдельный интерес и уважение к знаниям. Груды книг видели учащиеся в квартире часовщика, знания его были «довольно разнообразны и хорошо усвоены»[489]. Лев, пережив смерть жены, «набросился на чтение и, как говорили в N, "дочитался и зачитался"»[490]. И Ермолай Иваныч, и Лев в определённый момент ставили себе целью заняться собственным делом, которое могло бы приносить им существенный доход, т.е. принять

---

[487] *Харламов И.Н.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 386.
[488] *Его же.* Без начала и без конца. Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве // Вестник Европы. 1884. № 5-6. С. 533.
[489] Там же. С. 528.
[490] Там же. С. 538.

предпринимательский уклад. При этом оба *сознательно* отказались от этого пути. Примечательно, что подобный отказ Льва от традиционного мещанского образа жизни в особенности возмущал городскую бедноту. Оба проявляли сочувствие и внимание к детям. Особенно этим качеством отличался Ермолай Иваныч, квартира которого была местом своеобразного паломничества учащихся до момента появления в ней училищного инспектора.

И всё же наиболее яркой чертой, характерной для обоих героев, было стремление к обличению – обыватели, столкнувшиеся с ней, упрекали их за «злой язык» и гордыню. Ермолай Иваныч, например, осуждал хитрость, мошенничество, которое видел, прежде всего, в среде торговцев. Лев мог прилюдно рассказать всю подноготную того или иного обывателя. При этом оба признавали собственное несовершенство, были критичны к себе. Характерно, что ни тот, ни другой, в отличие от упоминавшегося волостного старшины, не имели зримого «правильного» общественного устройства, наподобие сельского мира, и, соответственно, не имели понимания или поддержки в лице горожан, были лишены сторонников.

В целом можно сказать, что оба персонажа очерка выглядят своеобразными Дон Кихотами, терпящими всяческие лишения в борьбе за высокие христианские идеалы, но так и не нашедшие своего предназначения в повседневной жизни. В определённой мере обоих героев можно назвать индивидуалистами, противостоящими социуму, т.е. мещанской среде, однако, в отличие от схемы «мир/кулак», «индивидуалисты» в данном случае выступали за сохранение общечеловеческих моральных ценностей, стремились оказывать нравственное влияние на массы. Иными словами, они противопоставляли свою индивидуальность социуму с вполне конкретной целью – ради улучшения социума. В этом видится их коренное отличие от индивидуалистов-мещан или кулаков. Примечательно также и то, что оба героя не затрагивали вопросов общественного устройства. Вероятно, в образе правдоискателей отражены мотивы мессианства, христианского

мученичества – тема, как уже говорилось выше (глава I), близкая интеллигентам-выходцам из духовного сословия.

В очерке «На перепутье» мы сталкиваемся с довольно редким для Харламова образом передового интеллигента-разночинца Рожнова, который ставит себя перед выбором между городом и деревней. В то время как в столице «куда как сладко… "разъедающими рефлексиями" заниматься… от безделья»[491], в деревне его «практическому умонастроению» нашлось широкое поле деятельности в области юриспруденции и медицины. Мировоззрение Рожнова, «сильно окрашенное народными взглядами и идеалами», может свидетельствовать о принадлежности к народническому течению, в то же время, исходя из контекста, явствует, что выпускник столичного вуза сознательно не примкнул к какому-либо общественному кружку, не участвовал в дебатах, был чужд радикализма. Автор неоднократно подчёркивает, что Рожнов хотел быть полезным мужику «без всяких эффектов, без красных и жалких слов, без размашистых и шатких теорий, без всякой задней мысли», не хотел никого «обязывать и благодетельствовать против воли»[492]. За этим виден намёк на неудачную практику «хождения в народ», отказ от подпольной деятельности и идеи «превращать народ в объект воздействий, хотя бы и самых благожелательных»[493] в пользу теории «малых дел».

Как и героев очерка «Без начала и без конца» Рожнова отличала тяга к знаниям, развитые познавательные способности, любознательность. Ход мыслей автора подводит читателя к выводу, что выбор интеллигентом «деревенского пути» определяют названные выше высокие моральные черты. Стоит добавить, что, в отличие Ермолая Иваныча и Льва, Рожнов нашёл своё жизненное предназначение. Здесь очевидна близость героя Харламова к персонажам повести Н.Н. Златовратского «Золотые сердца», который полагал, что интеллигенция «должна вступить на новый путь –

---

[491] *Харламов И.Н.* На перепутье (Очерк) // Мирской толк. 1880. № 21 (30.05). С. 247.
[492] *Его же.* На перепутье (Очерк) // Мирской толк. 1880. № 20 (25.05). С. 234.
[493] *Сакулин П.Н.* Народничество Н.Н. Златовратского // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 129.

эксплуатирующей науки, муравьиного труда и средних нравственных доблестей, ибо геройство и индивидуализм есть индивидуальный аристократизм»[494].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что образы правдоискателей, представленные в очерках Харламова, отличает определённый романтизм и отсутствие какой-либо политической активности, что сближает их с образами Ф.Д. Нефёдова и Н.Н. Златовратского. В то же время, в выборе Рожнова не видится популярного в ту эпоху опрощения, которое Н.К. Михайловский отмечал у персонажей повести Н.Н. Златовратского «Золотые сердца»[495]: герой Харламова по окончании учёбы в столице возвращается в родные места, где его знали и помнили, поэтому он не выглядел в глазах крестьянского населения «барином». Все они переживают сложности процесса индивидуализации, противопоставления себя мещанской среде. Описанные черты героев-правдоискателей, в особенности образ Рожнова, на наш взгляд, во многом отражают жизненные ценности и этические взгляды писателя-народника Харламова.

Разночинцы в произведениях, рассматриваемых Харламовым-критиком, также озабочены поиском поприща, на котором они могли бы принести пользу людям. Сюжеты, связанные с представителями прочих сословий – дворян (вне связи с крестьянами), фабрикантов, военнослужащих мы у Харламова-критика (и беллетриста) фактически не встретим.

Изучению социально-этической стороны народного самосознания посвящён научно-публицистический очерк «Русский народный юмор», написанный в форме рецензии. История смеховой культуры, по мнению Харламова – это «история изнанки цивилизации, история отрицания её уродливостей; иначе – это история идеалов человечества, поскольку они

---

[494] *Сакулин П.Н.* Из литературных переживаний Златовратского // Старый владимирец. 1911. № 275. Цит. по: *Михайлова С.Б.* Н.Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в.: Дисс. … к. филол. н. Л., 1971. С. 102.

[495] *Кулешов В.И.* История русской критики XVIII-XIX веков. Учеб. пособие для ст-тов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1972. С. 358.

могут быть определены отрицательно»[496]. Сатира и юмор представлялись ему в качестве проповедниц морали и нравственности с помощью смеха. Именно сатира и карикатура, полагал исследователь, определяют высоту нравственного уровня того или иного народа в определённую эпоху. Надо сказать, что тема юмора и сатиры практически не отражена в художественных очерках писателя. Популярность сатиры и юмора в обществе, глубина затрагиваемых ими тем, свидетельствовала, по мнению народника, о высоком уровне самосознания «лучших людей эпохи» и об относительно ровном общем культурном уровне народа, поскольку предполагала понимание смысла, заложенного в сатирических произведениях. На основе сказанного исследователь делал вывод, что подобное общество имеет предпосылки к прогрессивному развитию[497].

В процессе изучения роли смеховой культуры в народном самосознании исследователь стремился определить объекты народного смеха, мотивы их выбора, выяснить существовала ли положительная основа («идейная подкладка») смеха и какова она. Народник пытался понять, насколько широко отрицательное отношение народа к явлениям и процессам общественной жизни. Подобный приём характерен для многих публицистов второй половины XIX века, поскольку в условиях жесткой цензуры, которой подвергались газеты и «толстые» журналы, сатира помогала обходить острые углы, но, в то же время, доносить до читателя оценку тех или иных общественно-политических явлений или процессов.

Объекты смеховой культуры исследователь условно подразделял на две категории:

1. Частная жизнь (физические и нравственные недостатки отдельного человека, проблемы семейных взаимоотношений, свадебные обряды).

2. Общественно-политическая жизнь (верховная власть, закон, суд, представители привилегированных сословий).

---

[496] *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. №12. С. 8.
[497] Там же. С. 9.

К формам проявления смеха в устной народной традиции Харламов относил пословицы и поговорки, шуточные песни, сказки, лубочные картины, народный театр.

Народник выступал против интеллигентского мифа, утверждавшего, словами некрасовского стихотворения, «где народ, там и стон». «В изображениях и исследованиях крестьянского быта с Радищева, особенно же с 40-х годов, – писал Харламов, – литература постоянно придерживалась такого преувеличенного представления о беспрерывном горе и безысходной тяге народной жизни»[498]. Преувеличение, по его мнению, было обоснованным накануне реформы 1861 года, поскольку позволило подготовить «нравы», вызвав «тёплое участливое внимание к народу», сформировать в обществе заинтересованное отношение к крестьянству как к субъекту общественно-политических отношений, и оно «с честью сослужило свою службу». Столь же несправедливым, полагал И.Н. Харламов, было бы и противоположное утверждение о том, что, «где народ, там и смех». Исследователь противопоставлял этим крайностям принцип реалистичного изображения изучаемого предмета.

Ещё одним отличительным признаком, свойственным народной культуре является, по мнению Харламова, отрицательное отношение к ней со стороны официальной церкви, которая, по сути, выступала в роли цензора. Вывод исследователя в связи с этим однозначен: «Можно уничтожить скоморохов, подчинить лубочную картинку предварительной цензуре, но живое человеческое слово цензуровать никак невозможно»[499]. Бесперспективность и несбыточность подобных запретов отмечал отечественный исследователь А.М. Панченко[500]. Таким образом, можно констатировать, что Харламов выступал за расширение светского этического элемента в культуре, свободу слова.

---

[498] *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. №12. С. 6.
[499] Там же. С. 21.
[500] *Панченко А.М.* Скоморохи и «реформа веселья» Петра I // *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб., 2005. С. 45.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что проанализированные художественные очерки Харламова, его критические статьи позволяют создать объёмную картину трансформации нравственных ценностей представителей пореформенного российского общества. Данная трансформация затронула самые различные стороны жизни: обострила взаимоотношения как внутри отдельной семьи, так и сельского социума, выдвигая на первый план индивидуалистические ценности личного материального достатка, предприимчивости, социального статуса и престижа взамен общинных идей солидарности, взаимопомощи, трудового начала, норм обычного права. Зримыми символами противостояния индивидуальных и коллективных ценностных основ в беллетристике Харламова представлены город и деревня. Важную роль в формировании взаимоотношений внутри крестьянского социума, продвижения новых индивидуалистических ценностей и этических установок стали играть выходцы из крестьянского сообщества, ориентированные на городскую культуру, а также сельская элита. Как и в иные кризисные моменты, выразителями нравственных противоречий в обществе стали герои-правдоискатели, боровшиеся с пороками мещанства. В качестве одной из сторон развития общественного самосознания, позволявшей обходить цензурные барьеры и противостоять нравственным и социальным изъянам народник видел культуру смеха. Таким образом, беллетристические произведения Харламова необходимо рассматривать как способ выражения народнических идей, прежде всего, проблемы распространения индивидуализма в крестьянской среде средствами художественной прозы, литературно-публицистической критики. Морально-этические установки характеризуют автора произведений как типичного интеллигента-разночинца, уделявшего значительное внимание в своих работах «социальным обстоятельствам бытия русского крестьянина и других слоёв народа»[501].

---

[501]*Фокеев А.А., Чеботарёва Е.Г.* Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятского государственного университета. 2009. Т. 2. № 4. С. 133.

3.2. И.Н. Харламов о религиозном элементе в народном самосознании: об идеологии старообрядчества и религиозного сектантства

Работы, посвящённые религиозной проблематике, в творческом наследии Харламова представлены циклом из пяти статей по теме раскола, опубликованных в газете «Страна» летом 1880 года, тремя отдельными публикациями, вышедшими там же в 1881-1882 годах, а также статьями «К вопросу о веротерпимости», «Веротерпимость и брак», опубликованными в «Русском курьере» в 1880 и 1883 годах. Отдельно стоит сказать о «статьях-монографиях» (термин Н.Н. Златовратского), посвящённых религиозным сектам – «Странники», «Духоборцы», «Штундисты», вышедших в 1884-1885 годах в журнале «Русская мысль», а также очерке «Протопоп Иван Неронов» и рецензии «Идеализаторы раскола», опубликованных в 1881 году соответственно в «Древней и новой России» и «Деле». Таким образом, в целом публикации работ Харламова по рассматриваемой тематике охватывают шестилетний период.

Несмотря на очевидную специфику работ Харламова, посвящённых расколу и сектантству, их также следует рассматривать сквозь призму его народнических взглядов, поскольку, как отмечает отечественный исследователь Б.Б. Сажин, «изучение "раскольничьего" теоретического наследия народников становится необходимым в рамках комплексного исследования народнического подхода к разрешению всех существовавших в 70-80-е гг. общественных проблем»[502]. В связи с этим необходимо иметь ввиду, что «раскольническая» проблематика давала возможность народническим исследователям поднять вопрос о взаимоотношениях народа, интеллигенции и государства, власти и оппозиции. «За главной антитезой «раскольничьих» статей: «раскол – официальная церковь», – вдумчивый

[502] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005. С. 8.

читатель видел антитезу «народ – государство», – утверждал советский исследователь В.И. Харламов[503].

Народные религиозные верования, наряду с обычным правом и объектами народного смеха (о них шла речь в предыдущей главе) составляли, по мнению исследователя «корень “народной сути”»[504]. При этом явления религиозной жизни, по мнению, Харламова, представлялись более сложными для изучения, поскольку являлись результатом взаимодействия экономических и юридических явлений и оказывали и, в свою очередь влияли на них»[505]. В данном случае, во-первых, представлены элементы системы, во-вторых показаны связи между ними, что можно рассматривать как свидетельство системного характера взглядов народника[506]. От себя добавим, что в общественных системах подобные связи имеют нелинейный, сложный характер.

Анализируя исследования Харламова по религиозной проблематике, прежде всего, следует остановиться на вопросе методов, которыми он пользовался в своей работе. Особенность названных статей и очерков (о чём было упомянуто в параграфе 1.2) заключается в том, что они основаны на анализе опубликованных источников. «Споря или соглашаясь с различными авторами, предлагая теоретические объяснения ему принадлежащие», Харламов, по замечанию советского исследователя В.Д. Бонч-Бруевича, никогда «не шёл в натуру»[507]. Притом, что, по мнению учёного, таких возможностей у народника было предостаточно. С утверждением В.Д. Бонч-Бруевича, в своё время немало лично общавшегося с сектантами, нельзя не согласиться: Харламов действительно, в отличие от некоторых его коллег (в

---

[503] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1980. С. 42. Виктор Иванович Харламов (1948-1996) – советский и российский историк, книговед, библиограф, однофамилец И.Н. Харламова.

[504] *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. №12. С. 6.

[505] *Его же*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 59 (19.05). С. 6. – Рец. на кн.: *Пругавин А.С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1881.

[506] Наглядные примеры анализа подобного материала в рамках исторического познания представлены в работе: *Ипполитов Г.М.* Системный подход к познанию истории: дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 3 (19). С. 196-197.

[507] НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 40.

пример можно привести народнических исследователей старообрядчества и сектантства И.И. Каблица (Юзова) и А.С. Пругавина), не занимался практическим изучением описываемых им сект. Чем именно руководствовался Харламов в выборе методов изучения обозначенных проблем, сказать затруднительно.

Отсутствие опыта непосредственного изучения духоборцев, как полагал В.Д. Бонч-Бруевич, подтолкнуло Харламова к получению информации о них из вторичных источников, не заслуживающих доверия ввиду предвзятого отношения к исследуемому объекту. Речь в данном случае идёт о миссионерах и священнослужителях, в частности об О.М. Новицком, которого советский исследователь причисляет к «мракобесам из духовной среды»[508]. Следствием этого явились, по мнению В.Д. Бонч-Бруевича, принятые народником ложные установки, обрывочный, противоречивый характер приведённых сведений, бездоказательность некоторых утверждений, невольная трансляция недостоверных данных о сектантах и т.п. Подобные замечания, по нашему мнению, в большинстве случаев заслуживают внимания. Вопрос заключается лишь в том, были ли Харламову доступны те источники, которыми, спустя почти семь десятилетий, располагал В.Д. Бонч-Бруевич? Например, разъясняя роль «вождя» в секте духоборцев, исследователь говорит, что эти сведения «всем теперь (в 50-е годы XX столетия – С.Х.) общеизвестны, зарегистрированы и описаны»[509]. Но такова ли была ситуация в пореформенную эпоху? Работа В.Д. Бонч-Бруевича не даёт ответа на этот вопрос. Что касается отношения Харламова к церковным исследователям, то здесь можно вполне определённо утверждать, что народник не питал к ним особых симпатий. «Раскол, закутанный в непроницаемый покров канцелярской тайны – отмечал Харламов, – подлежал, таким образом, ведению только чиновников и духовенства, которые естественно рассказывали о нём преимущественно в духовной

[508] НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 49.
[509] Там же. Л. 53.

литературе и в отчётах и донесениях по начальству только то, что было им угодно, что рекомендовало раскол как противонародное произведение "трактирной цивилизации", как вредную, опасную, противогосударственную силу»[510]. Так что Харламов вынужденно прибегал к цитированию упомянутых работ в виду ограниченности «светских» источников, отдавая при этом себе отчёт в степени их «объективности». В целом же можно сказать, что Харламов в своих публикациях не ограничивался, конечно, только церковными исследователями.

Следует заметить, что понятием «раскол» Харламов и другие исследователи демократического направления объединяли старообрядцев и религиозных сектантов. *Раскол*, по мнению Харламова, представлял собой «выражение церковно-гражданского протеста с одной стороны и умственного религиозно-народного прогресса – с другой»[511].

Можно утверждать, что *основой* для формирования Харламовым собственной исторической картины раскола послужили, прежде всего, концепции историков демократического направления А.П. Щапова и Н.И. Костомарова. В итоге приведённая выше формула, по сути, являлась синтезом основных положений упомянутых концепций, дополненных собственными выводами. Раскол, по мнению народника, произошёл в среде передовых людей «благодаря различному их отношению к способам управлять церковью и вести дело реформы»[512]. С одной стороны оказались «централизаторы-деспоты, продолжатели давнишней тенденции властвующей Москвы», с другой – «носители областных и соборных, земских идеалов, представители подвластной русской массы»[513]. И если при

---

[510] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 7.

[511] *Его же.* Причины появления раскола // Страна.1880. № 53 (10.07). С.5. Ср.: по мнению А.С. Пругавина, раскол – «совокупность всех вообще религиозно-бытовых протестов и разномыслии русского народа» (*Пругавин А. С.* Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1. С. 305). – цит. по: *Сажин Б.Б.* Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2015. С. 115.

[512] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 97.

[513] Там же.

Никоне раскол заключался в конфликте по поводу церковного управления, в последующем, полагал народник, он стал вопросом догмата, отчасти вопросом социального строя. Данная мысль свидетельствует об общественно-религиозном характере раскола, что принципиально важно. В дальнейшем этот тезис Харламова будет рассмотрен подробнее.

Публикации народника, посвящённые проблематике церковного раскола и сектантства, позволяют выделить основные *факторы*, движущие силы этого процесса.

1. Стремление со стороны участников движения к расширению гражданских прав. Выделяя в качестве основной причины раскола процесс усиления государственной централизации, Харламов придерживался точки зрения, высказанной А.П. Щаповым. Искусственно насаждаемая централизация, считал А.П. Щапов, охватывала различные стороны экономической, политической и социальной жизни государства и, тем самым, противоречила естественному развитию народной жизни на основе земско-областных начал. Харламов отмечал, что ограничивалась гражданская и экономическая свобода: окончательно обособлялись сословия – крестьяне прикреплялись к земле, «ограничивались до minimum'а в своих гражданских правах»; духовенство прикреплялось к церквям, утрачивая право вольного перехода с места на место и, в итоге, теряло «нравственную силу» и влияние на земство, «нравственно падало». Внутри земства усиливалось имущественное расслоение между тягловыми и льготными общинами. В сфере государственного и местного управления развивалась приказно-административная система, рос чиновничий аппарат, злоупотребление властей становилось нормой, отменялось прежнее право городского самоуправления и суда. На основании сказанного народник делал вывод, что правительственные реформы нарушали естественные народные стремления, «шли наперекор всему складу русской жизни». При этом церковная реформа

Никона, как считал Харламов, была только «*поводом*, но никак не причиной его появления»[514].

2. Воздействие процесса развития народно-религиозной мысли. Не отрицая внешних, социальных причин, влияющих на общественное сознание и приведших к расколу, писатель стремился обратить внимание читателя на причины внутренние, субъективные, и развитие религиозной мысли в народе среди них занимает доминирующее положение. В этом отношении Харламов близок во взглядах Н.И. Костомарову, признававшему раскол «крупным явлением умственного народного прогресса». Н.И. Костомаров, по сути, признавал, что раскол, «явление новое, чуждое старой Руси», проявлявшееся раньше лишь в отдельных личностях, возник скорее *вопреки* существовавшим условиям: «Едва ли в христианском мире была страна, менее подготовленная к религиозным движениям, как русская, особенно великорусская»[515]. Следуя мысли историка, умственный прогресс можно рассматривать скорее не как причину, а как *следствие* раскола. Харламов в своих работах, напротив, стремился показать, что «массы в XVII веке были, может быть, индифферентны к официальной религии, но к проповеди христианства, благодаря предшествующей эволюции религиозной мысли, они были уже восприимчивы»[516]. Таким образом, восприняв мысли обоих историков, Харламов развивает их и, преодолевая противоречия, приходит к самостоятельным и выводам. В итоге раскол представал не как парадокс, а как результат закономерного многовекового процесса социально-религиозного развития общества.

Люди реформы, писал он, явились не случайно, не спорадически – вырос новый тип людей, «вполне современный, скоро понятый современниками, захвативший надолго громаднейшее нравственное влияние

---

[514] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 22-23 (курсив И.Н. Харламова – С.Х.).
[515] *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников // Н.И. Костомаров. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994.С. 267.
[516] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 22.

на массы»[517]. Проводимая народником аналогия между природными процессами, умственным развитием человека и трансформацией религиозных ценностей в обществе с опорой на труды Дж. Льюиса и Дж. Леббока, выявляет свойственные его взглядам черты позитивизма и эволюционизма. Очевидно, что здесь прослеживается влияние контовской идеи периодизации истории, а также популярной в то время теории прогресса. Вслед за Н.И. Костомаровым Харламов противопоставляет утверждениям сторонников официальной, обличительной точки зрения, представлявшей старообрядцев «тупой массой, помешанной на мелочах»[518], историко-культурную роль раскола в народной жизни[519].

Формирующиеся в народных массах религиозные идеи народник считал «результатом накопленного опыта, увеличивающегося количества наблюдений над жизнью природы»[520], связывал с крестьянским мировоззрением. На примере секты духоборцев он пояснял, что религиозная идея, «прежде чем найдёт такого выразителя, который сделает её понятной целой толпе, довольно долго предварительно перерабатывается коллективным умом народа, в котором она зародилась»[521]. На важность этого вывода указывает Л.Н. Дегтеренко[522].

Прогресс развития общественно-религиозной мысли, по мнению народника, достиг к XVII веку понимания «высших обобщений христианства» – признания единого Бога. Всегда и везде, утверждал Харламов, данный процесс первым делом сказывался в реформе старых и образовании новых религиозных представлений[523]. В качестве основной предпосылки к формированию религиозных учений и раскола в целом

---

[517] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов. С. 62.
[518] *Его же.* Наше знакомство с расколом // Страна. 1880. № 45. (08.06). С. 3.
[519] *Молзинский В.В.* Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы X Международной научной конференции. (Москва, 15-17 ноября 2011 г.). Т. 2. М., 2011. С. 8.
[520] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов. С. 62.
[521] *Его же.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 152.
[522] *Дегтеренко Л.Н.* Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Автореферат дисс. … к. и. н. М., 2010. С. 5.
[523] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов. С. 62.

Харламов полагал принцип отрицания − «отрицания начал, руководящих жизнью большинства», из которого проистекало стремление их «очистить и возродить своей проповедью»[524]. В этом вопросе Харламов был солидарен с А.П. Щаповым и Н.И. Костомаровым, признавая, что «чем сильнее был человек умственно, тем больше рвался он из-под уз авторитета, тем больше в его учении оказывалось еретичества»[525]. Здесь, считал народник, проявился «отчаянный вскрик наболевшей народной души, вконец загнанной упорным, «неотходным горем-злосчастием»[526]. Заметим, что описанные черты имеют много общего с представленными выше проявлениями индивидуализации.

При этом именно в среде духовенства формируется особый тип – проповедника-обличителя, к которому исследователь относил таких личностей, как Аввакум, И. Неронов, Никон. «Чувство личности», считал Харламов, заставляло творцов новых религиозных идей, основателей новых сект выступать с проповедью, «выносить своё дело на улицы и площади»[527]. Таким образом, названную категорию людей объединяло стремление к индивидуализации, реализованное посредством общественно-религиозной активности.

Основные различия между сторонниками реформ касались культурно-религиозных ценностей. Представители первой партии, знакомые с европейской светской научной мыслью, «признавали её важность и ею руководствовались в исправлении книг, во взглядах на религию»[528]. Эти взгляды, по мнению народника, разделяли патриарх Никон, Плещеевы, Ф.М. Ртищев, ученики его школы и иностранцы, выписанные для исправления книг. В приведённой характеристике примечательно сочетание ценностей европейской образованности, научности и деспотических амбиций, олицетворяемых Никоном. Взглядам представителей второй партии, к которой народник относил протопопов Неронова, Аввакума «с братиею»,

---

[524] *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. №10. С. 148.
[525] *Его же.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. №8. С. 22.
[526] *Его же.* Церковные идеалы и религиозные идеи Раскола // Страна. 1880. №57 (24.07). С. 3.
[527] *Его же.* Штундисты // Русская мысль. 1885. №10. С. 147.
[528] *Его же.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 71.

отдельных представителей боярства, включая известную Ф.П. Морозову, была свойственна разобщённость с внешним миром, обращённость исключительно на предметы религии. Следствием этого явилась «крайняя односторонность развития»[529]. Перечисленные черты можно было бы, на первый взгляд, объяснить низким культурным уровнем, однако, «передовые люди народа» были «сведущи в писаниях» (в этой связи достаточно упомянуть «Житие» протопопа Аввакума), к тому же близость к народу не требовала от них «ухищрений и тонкостей риторических и философских», которые часто давали возможность «прикрывать неправду и ошибки мысли»[530]. Харламов акцентирует внимание на том, что роли общественных лидеров закрепились за выходцами из народной среды, выразителями идеалов соборности, что вполне объяснимо принадлежностью исследователя к народническому лагерю. Не исключено, что за противопоставлением двух партий реформаторов скрывался намёк на течения пореформенной интеллигенции, описанные в предыдущей главе.

Последователи новгородских жидовствующих, выведя религию «на площадь», были способны, по мнению народника, концентрировать в своих воззрениях то, что «смутно уже бродит в массах». Фактически же, речь шла о чём-то среднем между «народным трибуном и христианским пророком-проповедником»[531]. Харламов подчёркивает, что религиозные проповедники действуют сознательно. Рассматривая лидеров раскола как передовых людей, он давал им оценки во многом созвучные взглядам Н.К. Михайловского. Известный публицист в те же годы занимался разработкой теории «героев и толпы». По мнению современного исследователя В.В. Зверева соображения Н.К. Михайловского по поводу теории «героев и толпы» «во многом опередили науку второй половины XIX века»[532], что позволяет считать и

---

[529] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 70.
[530] Там же. С. 71.
[531] *Глинчикова А.Н.* Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция, 2008. С. 208.
[532] *Зверев В.В.* Русское народничество: Учеб. пособие. М., 2009. С.165. Подробно о теории борьбы за индивидуальность Н.К. Михайловского см. у Н.А. Бердяева: *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в

взгляды Харламова весьма прогрессивными для своего времени. Позднее темы «героев и толпы» коснулся в своих работах и А.С. Пругавин[533].

Среди лидеров церковного раскола наиболее полно и всесторонне в работах Харламова представлен исторический портрет протопопа Ивана Неронова, которому он посвятил одноимённый очерк. Опровергая мнение П.В. Знаменского и С.М. Соловьёва, Харламов настаивает, что Неронова подтолкнула к религиозной борьбе не личная ненависть к Никону и его сторонникам, а высший, отвлечённый принцип правды, осознанный и принятый им, «ненависть к идее, которая ими руководит, сознание идеи её ложности, несправедливости, сознание другой, более справедливой идеи, которая могла бы стать на место идеи ненавистной, и страстное стремление ратовать за правду, "не щадя живота"»[534]. Исследователь неоднократно подчёркивает, что Неронов переносил телесные наказания как дар, а стремление к подвигу пересиливало физическую боль; закономерно, что Харламов именует его «рыцарем». Автор отмечает перманентный характер ценностей своего героя: принципов соборности и демократизма Неронов придерживался и до столкновения с Никоном, и после ухода патриарха, поскольку они «шли в лад в его душе с общинно-земскими привычками»[535].

Подтверждением бескорыстия Неронова может также служить «социальное христианство» (термин С.А. Зеньковского) – широкая благотворительная деятельность, развёрнутая протопопом. Современный отечественный исследователь А.Н. Глинчикова видит в этом проявление значимой тенденции: «идея ухода от мира, характерная для представителей раннего русского Возрождения, сменяется идеей служения миру, как важнейшей христианской добродетели»[536]. Принципиально важной, по

общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Сост. и комментарии В.В. Сапова. М.: Канон+, 1999. С. 196-259.

[533] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005. С. 171.

[534] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 55.

[535] Там же. С. 94.

[536] *Глинчикова А.Н.* Указ. соч. С. 106.

мнению исследовательницы, является то, что импульс улучшения шёл не сверху, от власти, а снизу, от самого общества.

Неронов – практический борец, сильный, в отличие от «теоретика» Аввакума, не широтой взглядов, а, напротив, их узостью, «удобопонятностью и непосредственной пригодностью для жизни практической»[537]. Данная характеристика не несёт на себе отрицательного оттенка и не свидетельствует о невежестве Неронова: Харламов, хотя и вскользь, упоминает, что Неронов «чуть не наизусть» знал творения Иоанна Златоуста. Отличие между Нероновым и Аввакумом проявилось, по мнению Харламова, и в степени радикальности по отношении к единомышленникам: Аввакум, «забывая о личной судьбе своей и своих друзей, возбуждает народ против патриарха»[538], Неронов же ради идей не способен был забыть о людях. Однако, социальное приложение демократически-христианской идеи Неронова, по мнению Харламова – всё же узко, поскольку касается только реформирования церковного управления. Возможно, под этим исследователь подразумевал отсутствие у протопопа политических амбиций. Тем самым, в образе Неронова угадываются ценности, разделявшиеся интеллигентами-народниками XIX века: вера в правду, прямота, идейность, решительность, уважение к народным идеалам, стремление к знанию, активному социальному служению, альтруизм. Отметим, что в данном случае индивидуальность человека носит не эгоистический, а альтруистический характер и, вследствие этого, горячо поддерживается народником.

Раскол, таким образом, по мнению Харламова, «развившись сначала как прорыв чувства озлобления, с массой разноречивых, невыработанных и отрывочных идей и положений, в дальнейшем своём развитии… свою творческую силу употребил не на определение дальнейших путей и средств, которыми можно было бы добиться признания своих требований, а на

---

[537] *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С. 56.
[538] Там же. С. 79.

выяснение себе самому основных принципов своего мировоззрения»[539]. Работа мысли, в итоге, была направлена на выработку идейных устоев. Разнообразие этих устоев на последующих этапах неминуемо приводило раскольников к разделению на различные течения (согласия).

Влияние уровня развития общественного сознания на дальнейший ход церковного раскола. Такой фактор, как низкий уровень общественного сознания среди старообрядцев и сектантов на последующих этапах развития раскола у Харламова можно считать определяющим, поскольку именно он, прежде всего, формирует характер и значение раскола как социально-исторического явления. Данный фактор отразился как на идеологии, так и на практической деятельности старообрядцев и сектантов. Своеобразным критерием, определяющим уровень развития общественного сознания религиозных меньшинств, для Харламова являлось содержание в их учениях рационализма.

Под *рационализмом* народник, как уже отмечалось в главе 1, народник понимал «особую склонность ума рассуждать на "достаточном основании", объяснять явления «естественными причинами, а не сверхъестественным вмешательством». В религиозной сфере рационализм, по его мнению, выражался в преобладании морали перед догматикой[540]. По сути, Харламовым ставился вопрос о том, что же являлось приоритетным в содержании сектантской идеологии: вера или разум. Рассматривая проблему наличия рационализма у сектантов на примере учения секты штундистов, исследователь делал вывод, что разум (т.е. критическое мышление) применяется «столь спорадически и столь редко», что «мудрено за всем учением безоговорочно признать название рационалистического»[541]. Ещё пример, продемонстрированный Харламовым: в учение духоборцев о человеке, как носителе «божественной сущности проникает мысль о греховности природы человека» – на это противоречие обращает внимание

---

[539] *Харламов И.Н.* Разделение раскола на согласия // Страна. 1880. № 61 (07.08). С. 2.
[540] *Его же.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 139.
[541] *Его же.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 11. С. 12.

Л.Н. Дегтеренко[542]. «Содержание доктрины раскольников, – настаивал народник, – суеверно-религиозное, "мистико-апокалипсическое". Это не знамя общественной борьбы, а философия отчаяния»[543]. Данное положение Харламова близко мнению Н.И. Костомарова, полагавшего, что на религии сосредоточился «весь интерес его духовной (старообрядца – С.Х.) жизни»[544].

Ядром идеологии религиозных сектантов, по мнению Харламова, являлась легенда о конце света и пришествии антихриста. Ни А.П. Щапов, ни его последователи не придавали ей того ключевого значения, какое в ней видел Харламов. Он указывал, что легенда появилась задолго до начала событий, связанных с расколом в русской церкви. Прихода антихриста ждали и в 1492 году, и видели его в образе греков, принявших Флорентийскую унию и подчинившихся Риму, и в нашествии поляков в начале XVII века. С укреплением в народе христианской религии легенда обретала всё более прочные корни. Раскол, по мнению писателя, окончательно популяризировал этот образ в русском сознании. Олицетворением антихриста стал ненавистный патриарх Никон, а затем и император Петр I, столь многим противоречивший традиционному народному укладу.

В пример исследователь приводит послание сторонника Неронова игумена Феоктиста (1669 г.), призывавшего под антихристом понимать не конкретную личность, а символическое зло – «царство сатаны в духовном смысле». Однако, массе старообрядцев чувственный образ антихриста оказался ближе и понятнее духовного, символического, вследствие чего идея Феоктиста не получила в тот период широкой поддержки[545]. Подобная персонификация зла и несправедливости в окружающем мире являлась, по мнению исследователя, свидетельством того, что человек XVII века был ещё

---

[542] *Дегтеренко Л.Н.* Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Дисс. … к. и. н. М., 2010. С. 10.

[543] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 9. С. 12. В данном очерке, выступив с критикой взглядов народнических исследователей раскола И.И. Каблица (Юзова) и А.С. Пругавина, автор наиболее полно обосновывает положение об отсутствии в старообрядческой идеологии антигосударственных идей.

[544] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 291.

[545] *Харламов И.Н.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. № 5. С. 108-109.

не способен абстрагироваться от личностей и прийти к выводу о недостатках в способе государственного или общественного устройства. Это являлось ещё одним свидетельством низкого уровня развития критического мышления и, как следствие, аполитичности старообрядческих и сектантских доктрин. «Протест труда против капитала, – указывал народник, – сводится к протесту против представителей капитала, а не против самой формы кооперации: отвлечь эту форму от личностей её определяющих никто не может, умственное развитие эпохи ниже этой задачи даже в своих передовых представителях»[546]. Приведённая выше формула отражает, кроме всего прочего, влияние марксисткой теории. Перспективность персоналистского подхода, предложенного Харламовым, по мнению отечественного исследователя Е.Е. Дутчак, доказывают современные поиски исследовательских направлений в гуманитарных науках, где «проблеме личности в истории и её рефлексиям отводится всё большее и большее значение»[547]. Следует также отметить, что Харламов не приводит, подобно И.И. Каблицу, примеров того, что среди беспоповцев особенным уважением пользовались толкователи образа антихриста в иносказательном ключе[548]. Данные толкователи привлекали особое внимание революционных народников.

От правильной постановки вопроса о качественном и количественном содержании рационализма, как в массовом общественном сознании, так и в сектах, зависело, по мнению Харламова, решение вопроса о роли и значении «социального элемента»[549]. Признание низкого уровня рационализма, персонифицированный характер мышления свидетельствовали об отсутствии политических идеалов и сознательного политического протеста среди старообрядцев и сектантов. Здесь проявилось резкое расхождение во

---

[546] *Харламов И.Н.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. № 4. С. 209.
[547] *Дутчак Е.Е.* Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX-XX вв.). Дисс. … к. и. н. Томск, 1994 (http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html. – дата обращения; 09.01.2019).
[548] *Юзов И. (Каблиц И.И.).* Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881. С. 63.
[549] Исходя из логики Харламова, можно предположить, что под термином «социальный элемент» он, вероятно, подразумевал социально-политическую составляющую идеологической доктрины.

взглядах Харламова с позицией А.П. Щапова, и его последователей, названных им «идеализаторами раскола» – И.И. Каблицем (Юзовым) и А.С. Пругавиным, – видевшими в расколе «могучую, страшную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского»[550]. Б.Б. Сажин отмечает, что идеи рационализации религиозной мысли получили широкую популярность в революционной среде[551]. Её проводником на страницах легальной печати был И.И. Каблиц «в те годы стоявший очень близко к "Земле и воле"», в то время как А.Д. Михайлов «предположительно, задумал рационализировать учение беспоповцев об антихристе»[552].

О популярности идеи вовлечения старообрядцев и сектантов в орбиту политической пропаганды землевольцев вспоминал революционный народник, один из основателей «Чёрного передела» О.В. Аптекман: «С лёгкой руки Щапова, а потом и Кельсиева и других, стало, вдруг, несомненно, известным, что раскол составляет клад для революции. Между тем, видите ли, есть бегуны – упорные и последовательные отрицатели существующего строя. И бегуны, как и другие раскольники, приняты во внимание и вводятся в программу, как желательные элементы для революционной деятельности. Собираются многочисленные сходки молодёжи и читаются пространные рефераты о раскольниках, причём с апломбом доказывается, что стремления раскола якобы сходны с стремлениями революционной молодёжи»[553].

Не исключено, что представленный автором низкий уровень рационализма в среде сектантов мог служить также объяснением неудачи «хождения в народ» в середине 1870-х годов, поскольку крестьянство видело причины бедственного положения не в социальных условиях, а в божьей каре

---

[550] *Щапов А.П.* Земство и раскол. Вып. первый. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1862. С. 29.
[551] *Сажин Б.Б.* А.Д. Михайлов и старообрядчество. (К вопросу о тактике революционного народничества) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 15. М., 2015. С. 22.
[552] Там же.
[553] *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» в 70-х гг. по личным воспоминаниям. 2-е изд. Пг.: Колос, 1924. С. 435-436.

«за грехи»[554]. Б.Б. Сажин по этому поводу замечает, что «на фоне осознанной народниками пассивности общей массы простонародья, староверы в политическом ракурсе стали выглядеть ещё более привлекательно»[555].

Следует напомнить, что Харламов не только не занимался практическим изучением сектантства, но и не вёл среди него пропаганды и, соответственно, не рассматривал их в качестве объектов идеологического воздействия. Вероятно, высказанное мнение было предостережением не только исследователям церковного раскола, но и революционным народникам-практикам, готовым пропагандировать среди сектантов политические идеи[556]. В их числе можно назвать землевольца А.Д. Михайлова. Таким образом, нельзя исключать, что Харламов, критикуя сторонников «идеализации раскола» в лице А.С. Пругавина и И.И. Каблица, опосредованно обращался и к той части активной интеллигенции, для которых встреча с «религиозными отщепенцами», особенно с сектой странников (бегунов) представлялась «чрезвычайно заманчивой»[557].

На примере движения духовных христиан (прежде всего, духоборцев) Харламов показывал, что их «самородный рационализм замкнулся в сектантскую организацию» только благодаря преследованиям дореформенной администрации. «Не будь их, – подчёркивал народник, – он создал бы лишь школу наивной рационалистической критики, да несколько человек религиозных индифферентистов»[558]. В данном случае Харламов не только подчёркивает аполитизм религиозных меньшинств, но и показывает

---

[554] *Мокшин Г.Н.* Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. ... д.и.н. Саратов, 2010. С. 23;

[555] *Сажин Б.Б.* А.Д. Михайлов и старообрядчество. (К вопросу о тактике революционного народничества) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 15. М., 2015. С. 18; его же. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2015. С. 117.

[556] В этой связи вызывает недоумение позиция Л.Н. Дегтеренко, отнёсшей Харламова к числу исследователей секты духоборцев, видевших в мировоззрении её сторонников «чёткий негативный настрой в отношении к государственной власти» – см.: *Дегтеренко Л.Н.* Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Дисс. … к.и.н. М., 2010. С. 100.

[557] Это мнение А.Д. Михайлов высказал на допросе 2 января 1881 года – цит. по: *Прибылёва-Корба А.О., Фигнер В.Н.* Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л., 1925. С. 112.

[558] *Харламов И.Н.* Причины появления Раскола // Страна. 1880. №53 (10.07). С. 3.

пример недальновидной религиозной политики государства, послужившей внешним фактором эволюции секты. Следует добавить, что Харламов был не единственным, кто выступил с критикой работ И.И. Каблица и А.С. Пругавина. Критические отклики на них дали столь разные во взглядах Н.В. Шелгунов и И.С. Аксаков[559]. Б.Б. Сажин полагает, что Харламов ошибался, называя А.С. Пругавина «идеализатором раскола». В защиту А.С. Пругавина он цитирует последнего: «Мы хотели лишь обратить внимание на те запросы и проявления умственной жизни в расколе, которые в последнее время, несомненно, сказываются в нём всё сильнее, определённее, настойчивее и которые поэтому настоятельно нуждаются в скорейшем, по возможности удовлетворении»[560].

Вместе с тем Харламов отмечал, что при всей кажущейся консервативности старообрядцев, они вполне были способны проявлять смелость и оригинальность мышления. Таким образом, вполне обоснованным представляется его вывод о том, что религиозные идеи раскола содержали «странную, чрезвычайно причудливую смесь наивного суеверия и мистицизма вместе с яркими проблесками рационализма (таково учение Аввакума об отношении к церкви и её служителям) с грубо эмпирическим пониманием отвлечённых, тонких догматических истин (как еретическое учение того же Аввакума о Троице); находим высокое понимание христианства как деятельного нравственного настроения вместе с упорною, подчас, привязанностью к обряду»[561].

Стоит отметить, что утверждение Харламова о низком уровне самосознания раскольнического движения и его аполитизме не остались незамеченным исследователями данной проблематики. Идею отсутствия сознательного протеста среди раскольников в XVII веке разделял Г.В. Плеханов, отмечая, однако, при этом, что Харламов в полемике с

---

[559] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 1980. С. 43.
[560] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005. С. 170.
[561] *Харламов И.Н.* Церковные идеалы и религиозные идеи Раскола // Страна. 1880. № 57 (24.07). С. 3.

«идеализаторами раскола» «сам склонялся в последнем счёте к идеалистической точке зрения»[562]. В.Д. Бонч-Бруевич, анализируя работу Харламова «Духоборцы», придерживался иного взгляда. Он утверждал, что всем сектам присуще отрицание старых религиозных догматов, верований, обрядов, священных книг и пр., стремление понимать и творить жизнь по-своему. Из этих новых толкований «всегда выделяются политические и социальные выводы, соответствующие пониманию, чаянию и стремлениям тех или других народных масс»[563]. Тем самым религиозные секты рассматривались им, прежде всего, в качестве общественных движений.

А.И. Клибанов отмечал, что Харламов «придавал исключительное значение реакционному влиянию религии на народные движения». Признавая замечания Г.В. Плеханова, А.И. Клибанов сделал основанный на марксистской теории вывод, о том, что Харламов не понимал, что «религиозное сектантство представляет собой не просто досадное заблуждение, но исторически ограниченную форму социального протеста крестьян»[564].

На применение Харламовым (и народниками в целом) рационалистических оценок и понятий к событиям другой эпохи, как на недостаток подобных исследований с научной точки зрения, указывала советский учёный В.С. Румянцева[565]. Также она отмечала «слишком полемический» характер работы «Идеализаторы раскола». С этим мнением можно согласиться, однако, применение рационалистических оценок, утилитарный подход к историческим сюжетам имели, в глазах народников, под собой основания.

Давая оценку работам Харламова с научной точки зрения, упомянутые учёные, на наш взгляд, порой упускают из виду их социальный контекст. Можно предположить, что именно социальные мотивы превалировали в

---

[562] *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 358.
[563] НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 42.
[564] *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX века – 1917 г.). М.: Наука, 1965. С. 28.
[565] *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. С. 16.

глазах народника над сугубо научными. Названные очерки и статьи Харламова, как уже отмечалось, опубликованы в ведущих общественно-политических и литературных журналах, а также общероссийских газетах. Тем самым, они были ориентированы хотя и на интеллигентного, но, всё же, массового читателя, а не на узкого специалиста-религиоведа. В сходной ситуации оказывается, например, «расколоведческая» публицистика А.С. Пругавина, многие статьи которого подчинены тезисам о необходимости всестороннего исследования раскола и неэффективности религиозной политики государства[566]. Сказанное позволяет рассматривать работы Харламова в рамках социально ориентированного историописания, о чём говорилось выше[567].

Таким образом, «слишком полемический» характер публицистики Харламова можно считать неизбежным следствием выбранной дискуссионной площадки, аудитории и решаемых задач, а потому, может быть, если не оправдан, то хотя бы объясним. С учётом «подчинённости изложения материала публицистическим задачам»[568] и следует, на наш взгляд, рассматривать научно-публицистические очерки народнических исследователей, в том числе и Харламова.

По мнению современного исследователя старообрядчества А.И. Мальцева, разная оценка «степени сознательности крестьянского антикрепостнического движения вообще и согласия бегунов в частности» – основной вопрос по которому расходились мнения Харламова и упомянутых «идеализаторов раскола». В связи с этим ценно замечание А.И. Мальцева, что некоторые положения концепции Харламова «не потеряли значения и сегодня»[569].

---

[566] *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005. С. 145, 170.
[567] См. параграф I.1 настоящей работы.
[568] *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. С. 11.
[569] *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в.: Монография. Новосибирск, 1996. (http://anti-raskol.ru/pages/1705 – дата обращения: 09.01.2019).

Развенчание «либерально-народнической апологетики религиозного сектантства» (определение А.И. Клибанова), сторонники которой видели возможность привлечь старообрядцев и сектантов к политической борьбе, было вызвано, на наш взгляд, стремлением Харламова оградить старообрядцев и сектантов от возможных политических преследований официальными властями, и не связано с негативным отношением к «общественным движениям, выступавшим под религиозной оболочкой»[570]. «В сектантстве нет у нас союзников»[571], – прямо заявлял он. Таким образом, при всём сочувствии представителям альтернативных религиозных течений, Харламова сложно заподозрить в идеализации их идей и заигрывании с ними.

Переход в раскол представлял, по мнению Харламова, лишь один из нескольких возможных (при этом наиболее мирный) вариант протеста. Наряду с церковным расколом можно рассматривать и такие способы сопротивления, как поступление на военную службу, участие в бунтах, вступление в разбойничьи и воровские шайки, присоединение к казачеству («вольнице»). В основе всех их, считал исследователь, лежала одна общественная цель – стремление найти такую форму общественной жизни, в которой личность и общество «не были бы в антагонизме или чтобы этот антагонизм, по крайности, был по возможности уменьшен»[572]. Таким образом, основной целью сопротивления народник признавал стремление к гражданским свободам, при этом упор делался на индивидуалистические мотивы[573]. Но поскольку данная цель не осознавалась самими участниками (о чём уже говорилось выше), постольку и протест их носил стихийный характер.

---

[570] *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 28.
[571] *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 144.
[572] *Его же.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. №4. С. 211.
[573] На первенство Харламова, видевшего персонализм в качестве выраженной доминанты вероучения секты странников (бегунов) указывает Е.Е. Дутчак – *см.: Дутчак Е.Е.* Старообрядческие таёжные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XX в.). Дисс. … д. и. н. Томск, 2008. С. 307.

Исследователь полагал, что основные направления сектантства, развившиеся после церковного раскола, идут к одной цели – «освобождению личности от гнёта стада, отрицанию прав этого стада на личность»[574]. В данном случае «освобождение», по сути, индивидуализацию, согласно системе взглядов народника, стоит рассматривать не как обособление, выделение себя из окружающей массы, противопоставление иным членам секты, а как стремление к обретению уверенности в признании гражданских прав личности (чаще всего иллюзорном): «Чувство личности, – отмечал Харламов, – теперь успокаивается, потому что оно найдено в сознании и признано. Может быть, оно попирается не меньше, может быть уколы нравственного достоинства ещё чувствительнее, но зато в общем строй личного сознания повысился»[575]. Возможно, здесь сказалась воспринятая Харламовым просвещенческая идея естественного права, признававшая за каждым индивидом врождённые свободы.

Видя единую причину в расколе и бунтах – «принцип личности, ищущей освобождения, требующей признания своих человеческих прав» – исследователь приходит к существенным выводам. Во-первых, когда личность как мотив лежит в основе народного движения, она приводит к тому же деспотизму «в виде насилия и самоуправства над представителями гнетущего порядка жизни»[576]. Тем самым, народник признаёт вероятность трансляции насилия в социально-религиозных отношениях. Здесь нельзя не отметить, что подобные мысли высказывались Харламовым и в художественных очерках, когда речь шла об индивидуалистических мотивах в семейных отношениях представителей пореформенного общества.

Во-вторых, сектанты, исходя из принципа равенства людей, своими учениями сами уничтожают провозглашённый ими принцип: «все мы равны, все люди, все человеки – это правда. Но вы во тьме ходите, а во мне

---

[574] *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 144.
[575] *Его же.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. № 5. С. 99.
[576] *Его же.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. № 4. С. 211.

действует Бог»[577]. Тем самым, сектант не признавал равенство личности человека, мыслящего иначе. Подобные выводы, по мнению исследователя, были возможны потому, что сектанты оказывались «не сильные психологи и ещё менее сильные мыслители», иными словами, отмечает низкий уровень развития социального самосознания[578]. Таким образом, в этих строках Харламова можно увидеть два необходимых критерия общественного движения – стремление к отстаиванию своих гражданских прав через признание равенства прав другого человека и осознанный характер действий.

Арсенал возможных форм проявления непосредственно религиозного раскола тоже был разнообразен: моральное самоусовершенствование, бегство в глухие места, отказ от уплаты податей, получения паспорта, уклонение от рекрутского набора – иными словами, речь шла о методах пассивной борьбы. Как раз выбор «подвижничества» как способа решения проблемы во время «бунташного» века, может, по мнению Харламова, служить ещё одним доказательством отсутствия в их идеологии антигосударственных моментов: «Подготовка к лучшей загробной жизни, нравственное самоусовершенствование личности – вот до чего дошёл раскол и ни до чего больше не мог, конечно, добраться»[579]. На преобладание пассивных форм борьбы указывает и советский исследователь В.И. Харламов[580].

Более или менее определённо среди старообрядцев и сектантов были выражены лишь требования относительно церковного устройства и управления. Главным среди них было обеспечение общенародного участия в делах церкви: «независимость областных епископов от центрального

---

[577] *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 144.

[578] В 1980-х годах английский учёный Дж. Бентон выделил три критерия индивидуализма, которые в общих чертах созвучны с приведёнными выше тезисами Харламова: 1) идея о том, что каждый индивид достоин уважения, 2) каждый имеет будущность (через принесение пользы обществу – в светском понимании или же через спасение в религиозном понимании), 3) идея об уважении к позиции другого человека вне зависимости от её содержания – см.: *Зарецкий Ю.П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 167.

[579] *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 9. С.14.

[580] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 1980. С. 43.

владыки, равенство всех служителей церкви в устройстве церковных дел, допущение к свободному, "на основании писания", обсуждению вопросов церковных всех членов церкви – духовных и мирян»[581]. Все эти требования, по мнению народника, олицетворял принцип соборности, все они были направлены на расширение коллективного, демократического принципа в церковной жизни. В данном случае Харламов высказывает суждения, типичные для представителя народнического лагеря.

Харламов придерживался общепринятой на тот момент (последняя четверть XIX века) *классификации сект*, разделяя их на аскетические и мистические. Первое (аскетическое) направление «отрицает всё телесное, убивает плоть, считая её злом, путами, навязанными дьяволом для ослабления и развращения высшей, духовной природы человека». Возвышение, освобождение духа от мелочей жизненной обстановки, удаление из мира борьбы за житейские интересы, освобождение от связей родственных, общественных, вообще от всех традиционных уз – вот главные требования этого направления. Во втором (мистическом) направлении, напротив, допускается, что «победа над злом в человеке возможна в полной мере и в этом мире», потому что в каждом человеке есть «искра Божества, которую только надо ему сознательно ощутить в себе»[582].

Мистическое направление в свою очередь имеет два течения: согласно первому, Божество во всей полноте существует вне человека и только в минуты особого душевного состояния человека воплощается в нём. Второе течение признаёт постоянное существование Божества в индивидууме. К первому течению Харламов относил секты прыгунов, хлыстов, скопцов, ко второму – духоборцев. При этом вторая секта в своих крайних вводах выражала, по мнению исследователя, полный культ личности.

Подобное деление, по мнению В.Д. Бонч-Бруевича, совершенно не выдерживает критики, ибо «все религии, секты, согласия и религиозные

---

[581] *Харламов И.Н.* Церковные идеалы и религиозные идеи раскола // Страна. 1880. № 57 (24.07). С. 2.
[582] *Его же.* Духоборцы (Исторический очерк) // Русская мысль. 1884. №11. С. 143-144.

общины и группы, все и всяческие учения, имеющие в себе элементы потусторонней жизни, ищущие начало всех начал, взывающие к какому угодно богу или сатане, все религии вообще всегда все мистичны»[583]. Так же ненадёжен, полагал учёный, и так называемый «аскетический» признак, который «всеобщ всем религиям вообще и лишь проявляется в той или иной степени в разное время общественной жизни по разным причинам, всегда имеющим своё основание»[584]. В.Д. Бонч-Бруевичем, в свою очередь, предложено условное разделение сект на свободомыслящих (рационалистов), с подразделением на секты восточного и западного толка, а также евангеликов[585]. К слову сказать, последователь В.Д. Бонч-Бруевича, А.И. Клибанов полагал, что «*при всей условности и неточности*» предложенной В.Д. Бонч-Бруевичем классификации, она стала «известным шагом вперёд»[586].

Факторы и закономерности развития религиозных групп. Исследуя деятельность религиозных сект, Харламов стремился вывести общие закономерности развития религиозных групп, а также определить факторы, влияющие на процесс развития. Подобные группы, по его мнению, проходят в своём развитии несколько этапов: религиозной экзальтации; накопления капитала и морального авторитета; упрочения главенства, снижения уровня радикальности, ортодоксальности религиозных постулатов; протеста меньшинства («брожения») и отделения новой секты. «Неизбежность развития в сектантстве социальных противоречий», отмеченную Харламовым, А.И. Клибанов считал «большим научным достижением»[587]. При этом необходимо подчеркнуть, что описанное развитие представлено народником как закономерный эволюционный процесс.

---

[583] НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 72. Ед. хр. 25. Л. 40.
[584] Там же.
[585] Раскол и сектантство в России. Доклад В.Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 187.
[586] *Клибанов А.И.* В.Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений в России // *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные сочинения в 3-х тт. Т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. С. 15 (курсив наш – С.Х.).
[587] *Его же.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX века – 1917 г.). М.: Наука, 1965. С. 24.

Внимание Харламова привлек вопрос о влиянии лидера на идеологию религиозной организации. Лидер, по мнению народника, определял, главным образом, лишь возможность появления такой секты, почти не влияя на её направление и содержание религиозных идей.

Народник выделяет основные факторы, оказывающие влияние на общественные процессы и, в том числе, на развитие сект. Одним из факторов, повлиявших на снижение общественной напряжённости в протестных событиях, явилась колонизационная деятельность крестьянства. Обширность территории, по мнению Харламова, способствовала тому, что в общественном сознании не возникало «и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы с социальным злом, кроме колонизационного ухода»[588]. Г.В. Плеханов видел существенную роль географического фактора в снижении общественной напряжённости, признавая, что Харламов «с замечательной для своего времени ясностью отметил отрицательное влияние географических условий на ход умственного развития нашего народа»[589]. В этих воззрениях Харламова можно усмотреть влияние идей географического детерминизма, проявившихся, например, в работах С.М. Соловьёва. Здесь же народник в очередной раз демонстрирует пример того, что «вольница» на новом месте «бессознательно воспроизводит ту бытовую форму, от которой, в сущности, и бежала»[590].

На примере поморской секты странников (бегунов) народник показывал влияние экономического фактора на трансформацию религиозного учения об антихристе. В петровское время секта погружается в активную торгово-экономическую деятельность: строятся корабли, ведется интенсивная торговля хлебом, и, как следствие – учение поморцев с этой поры постепенно формализуется: «антихрист плотнее приурочивается к Никону и поминается больше из приличия»[591]. При этом, однако, Харламов

---

[588] *Харламов И.Н.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. №4. С. 197.
[589] *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925. С. 358.
[590] *Харламов И.Н.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. №4. С. 198.
[591] *Его же.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. №5. С. 114.

отвергал мнение И.И. Каблица (Юзова) о том, что для современного (на тот момент) сектантства характерно преобладание экономической стороны над религиозной. Советский исследователь В.И. Харламов признавал обоснованность высказанного народником утверждения, что раскольничьи общины не представляют собой «более твёрдого бастиона, препятствующего проникновению буржуазных отношений по сравнению с обычными, крестьянскими, общинами»[592].

Тем самым исследователь представлял широкий контекст глобальных природно-географических, экономических, общественных, социально-политических процессов, свойственных обществу в ту или иную эпоху, на религиозное сознание и эволюцию религиозных сообществ. С наибольшей чёткостью оно проявлялось в ключевые моменты российской истории – в период Отечественной войны 1812 года, отмены крепостного права и пр. Отмена крепостного права, по мнению Харламова, значительно возвысила человеческое достоинство бывшего крепостного крестьянина в его собственных глазах, и, вместе с тем, пробудила в нём «некоторые новые потребности, почти неизвестные при крепостном режиме»[593]. Это, по мнению Харламова, влияло на изменение роли личностного фактора в сектантских общинах. К примеру, появление секты штундистов после «воли», полагал народник, в значительной степени ослабило «стремление к реабилитации личности в учении и культе секты»[594]. Таким образом, исследователь стремился показать, что раскол, подчиняясь общим законам общественно-исторического развития, не выработал каких-либо уникальных форм идеологии и общности, коренным образом отличающихся от остальных, созданных человечеством. Здесь в очередной раз можно отметить влияние идей эволюционизма, теории К. Маркса.

---

[592] *Харламов В.И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 1980. С. 43.
[593] *Его же.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 147.
[594] Там же. С. 152.

Отражение событий церковного раскола XVII века и последующей эволюции идеологии старообрядцев и религиозных сектантов в работах Харламова в основных чертах оказывается вписанным в рамки народнической доктрины. Анализируя особенности идеологии названных групп, народник стремился, прежде всего, подчеркнуть их религиозное содержание, слабую осознанность и противоречивость, персонифицированный характер, подчинённость общим закономерностям общественно-исторического развития. Утверждая, что создававшиеся при этом народные религиозные доктрины не могли быть отнесены к категории общественно-политических учений и, как результат, не могли иметь антигосударственной направленности, Харламов отстаивал мнение, отличное от позиции многих своих коллег, по сути, предлагая альтернативный взгляд на проблему. В целом, раскол Харламов оценивал как прогрессивное явление, ярко выразившее «идеи церковного демократизма и соборности, поставил в высокой степени прогрессивный принцип свободы совести, мысли и слова»[595].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что как художественные очерки Харламова, так и его работы по расколу и сектантству необходимо рассматривать сквозь призму тех глобальных процессов, которые происходили в российском обществе в пореформенную эпоху, а также с учётом авторского видения этих процессов. Естественно, что эти процессы проявляли себя не только в области социально-экономических или общественно-политических и правовых отношений, но и в нравственно-религиозной сфере. Если в художественных очерках читателю представлен актуальный для Харламова временной срез, демонстрирующий трансформацию ценностей представителей крестьянского сословия и близких им слоёв в течение пореформенного периода, то в очерках и статьях народника по истории церковного раскола и сектантства отражён

[595] *Харламов И.Н.* Церковные идеалы и религиозные идеи раскола // Страна. 1880. № 57 (24.07) . С. 4.

длительный и сложный процесс развития идеологии религиозных групп. В обоих случаях читатель сталкивается с картиной борьбы индивидуального и коллективного начал в процессе индивидуализации. При этом, как в том, так и в другом случае народник симпатизирует идеям демократизма, общинности, соборности, гражданских свобод. Здесь, на наш взгляд вновь проявляется двоякая авторская тенденция: с одной стороны – умение разными способами (точнее сказать – жанрами) донести до читателя актуальную проблему, способность взглянуть поверх искусственных преград, воздвигнутых между отдельными сферами знания, с другой стороны – неизбежные упрощение и схематизм, «применение рационалистических оценок и понятий к событиям другой эпохи».

Поднимая указанные проблемы, исследователь акцентировал внимание читающей публики на активном исследовании содержания нравственно-религиозного самосознания отдельных религиозных групп и народа в целом с целью формирования конструктивного общественного диалога. Тем самым народники (здесь Харламов не представлял исключения), преследуя преимущественно социальные цели, ориентировали свои произведения на широкую читательскую аудиторию, а затрагиваемые проблемы рассматривались ими как один из аспектов борьбы за расширение гражданских прав, улучшение положения социально незащищённых слоёв населения, тем самым органично вписываются в систему его взглядов. Этот момент стоит учитывать в процессе анализа народнических работ с точки зрения «чистой» науки или искусства.

Заключение

Прожив неполных 33 года, Иван Николаевич Харламов смог оставить о себе память в виде нескольких десятков художественных и публицистических очерков, статей и рецензий, исследования по земской статистике. Истоки его мировоззрения следует искать в семейном воспитании в среде сельского духовенства с идеями служения, борьбы с социальными и нравственными пороками, жертвенности, ценности знания. Важную роль сыграли и ценности, почерпнутые в народной культуре – идеалы равенства, коллективизма, взаимопомощи. Обстановка «эпохи прогресса», общение с литераторами-современниками, прежде всего с Н.Н. Златовратским, знакомство с публицистикой писателей-демократов В.Г. Белинского и Н.А. Добролюбова, трудами учёных демократического направления послужило благодатной почвой для выбора дальнейшего жизненного пути: вопреки ожиданиям родных и близких, им стала не карьера, а литературное поприще.

Закономерно, что объектом литературно-публицистических работ явилась народная проблематика, а философской и методологической основой – реализм. Харламов работал в разных форматах и жанрах: литературного очерка, рассказа, рецензии, газетной и журнальной публицистики; печатался в газетах и журналах демократического, либерального толка, таких как «Дело», «Русские ведомости», «Русская мысль», «Страна» и др. Разнообразие тем и жанров способствовало всестороннему раскрытию авторского замысла. Работая на стыке научного знания, публицистики и литературы, Харламов в своём творчестве делал сознательный выбор в пользу социальной значимости, порой – и это приходится признать – за счёт научной строгости или литературного мастерства. Наибольшую известность ему принесли журнальные статьи-монографии по вопросам обычного права и религиозного раскола, которые можно отнести к научной публицистике.

Ещё одним поприщем стала служба земским статистиком в Смоленском губернском земстве, во время которой был собран живой материал подворной земской статистики по Вяземскому уезду. Накопленный, проанализированный и подготовленный к печати при непосредственном участии Харламова материал вошёл в многотомный «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии».

Тяжёлое материальное положение, арест, болезнь внесли свои коррективы в намеченные планы: Харламову не удалось выстроить законченную систему взглядов, некоторые мысли критик не смог подробно развить в своих работах во многом из-за ограничений формата (о чём он сам неоднократно сожалел), не оставил он после себя богатого эпистолярного наследия, поэтому исследователю порой приходится иметь дело с разрозненными фрагментами этой системы, достраивать её, исходя из собственных представлений и установок. Однако, и то, что успел создать Харламов в течение десятилетнего творческого периода, заставляет современного исследователя со вниманием и уважением отнестись к фигуре и творчеству народника. Служба в земстве, женитьба на земском враче А.Н. Златовратской, также как и литературно-публицистическая деятельность, вписываются в жизненный сценарий интеллигента-народника. Подобный вывод можно сделать и относительно его мировоззрения.

Исторические, социально-экономические и общественно-политические взгляды Харламова развивались под влиянием позитивистской картины мира с приоритетом научного знания. В основе линейной схемы прогрессивного эволюционного развития лежали экономические отношения в духе теории К. Маркса. Данная схема предполагала неизбежность прихода капитализма на российскую почву. При этом наибольшее внимание в своих работах Харламов уделил субъективному фактору – индивидуализму, обусловившему капитализм. Народник исследовал его в своих работах на примере постепенного разрушения кустарных промыслов, сельской общины, усложнения практик общественного суда или взаимоотношений внутри

отдельно взятой семьи. В общественно-политической сфере этот процесс проявился в засилье бюрократии, сословной разобщённости, подавлении общественно активности (вполне очевидно, что высказывания в печати относительно сферы политики подвергались наиболее жёсткой цензуре). Таким образом, в работах Харламова формировалась картина глобального многогранного процесса, трансформировавшего и политическую систему, и социально-экономические отношения, и правовую систему, и человеческие ценности.

Взгляды на проблемы в каждой из перечисленных сфер конкретизированы в его статьях и очерках, причём в зависимости от характера исследуемого материала это могли быть публицистические или беллетристические работы. Например, социально-экономические отношения в пореформенной деревне представлены как в публицистике (с привлечением статистических данных), так и в беллетристике; для отражения трансформации нравственных ценностей выбор делался в пользу беллетристики (статистикой по этому вопросу Харламов не располагал). Некоторые из его работ невольно складываются в циклы, к примеру, газетные статьи по вопросам кустарной промышленности, беллетристические очерки со сквозными (или очень схожими) сюжетами и персонажами.

Решения названных проблем вписываются Харламовым в народническую схему, основанную на представлении о справедливом общественном устройстве: в социально-экономической сфере предлагается расширение социальной функции государства (поддержка кустарных промыслов, переселенческой политики, беднейших слоёв крестьянства, сохранение общинного устройства), в правовой сфере – сохранение практики обычного права, в общественно-политической сфере – расширение гражданских прав, представительная форма правления, расширение прав и полномочий земств.

Следует подчеркнуть, что меры, предлагаемые Харламовым, лишены радикализма: например, сохранение общинного устройства в деревне не

подразумевало искусственного насаждения или удержания этого института, применения административного принуждения, тоже относилось и к обычному праву, и к религиозным свободам. Не отрицая ограниченность и недостаточную эффективность традиционных форм сельскохозяйственного и кустарного производства в реалиях пореформенной экономики, исследователь акцентировал внимание на необходимости планомерного перехода к более эффективным формам и методам производства при условии поддержки данного сектора со стороны государственных и местных органов власти. Только в этом случае появлялась возможность избежать разорения сельскохозяйственных и кустарных производителей. Тем самым, мысль народника направлена на создание альтернативной многоукладной социально-экономической и общественно-политической модели реформирования государства и общества.

Важная роль отводилась равноправному диалогу между интеллигенцией и народом (т.е. крестьянством), преодолению сословной замкнутости и гонений религиозных меньшинств. Таким образом, можно говорить об умеренности взглядов Харламова, отражавших идеологические установки легального народничества. Оценивая представленные взгляды, их автора в рамках легального народничества мы можем отнести к центристам наряду с Я.В. Абрамовым, В.П. Воронцовым, Н.Н. Златовратским, С.Н. Кривенко.

Единые процессы, отмечаемые Харламовым в различных областях жизни, взаимосвязь проблем, и, соответственно, общие пути их решения можно оценивать двояко. С одной стороны, перед нами попытка посмотреть поверх искусственного разделения сфер жизни, целостное видение глобальных универсальных многомерных процессов, таких, как развитие индивидуализма. Всё это свидетельствует о системном характере его взглядов, обладающих признаками целостности, внутренних взаимосвязей, структурности. С другой стороны – поиск универсальных общественных законов неминуемо приводил к схематизации, генерализации, упрощению,

односторонности мировоззрения. Насколько это было осознанной стратегией? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Можно лишь предполагать, что подобный схематизм, рационализация вписывались в народническую стратегию работы с «материалом», его утилитарного использования в интересах идеи, следования требованиям актуальности, наглядности и назидательности текстов. Не исключено, что свою роль сыграло и воспитание в среде духовенства, транслировавшего идею противостояния сил добра и зла. Надо сказать, что беллетристика в этом отношении играла важнейшую роль, поскольку именно она помогала вскрывать внутренние социальные и этические проблемы.

Отдельно необходимо остановиться на взглядах Харламова по вопросам церковного раскола и сектантства. Публикации на эту тему следует признать более узкоспециальными. По этой причине их содержание невозможно полностью вписать в представленную выше схему, однако, в целом эти публикации также можно рассматривать сквозь призму народнических воззрений. Следует полагать, что сознательная читающая публика в условиях жёсткой цензуры могла в драматических перипетиях прошлых столетий увидеть проекцию на современные общественные проблемы, а в описании лидеров церковного раскола – аналогии с течениями пореформенной интеллигенции.

Историческая перспектива описанных выше пореформенных процессов выстраивалась Харламовым в рамках популярной в тот период идеи противостояния двух начал – «централизма и народоправства» (во многом следуя идеям историков демократического направления Н.И. Костомарова и А.П. Щапова). Разделяя по тому или иному вопросу мнения своих предшественников, публицист стремился делать из них самостоятельные выводы. Основополагающими факторами церковного раскола народник считал сопротивление процессу насильственной централизации, нарушавшей исконные принципы народного самоуправления «на началах выборных», возможности его участия в общегосударственных делах. Не менее важную

роль играл процесс развития общественного самосознания. Эти факторы рассматриваются им с позиций позитивизма и эволюционизма.

Выдвинутая старообрядцами доктрина, по мнению Харламова, имела чисто религиозное содержание, а её целью являлось самоусовершенствование ради личного спасения. Сам факт выбора и поддержки подобной доктрины в период «бунташного» века свидетельствовал, во-первых, об отсутствии антиправительственных настроений среди большинства её участников, а, во-вторых, о минимальной роли старообрядчества в бунтах XVII века и последующих социально-политических событиях.

Ключевым вопросом раскола явилась постановка проблемы личности. В этом отношении стоит выделить два момента. Прежде всего, итогом раскола стал общий рост самосознания (Харламов использовал термин «рационализм») как в среде самих раскольников, так и окружающего населения, пробуждение интереса к проблемам личности. С другой стороны, выдвинутые в этот кризисный момент истории лидеры раскола, явились не просто неординарными людьми, но героями, способными заглянуть в будущее, увидеть идеи, которые «смутно уже бродят в массах», увлечь этими идеями и повести за собой. В этом отношении можно отметить сходство во взглядах Харламова с лидером реформаторского направления в народничестве Н.К. Михайловским, а также провести вектор в сторону будущих гуманистических теорий XX века. Оценивая характер религиозных учений и уровень рационализма в среде современных ему старообрядцев и сектантов, Харламов предостерегал современников от попыток использования их в узкокорыстных целях антигосударственной борьбы.

Очевидно, что проблему индивидуализма в условиях набиравшего обороты капитализма и проблему личности в тематике раскола и сектантства можно рассматривать как единый сложный феномен, занимающий центральное место в системе взглядов народника. При этом полярность рисуемого Харламовым процесса индивидуализации обуславливалась

конечной целью – собственным благополучием или общественными интересами.

Следует признать, что поднятые Харламовым темы соотношения индивидуального и коллективного, взаимоотношений церкви, государства и общества, проблемы общественного самосознания, сохранения традиционных ценностей и борьбы за гражданские свободы, общественных преобразований остаются (и будут оставаться) актуальным ещё не одно поколение.

Источники

I. Историографические источники

1. Хронологический список работ, опубликованных И.Н. Харламовым

1875

Беллетристика

1.1. *Харламов И.Н.* Дьячки (Бытовой очерк) // Пчела. 1875. № 40 (19.10). С. 477-480.

1876

Беллетристика

2.1. *Харламов И.Н.* Из-за раздела (Очерк) // Московское обозрение. 1876. № 12 (19.12). С. 177-180.

1877

Публицистика

3.1. *Возехмин [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Московское обозрение. 1877. № 29 (19.07). С. 135-144. – Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб.: Тип. В.Ф. Демакова, 1877.

Беллетристика

4.2. *Харламов И.Н.* Старшина (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 25 (21.06). С. 377-386.

5.3. *Харламов И.Н.* Самоуправление (Из быта сельского духовенства) // Русские ведомости. 1877. № 295 (24.11). С. 1-2, № 297 (26.11). С. 1-3.

6.4. *Харламов И.Н.* Несчастная (Очерк) // Московское обозрение. 1877. № 47-48 (02.12). С. 89-103.

1878

Публицистика

7.1. *Харламов И.Н.* Факты общинного владения // Московское обозрение. 1878. № 1. С. 37-47.

Беллетристика

8.2. *Харламов И.Н.* На чужой стороне (Очерк) // Русские ведомости. 1878. № 60 (08.03). С. 1-2.

9.3. *Харламов И.Н.* Солдатское счастье (Очерк) // Московское обозрение. 1878. № 16 (23.08). С. 41-43.

10.4. *Харламов И.Н.* Мир и кулак (Очерк) // Русские ведомости. 1878. № 237 (20.09). С. 1-3.

11.5. *Харламов И.Н.* Чудной человек (Рассказ) // Русские ведомости. 1878. № 314 (12.12). С. 1-2, № 315 (13.12). С. 1-2, № 316 (14.12). С. 1-2.

1879

Публицистика

12.1. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Помочь (Из обычно-общинных отношений) // Русское богатство. 1879. № 1. С. 66-74.

Беллетристика

13.2. *Харламов И.Н.* Песня-быль (Дорожный рассказ) // Русские ведомости. 1879. № 5 (06.01). С. 1-2.

14.3. *Харламов И.Н.* Вражья сила (Очерк) // Мирской толк. 1879. №15 (20.04). С. 124-127, № 16 (28.04). С. 137-140.

15.4. *Харламов И.Н.* Из-за бабы (Очерк) // Русские ведомости. 1879. № 285 (12.11). С. 1-3.

1880

Публицистика

16.1. *Харламов И.Н.* К вопросу о студенческих общежитиях // Страна. 1880. № 23 (20.03). С. 2-4.

17.2. *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье (Опыт по обычному праву) // Русское богатство. 1880. №3. С. 59-107, № 4. С. 57-112.

18.3. *Харламов И.Н.* Наше знакомство с расколом // Страна. 1880. № 45. (08.06). С. 2-4.

19.4. *Харламов И.Н.* Причины появления раскола // Страна.1880. № 53 (10.07). С. 3-5.

20.5. *Харламов И.Н.* Церковные идеалы и религиозные идеи раскола // Страна. 1880. №57 (24.07). С. 1-4.

21.6. *Харламов И.Н.* Разделение раскола на согласия // Страна. 1880. № 61 (07.08). С. 2-4.

22.7. *Харламов И.Н.* Современное значение раскола // Страна. 1880. № 64 (17.08). С. 1-4.

23.8. *Х-в И. [Харламов И.Н.]*. К вопросу о веротерпимости // Русский курьер. 1880. № 256 (20.09). С. 1-2, № 263 (27.09). С. 2-3.

24.9. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Земство Области войска Донского // Страна. 1880. № 83 (23.10). С. 1-3. – Рец. на кн.: Труды комиссий, учреждений в г. Новочеркасске для разрешения вопросов, касающихся практического применения Положения о земских учреждениях в Области войска Донского. Новочеркасск, 1880.

25.10. *[Харламов И.Н.]*. Заметка о женских врачебных курсах. (Письмо в редакцию) // Страна. 1880. № 85 (30.10). С. 4-5.

26.11. *Веретевский И. [Харламов И.Н.]*. К вопросу о положении духовенства // Страна. 1880. № 91 (20.11). С. 2-4, № 92 (23.11). С. 2-4.

27.12. *[Харламов И.Н.]*. Новые данные об общине // Русский курьер. 1880. № 310 (13.11). С. 1-2, № 317 (20.11). С. 3-4, № 331 (04.12). С. 1-2. – Рец. на кн.: Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Под ред. Ф.Л. Барыкова, А.В. Поповцева, П.А. Соколовского. Т. 1. СПб.: Изд. Вольного экономического и Русского географического обществ, 1880.

28.13. *Харламов И.Н.* Ответ г. Ландцерту // Страна. 1880. № 93 (27.11). С. 4-5[596].

Беллетристика

29.14. *Харламов М. [Харламов И.Н.]*. Две сестры (Очерк) // Русские ведомости. 1880. № 6 (06.01). С. 1-5.

---

[596] О женских врачебных курсах

30.15. *Харламов И.Н.* На перепутье (Очерк) // Мирской толк. 1880. № 16 (22.04). С.185-187, № 17 (03.05). С. 198-199, № 18 (09.05). С. 210-212, №19 (16.05). С. 221-223, № 20 (25.05). С. 234-235, № 21 (30.05). С. 246-248.

31.16. *[Харламов И.Н.]*. Беда (Из рассказов бывалого человека) // Мирской толк. 1880. № 32 (16.08). С. 378-380, № 33 (23.08). С. 388-391.

32.17. *Харламов И.Н.* Конец – всему делу венец (Очерк) // Свет и тени. 1880. № 36 (13.09). С. 161-163.

33.18. *Харламов И.Н.* Деревенский скандал (Очерк) // Свет и тени. 1880. № 40 (11.10). С. 189-191.

1881

Публицистика

34.1. *Харламов И.Н.* Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия. 1881. № 1. С 55-97.

35.2. *[Харламов И.Н.]*. Голод // Страна. 1881. № 15 (03.02). С. 1-2.

36.3. *[Харламов И.Н.]*. Старообрядческое братство // Страна. 1881. № 23 (22.02).С. 3.

37.4. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Гигиенические условия народной жизни // Страна. 1881. № 25 (26.02). С. 4-6. – Рец. на кн.: *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1880.

38.5. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Новые журналы и книги // Древняя и новая Россия. 1881. № 3. С. 563-584. – Рец. на ст.: *Калачев Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний. Т. VIII. СПб., 1880, *Березанский П.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1880.

39.6. *[Харламов И.Н.]*. Юридические журналы // Страна. 1881. №42 (07.04). С. 4-5.

40.7. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 47 (21.04). С. 5-6. – Рец. на ст.: *Антропов Л.Н.* Русские раскольники и английские диссиденты // Русская речь. 1881. № 4.

41.8. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Привилегии в суде // Страна. 1881. № 56 (12.05). С. 2-4.

42.9. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 59 (19.05). С. 6-7. – Рец. на кн.: *Пругавин А.С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1881.

43.10. *[Харламов И.Н.]*. Литтрэ [Некролог] // Страна. 1881. № 62 (26.05). С. 6-7.

44.11. *[Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 62 (26.05). С. 7. – Рец. на кн.: Свод общих постановлений Рязанского губернского земского собрания. Сост. А.Д. Повалишин, А.К. Дворжак. СПб., 1881.

45.12. *[Харламов И.Н.]*. Столкновение закона и обычая // Страна. 1881. № 66 (07.06). С. 1-2.

46.13. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 79 (07.07). С. 5-7. – Рец. на журн.: Отечественные записки. 1881. № 6.

47.14. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 89 (30.07). С. 6-7. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 7.

48.15. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. К вопросу о хлебе // Страна. 1881. № 90 (02.08). С. 1-2.

49.16. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 97 (18.08). С. 6-7. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 8, Дело. 1881. № 7.

50.17. *Харламов И.Н.* Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 8. С. 1-26, № 9. С. 1-26. – Рец. на кн.: *Юзов И. [Каблиц И.И.]*. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881, *Пругавин А.С.* Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1, *Пругавин А.С.* Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1881.

51.18. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 103 (01.09). С. 5-7. – Рец. на журн.: Отечественные записки. 1881. № 8.

52.19. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 109 (15.09). С. 5-7. – Рец. на журн.: Вестник Европы. 1881. № 9.

53.20. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 112 (22.09). С. 6-7. – Рец. на кн.: Избранные беседы пастора Берсье. Пер. А.И. Забелина. СПб.: Тип. Е.А. Благосветловой, 1881.

54.21. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 118 (06.10). С. 7. – Рец. на кн.: *Пальм А.И.* Больные люди. В 2 т. СПб.: Э. Гартье, 1881.

55.22. *[Харламов И.Н.]*. Организация крестьянских переселений// Страна. 1881. № 122 (15.10). С. 1-2.

56.23. *[Харламов И.Н.]*. Вилковские старообрядцы во время русско-турецких войн (Исторический очерк) // Страна. 1881. № 128 (29.10). С. 1-2.

57.24. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 130 (03.11). С. 6-7. – Рец. на журн.: Отечественные записки. 1881. № 9, № 10.

58.25. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 142 (01.12). С. 5-7. – Рец. на ст.: *Земец [Берви-Флеровский В.В.]*. Заметки земца о земских изданиях и земских приёмах // Дело. 1881. № 8-11; *Ленский [Онгирский Б.П.]*. Семейные разделы // Дело. 1881. № 11; *Личков Л.С.* Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. № 11.

59.26. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. [Рецензия] // Страна. 1881. № 148 (15.12). С. 6-7. – Рец. на кн.: *Томас Мюнцер.* Драматическая хроника из времён крестьянской войны в Германии [в стихах] / [Соч.] Л.Е. Оболенского. СПб.: Журн. «Мысль», 1882.

60.27. *Харламов И.Н.* Русский народный юмор // Дело. 1881. № 12. С. 1-36. – Рец. на кн.: Русские народные картинки. Собрал и описал Д.А. Ровинский. Кн. 1-5. СПб.: Имп. Акад. наук, 1881.

1882

Публицистика

61.1. *[Харламов И.Н.]*. Земское дело // Страна. 1882. № 11 (26.01). С. 2-4.

62.2. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Наблюдения над народной жизнью // Страна. 1882. № 87 (27.07). С. 7-8. – Рец. на кн.: *Успенский Г.И.* Деревенская неурядица (Рассказы). Т. 1-3.СПб.: Э. Гартье, 1881-1882; *Златовратский Н.Н.* Деревенские будни. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1882.

63.3. *[Харламов И.Н.]*. Капиталист или кустарь? // Страна. 1882. № 107 (14.09). С. 7-8. – Рец. на кн.: *В.В. [Воронцов В.П.]* Судьбы капитализма в России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.

64.4. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Введение в антропологию // Страна. 1882. № 116 (05.10). С. 7. – Рец. на кн.: *Тейлор. Э.Б.* Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации. СПб.: И.И. Билибин и К°, 1882.

65.5. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Изучение кустарной промышленности // Страна. 1882. № 128 (02.11). С. 6-7. – Рец. на кн.: *Харизоменов С.А.* Труды комиссии по устройству кустарного отдела на Всеросс. промышленно-художественной выставке 1882 г. // Промыслы Владимирской губернии. М.: Изд. Асафа Баранова, 1882. Вып. 2: Александровский уезд; Вып. 3: Покровский и Александровский уезды.

66.6. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Вопросы кустарной промышленности // Страна. 1882. № 143 (07.12). С. 5-6.

67.7. *[Харламов И.Н.]*. Сектанты – «рационалисты» // Страна. 1882. № 148 (19.12). С. 1-2.

68.8. *[Харламов И.Н.]*. Земельные банки // Страна. 1882. № 152 (28.12). С. 1-3.

69.9. *[Харламов И.Н.]*. Кустарная форма производства // Страна. 1882. № 153 (30.12). С. 2-3.

Беллетристика

70.10. *Харламов И.Н.* Стенное писание (Очерк) // Дело. 1882. №7. С. 235-257.

1883

Публицистика

71.1. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Южнорусский индивидуализм // Неделя. 1883. № 22 (03.06). Стб. 748-752.

72.2. *Х-в И. [Харламов И.Н.].* Веротерпимость и брак // Русский курьер. 1883. № 126 (22.07). С. 1-2.

73.3. *И.Х. [Харламов И.Н.]*. Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7. С. 1-27.

74.4. *Х-в И. [Харламов И.Н.].* Земская медицина // Русский курьер. 1883. № 151 (16.08). С. 1-2.

75.5. *Харламов И.Н.* Наши журналы // Мирской толк. 1883. № 36 (05.10). С. 389-390. – Рец. на журн.: Отечественные записки. 1883. № 6, № 7, № 8.

Беллетристика

76.6. *Харламов И.Н.* На наделе (Очерк) // Дело. 1883. № 2. С. 95-119.

77.7. *Харламов И.Н.* Деревенские картинки. I. Шалят // Мирской толк. 1883. № 15 (23.04). С. 151-154.

78.8. *Харламов И.Н.* Последняя потеря (Очерк) // Русские ведомости. 1883. № 261 (23.09). С. 1, № 263 (25.09). С. 1-2.

79.9. *Харламов И.Н.* Срамники (Из рассказов сельского учителя) // Русский курьер. 1883. № 193 (27.09). С. 1-2, № 198 (02.10). С.1-3, № 202 (06.10). С. 1.

80.10. *Харламов И.Н.* Недоразумение (Из деревенской жизни) // Новости дня. 1883. № 106 (11.10). С. 3.

81.11. *Харламов И.Н.* По старине (Очерк) // Русские ведомости. 1883. № 300 (01.11). С. 1-2.

1884

Публицистика

82.1. *Харламов И.Н.* Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль. 1884. №4. С. 196-229; №5. С. 93-135; №6. С. 44-69.

83.2. *Харламов И.Н.* Духоборцы (Исторический очерк) // Русская мысль. 1884. № 11. С. 138-161, № 12. С. 83-115.

Беллетристика

84.3. *Стрельцов И. [Харламов И.Н.].* На развалинах счастья (Рассказ) // Русские ведомости. 1884. № 10 (10.01). С. 1-2, № 16 (16.01). С. 1-2, № 18 (18.01) С. 1, № 23 (23.01). С. 1-2, № 30 (30.01). С. 1-2.

85.4. *Харламов И.Н.* На волю (Очерк) // Мирской толк. 1884. № 1 (14.01). С. 6-9, № 2 (22.01). С. 19-20, № 3 (29.01). С. 31-32.

86.5. *Иламов [Харламов И.Н.].* Подгулял (Очерк) // Русский сатирический листок. 1884. № 11 (24.03). С. 1-2.

87.6. *Х-мов И. [Харламов И.Н.].* Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. 1884. № 5-6. С. 512-547.

1885

Публицистика

88.1. *Харламов И.Н.* Штундисты // Русская мысль. 1885. № 10. С. 143-158, № 11. С. 1-17.

Беллетристика

89.2. *Харламов И.Н.* Укрепили (Очерк) // Развлечение. 1885. № 26 (04.07). С. 516-519.

90.3. Харламов И. По-новому (Очерк) // Русские ведомости. 1885. № 256 (17.09). С. 1-2.

1886

Публицистика

91.1. Сборник статистических сведений по Смоленской губернии. Т. I. Вяземский уезд. Вып. 2. Издание Смоленского губернского земства. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. V+201 с.[597]

---

[597] В предисловии к сборнику указано, что «отдел о крестьянском хозяйстве, промыслах и кредите составлен И.Н. Харламовым… литературная же часть работы, текст второго отдела – в значительной степени выполнены И.Н. Харламовым».

2. Литературная критика на произведения И.Н. Харламова

Аристархов [Введенский А.И.]. Литературные беседы // Русские ведомости. 1884. № 171 (22.06). С. 1-2.

Его же. Литературные беседы // Русские ведомости. 1885 № 344 (14.12). С. 2-3.

Его же. Очерки литературы // Русские ведомости. 1884. № 126 (08.05). С. 1-2;

Исторический листок. Фельетон «Русского курьера» // Русский курьер. 1881. № 70 (13.03). С. 1-2.

3. Народническая публицистика и беллетристика

Воронцов В.П. Артель и община. Избранные сочинения / Василий Павлович Воронцов; вступ. Статья и составление А.И. Кравченко. М.: Астрель, 2008. 1072 с.

Его же. Экономика и капитализм. Избранные сочинения / Василий Павлович Воронцов; вступ. Статья и составление А.И. Кравченко. М.: Астрель, 2008. 981 с.

Дубакин Д.Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период появления «Домостроя» // Христианское чтение. 1880. № 3-4. С. 311-361. Изд-во СПб ПДА, 2010.

Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. первый: обычное право. М.: Издание В.И. Касперова, 1884. 398 с.

Златовратский Н.Н. Очерки народного настроения // Русская мысль. 1884. № 1. С. 82 – 103.

Кавелин К.Д. Общинное владение. СПб.: Изд-во «Недели», 1876. 64 с.

Костомаров Н.И. История раскола у раскольников // Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 608 с.

Николай-он [Даниельсон Н.Ф.]. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства // Слово. 1880. № 10. С. 77-142.

Очерки народной жизни (Сост., вступ. статья и примеч. М.Л. Семановой). М.: Сов. Россия, 1986. 512 с.

Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. Сост. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. 512 с.

Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. 95 с.

Его же. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. 1884. №1. С. 161-199.

Русанов Н.И. Новейшая литература по общинному землевладению [А. Посников. Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875. Вып. II. Одесса, 1877. Кн. А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. II. Гл. XII. СПб., 1876]: Критич. Очерк Н. Русанова. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879. 57 с.

Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Университетская тип., 1877. 260 с.

Утопический социализм в России: Хрестоматия. М.: Политиздат, 1985. 590 с.

Щапов А.П. Земство и раскол. Выпуск первый. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1862. 161 с.

Его же. Сочинения. Т. 2. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1906. 620 с.

Юзов И. (Каблиц И.И.). Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., 1881.

II. Исторические источники

1. Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации:

Ф. (фонд) 63 (Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при московском градоначальнике).

Оп. 41. Дд. 139, 194.

Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел).

Оп. 127. Д. 795.

Оп. 313. Д. 26.

Ф. 112 (Особое присутствие Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах).

Оп. 1. Д. 608.

Ф. 1742 (коллекция фотодокументов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений).

Оп. 1. Д. 38595.

2. Российский государственный исторический архив:

Ф. 776 (Управление по делам печати Министерства внутренних дел).

Оп. 2. Дд. 21, 22, 23.

Ф. 1405 (Министерство юстиции).

Оп. 85. Д. 10992.

3. Российский государственный архив литературы и искусства:

Ф. 202 (Златовратский Н.Н.).

Оп. 1. Д. 45.

Ф. 342 (Нефёдов Ф.Д.).

Оп. 1. Дд. 129, 151, 200.

4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга:

Ф. 14 (Петроградский университет).

Оп. 3. Д. 18752.

5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки:

Ф. 77 (Гольцев В.А.).

Карт. 8. Ед. хр. 40

Ф. 369 (Бонч-Бруевич В.Д.).

Карт. 72. Ед. хр. 25.

Ф. 616 (Масанов И.Ф.).

Карт. 5. Ед. хр. 23.

6. Государственный архив Владимирской области:

Ф. 14 (Канцелярия Владимирского губернатора).

Оп. 10. Дд. 24, 54, 244, 332.

Ф. 454 (Владимирская духовная семинария).

Оп. 1. Дд. 446, 510.

Ф. 556 (Владимирская духовная консистория).

Оп. 111. Дд. 684, 949

Ф. 704 (Губернское жандармское управление).

Оп. 1. Дд. 6, 8, 31.

Ф. Р-410 (Богданов Л.С.).

Оп. 1. Дд. 187, 444.

7. Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник:

В-35136/1-11. Письма представителей семейства Златовратских.

В-15890/18. Фотография чёрно-белая. Портрет писателя-народника Харламова Ивана Николаевича.

В-1228. Харламов И. Рисунок. Николай Петрович Златовратский, отец писателя.

8. Личный архив семьи Гвоздецких:

Письма священника Николая Александровича Харламова к детям и сестре жены.

Харламов И. Рисунок. Корабль в шторм.

9. Личный архив С.С. Харитонова:

Визитная карточка И.Н. Харламова

Опубликованные источники

Об организации и работах статистического отделения. Доклад XX очередному Смоленскому губернскому земскому собранию // Журналы XX очередного Смоленского губернского земского собрания. С 15 по 23 января 1885 года. Смоленск: Тип. Ельчанинова, 1885. С. 277-282.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. Т.13. Кн. 1. Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1968. С. 46, 68, 72, 172 (Письма А.В. Топорову, К.Д. Кавелину, Л.А. Полонскому, П.В. Анненкову).

2. Мемуарная литература

Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» в 70-х гг. по личным воспоминаниям. 2-е изд. Пг.: Колос, 1924. 460 с.

Буланова О. А.П. Буланов // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 291-296.

Гиляровский В.А. Москва газетная // *Гиляровский В.А.* Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1968. 440 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007. 672 с.

Засодимский П.В. Из воспоминаний. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 450 с.

Златовратский Н.Н. Воспоминания. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. 464 с.

Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / Сост., вступ. ст. и комм. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М.: Правда, 1989. 656 с.

Короленко В.Г. История моего современника. Кн. 1-2. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. 1948. 652 с.

Кропоткин П. Записки революционера. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 372 с.

«Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг. / [Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали] Л.: Лениздат, 1989. 415 с.

Плеханова Р.М. Наша жизнь до эмиграции // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, Л.Г. Дейча. Под ред. Л.Г. Дейча. Сб. 6. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 341 с. С. 65-119.

Русанов Н.С. На родине. 1859–1882. М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 351 с.

Его же. Событие 1 марта и Н.В. Шелгунов // *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.М.* Воспоминания: В 2-х тт. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1967. 512 с.

Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. 432 с.

Соколова Е.И., урожд. Харламова. М.Ю. Лермонтов в его отношениях к эпохе. Эскиз. М.: Тип. В.М. Саблина, 1916. 56 с.

Тихомиров Л. Воспоминания. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2003. 617 с.

Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). Воспоминания. М.: Новости, 1991. 464 с.

Шестернин С. Владимирский кружок молодёжи и Н.Е. Федосеев (Страничка воспоминаний) // Федосеев Н.Е. – один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 185 с.

1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II / Сост. В.Е. Кельнер. Л.: Лениздат, 1991. 384 с.

3. Периодика

Владимирская жизнь

1917. №№ 7, 15.

Владимирские губернские ведомости

1893. № 7 (часть неоф.)

1896. № 39 (часть неоф.)

Владимирские епархиальные ведомости

1869. № 22 (часть неоф.)

Русский курьер

1881. № 8.

Старый владимирец

1911. № 275

1912. № 133.

1916. № 198.

4. Биобиблиографические работы

Колобанов В.А., Маштафаров В.Н. Русские писатели на Владимирской земле. Владимир, 1971. С. 57-58

Малицкий Н. История Владимирской духовной семинарии. Вып. 3. М., 1902. С. 309;

П.В.Б. [Быков П.В.]. Харламов И.Н. // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1890-1907, Т. 73. С. 78

[Смирнов А.В.]. Иван Николаевич Харламов // *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы (Материалы для биобиблиографического словаря). Вып. 1. Владимир: Тип. губернского правления, 1896. С. 144-159.

Титова В.И. Харламов Иван Николаевич [Биобиблиографическая статья] // Владимирская энциклопедия: биобиблиографический словарь. Владимир, 2002. С. 462.

Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 7: Писатели, умершие в 1887 г. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. С. 90-91;;

5. Некрологи

[Некролог] И.Н. Харламов // Новости. 1887. № 79.

[Некролог] И.Н. Харламов // Петербургский листок. 1887. № 78 (22.03).

Некролог. Иван Николаевич Харламов // Русская мысль. 1887. № 4. С. 195.

Н.З. [Златовратский Н.Н.] Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Русские ведомости. 1887. № 77.

М.Г. [Гребенщиков М.М.]. Иван Николаевич Харламов [Некролог] // Дело. 1887. № 3. С. 137-138.

III. Историография

1. Дореволюционная историография

Анти-вехи. Вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 640 с.

Астырев Н.М. Василий Иванович Орлов // *Пругавин А.С.* Московский иллюстрированный календарь-альманах на 1887 год. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1887. С. 102-107.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском / Сост. и комментарии В.В. Сапова. М.: Канон+, 1999. 480 с.

Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. 384 с.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011. 320 с.

Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Мн.: Изд-во Белорусского Экзархата – Белорусской Православной Церкви, 2005. 576 с.

Мельников А. Самобытность старообрядчества // Русская мысль. 1911. № 5. С. 72-81.

Мельников Ф.Е. Что такое старообрядчество (Статьи). Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки строительства храма Покрова…», 2007. 404 с.

Народническая экономическая литература: Избр. произведения / [Под общ. ред. д. э. н. Н. К. Каратаева]. Москва: Соцэкгиз, 1958. 680 с.

Писарев Д.И. «Базаров». «Реалисты». Послесловие Л.Г. Птушкиной. Примеч. Ю.С. Сорокина. М.: Худож. лит., 1974. 336 с.

Плеханов Г.В. История в слове / Вступ. ст. С.С. Волка; коммент. А.И. Козыря. М.: Современник, 1988. 509 с.

Его же. История русской общественной мысли. Кн. 1. М.; Л., 1925.

Сакулин П.Н. Из литературных переживаний Н.Н. Златовратского // Старый владимирец. 1911. №№ 274, 275.

Его же. Народничество Н.Н. Златовратского // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 117-133.

Скабичевский А.М. Беллетристы-народники. Критические очерки. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 315 с.

Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. Пер. с англ. М. Ермашевой. М.: Мысль, 1965. 407 с.

2. Советская историография

Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. Учеб пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1974. 192 с.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 274 с.

Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. 343 с.

Его же. Избранные сочинения в 3-х тт. Т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 412 с.

Буш В.В. Очерки литературного народничества 70–80-х гг. М.; Л.: ГИХЛ, 1931.

Бялый Г.А. Русский реализм конца XIX века. Л.: Лен. ун-т, 1973. 168 с.

Вильчинский В.П. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX века. М., 1979.

Володин И.А. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М.: Мысль, 1973. 304 с.

Горячкина М.С. Своеобразие реализма народнической прозы // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 379-407.

Её же. Художественная проза народничества. М.: Наука, 1970.

Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А. А. Шилова [и др.] ;

Всесоюзное общ-во политических каторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Всесоюз. общ-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927-1934.

Есин Б.И. Демократический журнал «Дело». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959.

Его же. История русской журналистики XIX в.: Учеб. для студ. вузов по спец. «Журналистика». М.: Высш. шк., 1989. 240 с.

Его же. Н.В. Шелгунов. М., 1977.

Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.

Идеи социализма в русской классической литературе. Под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука, 1969.

История буржуазной социологии XIX – начала XX века. М.: Наука, 1979. 344 с.

Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIXв. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.

Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М.: Академия наук СССР, 1961. 768 с.

Его же. «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 116-135. Электронный ресурс: https://voplit.ru/article/narodniki-i-narodnichestvo/

Кузнецов В. Писатель-реалист // Эртель А.И. Гарденины: их дворня, приверженцы и враги: Роман. М.: Советская Россия, 1985. С. 3-20.

Кузнецов Ф.Ф. Нигилисты? Д.И. Писарев и журнал «Русское слово». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Худ. лит-ра, 1983. 592 с.

Кулешов В.И. История русской критики XVIII-XIX веков. Учеб. пособие для студентов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1972.

Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1974. 443 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 368 с.

Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988. 176 с.

Малинин В.А. История русского утопического социализма. Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1977. 240 с.

Его же. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. 340 с.

Маслин М.А. Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского народничества. М., 1977.

Михайлова С.Б. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в.: Дисс. … к. филол. н. Л., 1971.

Её же. Н. Златовратский и Л. Толстой (Идейные искания Н.Н. Златовратского в 80-е годы) // Русская литература. 1969. № 4. С. 136 – 147.

Николаев П.А. К вопросу о типологических характеристиках реализма (Опыт русской критики 70 – 90-х годов XIX века) // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 455-472.

Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Изд-во АСТ, 2004. 604 с.

Ольховский Е.Р. К истории «Чёрного передела» (1879-1881) // Общественное движение в пореформенной России. М.: Наука, 1965. С. 124-178.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.

Прибылёва-Корба А.О., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 231 с.

Проблемы типологии русского реализма: сб. ст. М.: Наука, 1969. 464 с.

Пруцков Н.И. Творческий путь Г.И. Успенского. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов (Коллективная монография). М.: Наука, 1983. 560 с.

Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986.

Русское Православие: вехи истории. / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.

Семенкин К.Г. Н.Н. Златовратский. Очерк жизни и творчества. Ярославль: В-Волж. кн. изд-во, 1976. 144 с.

Его же. Н.Н. Златовратский в нашем крае (К 125-летию со дня рождения писателя). Методическое пособие в помощь лектору. Владимир, 1970. 52 с.

Серебренникова В.Г. Демократический журнал «Дело» в годы общественного подъёма (Конец 70 – начало 80-х годов XIX в.) // История СССР. 1961. № 1. С. 118-130.

Соколов Н.И. Н.Н. Златовратский // Русская литература и народничество. «Учёные записки» Лен. гос. ун-та. Вып. 74. Л., 1971. С. 40-75.

Его же. Русская литература и народничество. Литературное движение 70-х гг. XIX века. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1968.

Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1978. 416 с.

Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866-1895 гг. М.: Мысль, 1979. 350 с.

Фохт У. Пути русского реализма. М.: Советский писатель, 1963.

Фридлендер Г.М. Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе XIX века. Л.: Наука. Лен. отд-ие, 1971.

Харламов В.И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века. Дисс. …к. и. н. М., 1980.

Его же. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990. 336 с. С. 163-185.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

Его же. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX века. Л., 1971.

Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев: этюды к творческому портрету. М.: Мысль, 1981. 286 с.

Шорникова Л.А. Из переписки Н.Ф. Бажина с А.И. Эртелем (Материалы к истории артельных журналов «Русское богатство» и «Слово») // Русская литература. 1977. № 3 С. 168-188.

Щипанов И.Я. Философия и социология русского народничества. М., 1983.

Эйдельман Н. Твой девятнадцатый век. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.

3. Постсоветская историография

Александров И.А. Закон от 3 мая 1883 года и трансформация ответственности сектантов за некоторые религиозные преступления // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 7-10.

Андреева В.Г. «Реализм» в русской литературе второй половины XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 193-198.

Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 253 с.

Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2011. № 2. С. 5-22.

Его же. Становление модели реформаторской демократии в творчестве русских мыслителей второй половины XIX века // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 4. С. 39-54.

Архипова Е.А. Из истории изучения роли старообрядцев в развитии экономики России // Вестник РГГУ. Серия: «Исторические науки» (История. Философия. Культурология. Востоковедение). 2012. № 4. С. 240-247.

Афанасенко И.Д. Реализм и рационализм в развитии русской цивилизации // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 5. Экономика. С. 9-16.

Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 267 с.

Его же. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век) / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1996. С. 297-324.

Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: Монография. Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 192 с.

Его же. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 2012. 124 с.

Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 304 с.

Блохин В.В. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века: Монография. М.: Современная экономика и право, 2009. 212 с.

Его же. Историческая концепция Николая Михайловского (К анализу мировоззрения русской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001.

Его же. На переломе 1891 – 1894: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80 – 90-е годы XIX века. Исторические этюды. М., 2004.

Блохин В.В., Лобанова Е.Н. Дихотомия «народ – интеллигенция» в радикальной мысли России середины XIX – начала XX вв. (К проблеме истоков русской смуты начала XX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 22-31.

Браславский Р.Г. Социологический диагноз правовой культуры дореволюционной России // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. Материалы международной научной конференции 15-17 ноября 2007 г. Санкт-Петербург. СПб, 2007. С. 18-20.

Будаев Д.И. Земская статистика // Смоленское земство (очерки истории и практической деятельности). Смоленск: Смоленское обл. кн. изд-во «Смядынь», 1998. 109 с.

Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI-XXI вв.): Коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 200 с.

Верещагин А.Н. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М.: Международные отношения, 2002. 192 с.

Валиуллина И.В. История развития статистики Смоленщины // Статистика в современном обществе: её роль и значение в вопросах государственного управления и общественного развития: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 180-летию со времени образования органов государственной статистики Нижегородской области (г. Нижний Новгород, 28 мая 2015 г.). Н. Новгород: Нижегородстат – Нижегородский госуниверситет, 2015. С. 31-37.

Возилов В.В. Региональная интеллигенция в России: Сб. ст. Иваново: Изд. дом «Референт», 2008. 212 с.

Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. … д. ю. н. Саратов, 2011. 63 с.

Глинчикова А.Н. Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008. 384 с.

Головко В.М. Я.В. Абрамов в истории русской общественной мысли // Вестник ставропольского государственного университета. Вып. 76 (5). 2011. С. 32-38.

Его же. Яков Васильевич Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 304 с.

Графский В.Г. Политические и правовые учения русских народников. Истоки и эволюция. М.: Наука, 1993. 319 с.

Гриценко Н.Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881–1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики. М.: Русский путь, 2000. 240 с.

Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в истории России (XVII-XIX вв.). Сб. научн. трудов / Отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 1999. С. 126-148.

Давыдов М.А. Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнительно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2013. № 1. С. 5-19.

Дегтеренко Л.Н. Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Автореферат дисс. … к. и. н. М., 2010.

Дорошенко Н.Е. Женщинский вопрос в контексте народнической идеологии второй половины XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. Т. 8. Вып. 11. С. 193-196. (режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschinskiy-vopros-v-kontekste-narodnicheskoy-ideologii-vtoroy-poloviny-xix-veka Дата обращения – 20.09.2020).

Дутчак Е.Е. Старообрядческие таёжные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XX в.). Дисс. … д. и. н. Томск, 2008.

Её же. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX-XX вв.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических

наук. Томск, 1994. (Электронный ресурс: http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html.Дата обращения – 05.10.2020).

Жвания Д.Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский). Дисс. … к.и.н. СПб., 1997.

Жукоцкий В.Д., Фурман Ф.П. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3. С. 156-176.

Зверев В.В. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2008. № 4. С. 55-71.

Его же. Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых к девяностым годам XIX века. М.: Уникум центр, 1997. 365 с.

Его же. Русское народничество: Учеб. пособие. М., 2009. 286 с.

Зверев Н.В. Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова. Дисс. … к. и. н. М., 2013.

Зеленин Ю.А. Базовые компоненты в идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История / Политология. Барнаул, 2007. Вып. № 4/3. С. 234-238.

Земцов Л.И. Обычно-правовые основы деятельности волостных судов в России (60-70 гг. XIX в.) // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 234-244.

Ипполитов Г.М. Системный подход к познанию истории: дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 3 (19). С. 192-199.

История и историография правого народничества: Сб. ст. Воронеж: Истоки, 2014. 296 с.

Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века. Автореферат дисс. … к. и. н. Омск, 2013. 23 с.

Касторнов С.Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ. Автореферат дисс. … к. и. н. Орёл, 2002.

Кениспаев Ж.К., Серова Н.С. Тема индивидуализма человека в философии марксизма // Аллея науки. Научно-практический электронный журнал. 2017. № 3. (Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30266724. Дата обращения – 15.11.2020).

Козлова Н.Н. Гендерные аспекты социально-политических взглядов К.П. Победоносцева // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 69-75.

Колесникова Л.А. Народническая мемуаристика: По материалам источникового комплекса журн. «Каторга и ссылка»: Монография. Н. Новгород: НГАСУ, 1999. 117 с.

Коломийцев В.Ф. Социология Герберта Спенсера // Социологические исследования (СОЦИС). 2004. № 1. С. 37-44.

Коробкова С.Н. Концепция реализма в истории русской мысли // Вече. Журнал русской философии и культуры. СПб., 2012. № 24. С. 105-122.

Её же. Реализм в системе «материализм – идеализм»: историко-философский аспект // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113 (09). С. 1-16.

Её же. Социально-экономическая теория К. Маркса в объективе русского критического реализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 71-85.

Котов А.Э. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с.

Кубасов А.В. Гендерная проблема в народническом изводе: Ф.М. Решетников и А.И. Левитов // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 2, Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 59-68.

Кузнецова Т.В. Проблема народности в духовном наследии народников // Философия и общество. 2005. № 1. С. 82-93.

Курошева М.С. Становление Смоленского земства (1864-1889). Дисс. … к. и. н. Смоленск, 2015. 229 с.

Лавров А.С. Письмо и челобитная Ивана Неронова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 101-106.

Лаухина Г.В. Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX в. – начало XX вв.). Автореферат дисс. … к. и. н. Тамбов, 2012. 23 с.

Левин С.В. Исследование кустарных промыслов в России (80-е – 90-е гг. XIX в.) // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под. ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов: Наука, 2008. Вып. 4. С. 52-59.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.

Маджаров А.С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и её историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и др.) // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 16. 2020. № 3. С. 207-219.

Его же. Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Щапов) // Известия Иркутского государственного ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т.19. С. 40-49.

Максимов Д.С. Реализация правовых функций крестьянской общины в социальной сфере во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2013. № 3(5). С. 51-56.

Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2015. Вып. 4. С. 125-135.

Его же. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2015. № 2. С. 36-44.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.

Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с. (Электронный ресурс: http://krotov.info/history/18/3/malzev_02.htm. Дата обращения – 05.10.2020)

Мамонтов В.Д. Содержание экономического учения народников сквозь призму развития современного российского капитализма // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 4 (96). С. 19-27.

Медушевский А.Н. История русской социологии: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1993. 317 с.

Мир старообрядчества: Сб. научн. тр. М., 1998. Вып. 4.

Мокшин Г.Н. Взгляды на проблему русской интеллигенции неонародников и идейное наследие легального народничества // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 57 – 64.

Его же. Идеи и жизнь «артельного человека» С.Н. Кривенко (1847 – 1906). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2012. 196 с.

Его же. Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. ... д.и.н. Саратов, 2010.

Его же. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции: монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 357 с.

Его же. Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 104 – 109.

Его же. Проблема возникновения легального народничества // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 1. С. 59 – 64.

Его же. Проблема периодизации истории легального народничества // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 292 – 296.

Его же. Социокультурная концепция идейной эволюции легального народничества // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 210 – 213.

Его же. Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 1. С. 52 – 62.

Его же. Что такое народничество? // Известия Саратовского ун-та. 2011. Т. 11. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2, Ч. 1. С. 21 – 29.

Его же. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.: монография. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.

Молзинский В.В. Николай Иванович Костомаров и его концепция старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы X Международной научной конференции. (Москва, 15-17 ноября 2011 г.). Т. 2. М., 2011. С. 4-12.

Муравьева М.Г. Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII века // Электронный научный журнал «Социальная история». 2013. Вып. 1 (1). С. 81 – 87.

Мухина З.З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье XIX – начала XX века. Автореферат дисс. … д. и. н. М., 2014. 39 с.

Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 300 с.

Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 1. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2013. 300 с.

Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 280 с.

Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс. ... д.ю.н. М., 1999.

Никулин М.В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). Дисс. … к. и. н. М., 1996.

Омельянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX – XIII веков: учеб. пособие. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010. 118 с.

Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. СПб.: Изд-во журн. «Звезда»», 2005. 544 с.

Пашков А.М. А.С. Пругавин: от революционных кружков до изучения старообрядчества (1869-1881 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2010. № 7 (50). С. 43-55.

Пелевин Ю.А. Идейные основы «Земли и воли» в 1870-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 3-17.

Пеньков А.И. В.П. Воронцов в современной историографии позднего народничества // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 4. С. 71-74.

Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.

Печкин М.Б., Тупицын И.В. Академик живописи Н.Н. Харламов. Жизнь и творчество. Иваново: ИИТ «А-Гриф», 2020. 200 с.

Их же. Харламов Николай Николаевич. Жизнь и творчество. Фурманов: Издательский Дом Николаевых, 2013.

Поликарпова Е.В. Начала российской конституции в политико-правовой идеологии народничества // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2008. № 3. С. 466-502.

Её же. От какого наследства не стоит отказываться (политико-правовые идеи народничества) // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2007. № 1. С. 5-26.

Её же. Программа реформ в идеологии раннего народничества // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2010. № 4. С. 707-717.

Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 141 с.

Пушкарева Н.Л. «Женский» вопрос в теории марксизма (Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастливым?) // Женщина в российском обществе. 2002. № 1. С. 2-12.

Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855-1917 гг. М.: Пробел-2000, 2017. 305 с.

Римский С.В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 32-48.

Розина Н.В. Атрибуция семейных фотографий из архива Н. Златовратского // Материалы исследований. Сб. № 2. Сост. А.А. Тенёткина. Владимир, 1997. С. 55-60.

Рязанов В.Т. Российская школа национальной экономии и её историческое значение // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 5. 2003. Вып. 4 (29). С. 3-16.

Его же. Хозяйственная модель русских народников и российский путь в экономике // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 162-179.

Сажин Б.Б. А.Д. Михайлов и старообрядчество. (К вопросу о тактике революционного народничества) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 15. М., 2015. С. 17-27.

Его же. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектантству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: история

и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2015. С. 114-120.

Его же. Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина:70-80-е гг. XIX века. Дисс. … к. и. н. М., 2005.

Его же. Проблема старообрядчества в публицистике Я.В. Абрамова // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т.19. С. 27-33.

Сафронов Р.О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы // Вестник ПСТГУ 1: Богословие. Философия. 2013. Вып. 3 (49). С. 96-112.

Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.

Смоленское земство (очерки истории и практической деятельности). Смоленск: Смоленское областное книжное изд-во «Смядынь», 1998. 112 с.

Соболева Л.С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского гос. ун-та. 2002. № 24. Вып. 5. С. 97-122.

Соловьев В. К вопросу о судьбах русской крестьянской общины // Власть. 2008. № 9. С. 108-113.

Сопин В.С., Сопина Н.В. Вопрос о судьбах русской крестьянской общины в экономической мысли XIX – начала XX вв. (Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-sudbah-rossiyskoy-krestyanskoy-obschiny-v-ekonomicheskoy-mysli-xix-nachale-xx-vv/viewer. Дата обращения – 05.10.2020).

Степаненкова З.В. Общественно-политические взгляды В.В. Берви-Флеровского в проблемном поле интеллектуальной истории. Дисс. … к. и. н. Омск, 2014. 258 с.

Титова В.И. Из семьи Златовратских // Владимирский некрополь. Князь-Владимирское кладбище: сб. Владимир, 2002. Вып. 5. С. 79-80.

Её же. Кружок Златовратских во Владимире // Записки владимирских краеведов. М.: РИБ «Турист», 2000. № 3. С. 14-23.

Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 372 с.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

Тюкачёв Н.А. Либеральная историография революционного народничества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5-6. С. 196-199.

Его же. Народничество в исторических исследованиях 2000-х годов // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 27-33.

Его же. Народничество в освещении российских «охранителей» самодержавия // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 1. С. 74-89.

Его же. Отечественная историография революционного народнического движения 1860 – 1880-х годов: становление и эволюция. Автореферат дисс. … д. и. н. М., 2013. 38 с.

Филатов Н.Ф. Иван Неронов. Пора становления // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 319-322.

Фокеев А.А., Чеботарёва Е.Г. Демократическая очеркистика 1860-х годов и народническая литература (традиции и преемственность) // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2009. Т. 2. № 4. С. 131-134.

Фролов Н.В. Из истории Веретьевского погоста. Владимир: Транзит-ИКС, 2020. 56 с.

Фурман Ф.П., Фурман Т.Г. Некоторые аспекты философско-политико-правовой направленности идей основателей народничества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. (Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-filosofsko-politikopravovoy-napravlennosti-idey-osnovateley-narodnichestva/viewer. Дата обращения – 20.09.2020).

Хабибова Э.Х. Исследования народной жизни А.Я. Ефименко: субъективизм русского обычного права // Сумма философии. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 184-185.

Хайлова Н. Русский либерал А.С. Посников: «Сила и мощь – в единении» (Режим доступа: http://rusliberal.ru/books/Hajlova_POSNIKOV.pdf. Дата обращения – 22.10.2020).

Харабет К.В. Преступление и наказание. Закон и порядок в русской классической литературе XIX века. М.: РИПОЛ классик, 2012. 432 с.

Чеботарева Е.Г. Проза писателей-народников как художественное явление 1870-х гг. // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных исследований. 2008. № 4. С. 152-158.

Чернышева Е.В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии. Автореферат дисс. … д. и. н. Челябинск, 2011. 45 с.

Шалашников Г.В. Этические категории в народнической традиции русской философии права третьей четверти XIX века // Философия права. 2008. № 1. С. 13-17.

Шатковская Т.В. Правовой быт российских крестьян второй половины XIX века. Автореферат дисс. … к. и. н. Ростов на Дону, 2000. 30 с.

Её же. Традиционные принципы обычного права российских крестьян второй половины XIX – начала XX веков: понятие, классификация и особенности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск 2006. С. 105-110.

Яковлев А.М. Социальная структура общества. Учебник. М.: Экзамен, 2003. 384 с.

4. Зарубежная историография

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.

Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. 448 с.

Зеньковский С. Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории Русской Церкви XVII века) // Вестник Русского христианского студенческого движения. 1954. №1 (31). С. 11-17.

Его же. Русский раскол старообрядчества. Мн., 2007.

Карташев А. Собрание сочинений в 2 т. М.: ТЕРРА, 1992.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Лори Манчестер; пер. с англ. А.Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб., 1882

Тальберг Н. История Русской церкви: М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 960 с.

Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Мн., 2006.

Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве: Брак и развод в позднеимперской России // Православие: Конфессия, институты, религиозность (XVII-XX вв.): Сб. научных работ / под ред. М. Долбилова, П. Рогозного. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 280 с. С. 122-175.

Приложение

Статистика публикаций И.Н. Харламова

А) по изданиям

Издание	Период												Итого	Основные работы
	1					2			3					
	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886		
1. Вестник Европы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	***1***	Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) (1884)
2. Дело	–	–	–	–	–	–	3	1	2	–	–	–	***6***	- Идеализаторы раскола (1881) - Русский народный юмор (1881) - Стенное писание (Очерк) (1882) - Московская беллетристика (1883) - На наделе (Очерк) (1883)

3. Древняя и новая Россия	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	***2***	- Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) (1881) Новые журналы и книги (1881)
4. Мирской толк	–	–	–	–	1	2	–	–	2	1	–	–	***6***	- Вражья сила (Очерк) (1879) - На перепутье (Очерк) (1880) - Наши журналы (1883)
5. Московское обозрение	–	1	3	2	–	–	–	–	–	–	–	–	***6***	- Из-за раздела (Очерк) (1876) - Рец. на кн.: *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на Севере России (1877) - Несчастная (Очерк) (1877) - Факты общинного владения (1878)
6. Неделя	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	***1***	
7. Новости дня	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	***1***	

8. Пчела	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	***1***	Дьячки (Бытовой очерк) (1875)
9. Развлечение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	***1***	
10. Русская мысль	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–	***3***	- Духоборцы (Исторический очерк) (1884) - Странники (Очерк из истории раскола) (1884) Штундисты (1885)
11. Русские ведомости	–	–	1	3	2	1	–	–	2	1	1	–	***11***	
12. Русский курьер	–	–	–	–	–	2	–	–	3	–	–	–	***5***	Новые данные об общине (1880) Веротерпимость и брак (1883)
13. Русский сатирический листок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	***1***	
14. Русское богатство	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	***2***	Помочь (Из обычно-общинных отношений) (1879) Женщина в русской семье (Опыт по обычному праву) (1880)

15. Свет и тени	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	***2***	
16. Страна	–	–	–	–	–	10	22	9	–	–	–	–	***41***	цикл статей о церковном расколе (1880) цикл статей о кустарной промышленности (1882)
17. Сборник статистич. сведений по Смоленской губернии	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	***1***	***1***	Т. I. Вяземский уезд. Вып. 2 (1886)
Итого изданий в год	***1***	***1***	***2***	***2***	***3***	***6***	***3***	***2***	***6***	***5***	***3***	***1***	***–***	
Итого публикаций в год	***1***	***1***	***4***	***5***	***4***	***18***	***27***	***10***	***11***	***6***	***3***	***1***	***91***	
	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	***Итого***	

Б) по жанрам

Период	Год	Количество публикаций	Жанр		Основные работы
			публицистика (в т.ч. критика)	беллетристика	
1 1875-1879	1875	1	–	1	Дьячки (Бытовой очерк) // Пчела. 1875.
	1876	1	–	1	Из-за раздела (Очерк) // Московское обозрение.
	1877	4	1	3	- Рец. на кн.: *Соколовский*

					П.А. Очерк истории сельской общины на Севере России // Московское обозрение
					- Старшина (Очерк) // Московское обозрение
					- Несчастная (Очерк) // Московское обозрение

	1878	5	1	4	- Факты общинного владения // Московское обозрение
	1879	4	1	3	- Помочь (Из обычно-общинных отношений) // Русское богатство - Вражья сила (Очерк) // Мирской толк

2
1880-1882
	1880	18	13	5	- Женщина в русской семье (Опыт по обычному праву) // Русское богатство
					- цикл статей о церковном расколе // Страна
					- Новые данные об общине // Русский курьер
					- На перепутье (Очерк) // Мирской толк

	1881	27	27	–	- Идеализаторы раскола // Дело - Протопоп Иван Неронов (Очерк из истории раскола) // Древняя и новая Россия - Новые журналы и книги // Древняя и новая Россия - Русский народный юмор // Дело
	1882	10	9	1	- цикл статей о кустарной промышленности // Страна

					- Стенное писание (Очерк) // Дело
3 1883-1886	1883	11	5	6	- Веротерпимость и брак // Русский курьер - Московская беллетристика // Дело - На наделе (Очерк) // Дело - Наши журналы // Мирской толк

	1884	6	2	4	- Духоборцы (Исторический очерк) // Русская мысль
					- Странники (Очерк из истории раскола) // Русская мысль
					- Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы

	1885	3	1	2	Штундисты // Русская мысль
	1886	1	1	–	Сборник статистических сведений по Смоленской губернии. Т. I. Вяземский уезд. Вып. 2.
Итого		91	61	30	